

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Герасимов Дмитрий Игоревич

**Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном
направлении СССР (1918 – начало 1930-х годов)**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д. и. н., профессор

Гришаева Л.Е.

МОСКВА – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1: Внешняя политика Советского государства на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.)	43
1.1. Дальневосточный регион до 1917 г.: взаимоотношения России, Японии и Китая.....	43
1.2. Советско-китайские отношения (1918–1922 гг.)	62
1.3. Советско-японские отношения (1918–1922 гг.)	83
Глава 2: Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на китайском направлении (1920-е гг.)	100
2.1. Л.М. Карахан и советско-китайское соглашение 1924 г.	100
2.2. Политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.): между Гоминьданом и КПК.....	114
2.3. Гражданская война в Китае в оценках Советского государства: крах политики китайского Объединенного фронта	143
Глава 3: Л.М. Карахан и кризис на КВЖД (1924–1929 гг.)	162
3.1. Советско-китайское соглашение 1924 г. по КВЖД.....	162

3.2. Нарастание напряженности в советско-китайских отношениях (1925–1927 гг.)	178
3.3. Военно-политический кризис на Дальнем Востоке: конфликт на КВЖД 1929 г.....	189
Глава 4: Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на японском направлении (1920-е – первая половина 1930-х гг.)	204
4.1. Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана по разрешению внешнеполитических проблем в советско-японских отношениях (1920-е гг.)	204
4.2. Деятельность Л.М. Карахана в период Маньчжурского кризиса (1931–1932 гг.)	221
4.3. Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях (1932–1934 гг.)	234
Заключение.....	249
Приложение №1.....	263
Библиография.....	268

Введение

Научная значимость и актуальность. Дальний Восток – восточный рубеж Российской Федерации, включающий в себя обширные территории – от бассейнов рек, впадающих в Тихий океан, до Сахалина и Курильских островов. Дальневосточный регион имеет важное стратегическое и геополитическое значение в международных отношениях, а успех достижения стратегических целей в обеспечении национальных интересов государства определяется вкладом личности в развитие дипломатических отношений с соседними государствами – Китаем и Японией. В настоящее время особую актуальность приобретает разработка научных проблем, посвященных изучению истории становления и развития советско-японских и советско-китайских отношений, в том числе касающихся одного из самых острых вопросов – формирования дальневосточного узла противоречий в так называемом треугольнике Китай–СССР–Япония, отзвуки которого непосредственно определяют международную повестку сегодняшнего дня. В свою очередь, выявление роли и вклада Л.М. Карахана в формирование и развитие внешней политики Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. необходимо для выяснения истоков и сути межвоенного кризиса, приведшего к переломному событию мировой истории XX века – Второй мировой войне. Научная значимость исследуемой проблемы заключается в том, что внешняя политика Советского государства на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. рассматривается в контексте дипломатической деятельности Л.М. Карахана, заместителя наркома иностранных дел Советского государства, что позволяет по-новому взглянуть на проблемы советско-китайских и советско-японских отношений в 1920–1930-е гг. в их динамике и совокупности.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются международные отношения и внешняя политика Советского государства в Дальневосточном регионе в 1918 – начале 1930-х гг. Дальний Восток находился

в сфере влияния сразу трех государств – РСФСР (с 1922 г. – СССР), Китая и Японии, – которые были вынуждены взаимодействовать и искать компромиссы, что позволило разрешить многие важные проблемы как межгосударственного, так и международного характера. Предметом исследования является дипломатическая деятельность Л.М. Карахана в контексте советско-китайских и советско-японских отношений в 1918 – начале 1930-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1918 г. по 1934 г. В настоящем исследовании подробно рассматривается дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении: от его назначения в марте 1918 г. заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР до его перевода в 1934 г. на должность полпреда СССР в Турции.

Территориальные границы исследования связаны с его объектом и предметом и обусловлены дипломатической деятельностью Л.М. Карахана в Дальневосточном регионе по урегулированию различных внешнеполитических вопросов между Советским государством, с одной стороны, а также Китаем и Японией, с другой стороны.

Цель и задачи исследования. Цель исследования – выявить роль и вклад дипломатической деятельности Л.М. Карахана во внешнюю политику Советского государства на дальневосточном направлении в 1918 – начале 1930-х гг.

Для достижения поставленной цели исследования были сформулированы следующие задачи:

- выявить узловые проблемы внешней политики Советского государства на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг.;
- проанализировать дипломатическую деятельность Л.М. Карахана на китайском направлении в 1920-е – начале 1930-х гг.;

– рассмотреть проблему КВЖД и показать ее влияние на развитие отношений с Китаем и Японией в 1920-1930-е гг.;

– проследить деятельность Л.М. Карахана на японском направлении в 1920-е – начале 1930-х гг.

Методологической основой исследования является принцип историзма. В рамках данного исследования был также применен системный подход для выявления сути и причин советско-китайских и советско-японских противоречий. В соответствии с обозначенными методологическими подходами в работе были использованы: хронологический метод, позволивший проследить дипломатическую деятельность Л.М. Карахана на фоне советско-китайских и советско-японских отношений в хронологической последовательности; историко-сравнительный метод, с помощью которого удалось проанализировать общее и особенное в работе дипломатических сотрудников НКВД Советского государства на разных временных промежутках; проблемно-исторический метод, давший возможность исследовать основные противоречия в треугольнике СССР–Китай–Япония в 1920–1930-е гг.

Степень изученности темы. Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана до 1970-х гг. не являлась предметом отдельного исторического исследования, это связано с отсутствием источникового материала, который бы позволил рассмотреть деятельность Л.М. Карахана и ответить на вопрос – какую роль в дипломатических отношениях сыграл Л.М. Карахан во внешней политике СССР на Дальнем Востоке?

В 1970-е гг. были впервые опубликованы важнейшие документы по внешней политике СССР на Дальнем Востоке – «Документы внешней политики СССР» (Тт.1-18), которые позволили сместить фокус исследователя от больших исторических событий и процессов и обратить внимание на персоналии. Первую попытку проследить жизненный путь Л.М. Карахана предпринял М.С. Капица – советский историк-востоковед и дипломат.

В 1970 г. вышла книга М.С. Капицы: «Видные советские коммунисты – участники китайской революции»¹, в которой автор в художественном стиле знакомит читателя с деятельностью советских дипломатов, связанных с китайской революцией 1925–1927 гг. – В.К. Блюхер, М.М. Бородин, Г.Н. Войтинский, П.А. Миф, Л.И. Мадьяр. Среди них был и Л.М. Карахан – советский дипломат и полпред в Китае с 1923 по 1926 гг. М.С. Капица в биографическом ключе изложил основные вехи жизни Л.М. Карахана, однако более подробно был описан тот период жизни, когда он находился на посту полпреда в Китае (1923–1926 гг.). Отсутствие научного аппарата, историографии, работы с источниками, не позволяют назвать информационную брошюру о Л.М. Карахане историческим исследованием. Однако М.С. Капица впервые обозначил основные вехи жизни Л.М. Карахана, что облегчило поиск исторических свидетельств о Л.М. Карахане будущему исследователю.

В 1983 г. вышла в свет книга В.В. Соколова: «На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана»². Работа В.В. Соколова – пример историографии, которая находится на грани источника. Книга построена по проблемно-хронологическому принципу (от участия Л.М. Карахана в Брестских переговорах 1917–1918 гг. где он исполнял функции секретаря, до деятельности Л.М. Карахана в качестве полпреда СССР Турции в 1934–1937 гг.), автор выделяет причинно-следственные связи исторических событий, используя научную литературу, однако выводы автора не касаются роли личности Л.М. Карахана в дипломатической политике СССР, а относятся к внешнеполитическим событиям, в которых принимал участие Л.М. Карахан. В послесловии автор сообщает, что при работе над книгой использовал не только опубликованные документальные материалы, но и воспоминания очевидцев событий и близких родственников Л.М. Карахана: воспоминания первой жены

¹ Капица М.С. Видные советские коммунисты – участники китайской революции [Отв. ред. д-р ист. наук проф. Г. В. Астафьев и др.]; М., 1970.

² Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М., 1983.

Л.М. Карахана, Клавдии Ефремовны Манаевой (1890–1978 гг.), о революционной работе и о их совместной жизни; интервью Ирины Львовны Карахан и Веры Львовны Карахан – дочерей Л.М. Карахана; письма Веры Викторовны Дженеевой (1890–1972 гг.) – второй жены Л.М. Карахана, которые были использованы автором для описания деятельности Л.М. Карахана на посту полпреда в Китае, его настроения, привычек и образа жизни, устные воспоминания М.Т. Семеновой (1908–2010 гг.) – третьей жены Л.М. Карахана, у которой не сохранилось документальных материалов о Л.М. Карахане, но по выражению самого автора: «Память сохранила многое»³, а также устные воспоминания бывшего полпреда в Бельгии Е.В. Рубинина (1894–1980 гг.) и др. Однако автор в своей книге не подкрепляет перечисленные свидетельства личного происхождения ссылками, что вызывает сомнение в правдивости таких источников, кроме того, существенным недостатком исследования является отсутствие архивных документов, касающихся истории советско-японских и советско-китайских отношений, которые будут опубликованы уже после выхода книги. Работа носит справочно-информационный биографический характер, но не является полноценным научным исследованием.

Таким образом, на настоящий момент проблема выявления роли личности Л.М. Карахана во внешней политике СССР на дальневосточном направлении остается не исследованной в отечественной историографии. Поэтому для раскрытия темы настоящего исследования мы обратились к общим и специальным работам отечественной и зарубежной историографии по советско-японским и советско-китайским отношениям на Дальнем Востоке. Хотя тема советской внешней политики на дальневосточном направлении имеет целый ряд узловых проблем и этой теме посвящено огромное количество работ, в историографическом обзоре мы выделяем только основные течения и те аспекты, которые непосредственно имеют отношение к внешней политике Советского государства на Дальнем Востоке. Некоторые работы современных

³ Там же. С. 189.

исследователей, которые не были указаны в историографическом обзоре, мы охарактеризуем в дальнейшем, когда будем рассматривать тот или иной аспект проблемы.

Проблема внешней политики Советского государства на Дальнем Востоке имеет колоссальную политическую, социальную и научную значимость, однако можно с уверенностью констатировать, что эта проблема все еще недостаточно изучена по нескольким причинам:

1) Различные историографические школы, традиции и подходы к изучению проблемы которых, часто значительно разнятся, а одни и те же факты интерпретируются по-разному.

2) Отсутствие фундаментального исследования, которое обобщило бы опыт, накопленный национальными историографическими школами.

4) Закрытость некоторых архивных фондов в современной России⁴ и Китае⁵.

Относительно исследования поставленной проблемы, можно констатировать, что наиболее оправданным было начать историографический обзор с работ, написанных сразу по ходу изучаемых событий. Хотя многие из них являются идеологически окрашенными и потому несколько тенденциозными, они имеют, как минимум, одно неоспоримое достоинство – это накопленный богатый фактический материал, который послужил базой для последующих исследований.

Отечественная историография

Проанализировав ретроспективу отечественной историографии по указанной проблематике, мы выделили основополагающие труды, которые формируют представление об эволюции методологических подходов в исторической науке. Хотя многие труды являются идеологически окрашенными и потому несколько тенденциозными, они имеют, как минимум, одно неоспоримое достоинство – это

⁴ АВП РФ.

⁵ Архив Министерства иностранных дел КР.

накопленный богатый фактический материал, которой послужил базой для последующих исследований.

Советская историография посвященная внешней политике Советского государства и межгосударственным отношениям РСФСР (с 1922 г. – СССР), Китая и Японии прошла несколько этапов развития:

1) *1920–1940-е гг.* советские авторы ставили перед собой цель – донести до читателя оправданность действий, политических решений советского правительства в 1920-е гг. Практически все советские исследования 1920-х–начала 1930-х гг. находят в действиях китайского правительства, дипломатов, людей, скрытый смысл, обман и несправедливость по отношению к «чистому» со всех сторон советскому правительству.

2) *1950–1980-е гг.* В конце 1950–1960-х гг. произошел советско-китайский раскол, положивший конец интеграции и доверия, которое возникло в результате единства идеологических воззрений и политических установок. Советская историография послевоенного периода сделала большой шаг вперед в изучении проблемы: выработана система взглядов по идеологическим, социально-экономическим, международным аспектам, рассматриваемой темы. Советская внешняя политика на Дальнем Востоке рассматривается как часть общего внешнеполитического курса СССР в контексте международных отношений.

3) *1990-е гг.–настоящее время.* Кардинальные перемены, произошедшие в российском обществе после распада СССР в 1991 г. затронули и российское востоковедение. Современный период отечественной историографии характеризуется сильной поляризацией научных точек зрения: новые взгляды и подходы среди экспертов, не только резко разнятся между собой, но и с уже устоявшимися и апробированными годами оценками. Оформляется новый этап разработки проблемы в историографии. Пропадает идеологическая напряженность и сходит на нет политическая полемика между двумя странами. В научной среде оформляется новый, комплексный подход к изучению проблем внешней политики СССР на Дальнем Востоке.

Первые советские работы⁶, касающиеся внешней политики Советского государства на Дальнем Востоке, носили, как правило, публицистический характер. Эти работы затрагивали вопросы становления советско-китайских отношений и причин противоречий между СССР и Японией.

Отдельно следует выделить работу «Империализм в Маньчжурии»⁷ В.Я. Аварина (1899–1978 гг.) – советского дипломата, разведчика.⁸ Работа посвящена становлению и функционированию марионеточного государства Маньчжоу-Го, возникшего на территории Маньчжурии. Автор определяет место и роль Маньчжоу-Го в международной политике 1930-х гг., экономическое положение и связанное с этим обострение японо-американских противоречий, выделяет причины и последствия оккупации Маньчжурии Японией и прослеживает национально-освободительное движение в государстве. Особенно интересны выводы автора по проблеме советско-японских отношений, В.Я. Аварин рассматривает вероятность советско-японской войны, являясь современником событий, прогнозируя возможные исходы войны. В целом, работа «Империализм в Маньчжурии» – первое академическое исследование в советской историографии 1920–1930-х гг.

Среди газет и журналов, в которых публиковались авторы многочисленных статей, следует назвать: «Гунбао», «Заря», «Известия» «Мировое хозяйство и мировая политика», «Пропагандист-агитатор», «Большевик»,

⁶ Алексеев И. Что происходит на КВЖД. Хабаровск, 1929;

Антонов К.В. Некоторые итоги конфликта на КВЖД. Советское государство и революция права. М., 1930;

Бутлицкий Е. Теплов Д. Военная угроза на Дальнем Востоке. Что происходит на советско-китайской границе. М., 1929;

Виленский-Сибиряков В.Д. Где корни предательства Чан-Кай-Ши: о китайской революции. М., 1927;

Терентьев Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М., 1934;

Ленский А. Захват и освоение Маньчжурии японским империализмом. Хабаровск, 1934;

Федоров Н. Героическая борьба Маньчжурских партизан. М., 1937;

Кара-Мурза Г.С. Кантонское восстание. М., 1933.

⁷ Аварин В. Империализм в Маньчжурии. М.-Л., 1934.

⁸ В. Аварин – псевдоним. Настоящее имя – Владимир Яковлевич Аболтин.

«Интернациональный маяк», «Коммунистический интернационал», «Новости жизни», «Пионерская правда», «Рупор» и многие другие⁹.

В 1930–1940-е гг. оформляются научные школы советского востоковедения, одной из задач которой, становится осмысление советско-китайских отношений в «недавнем прошлом». Появляются профессиональные исследования ученых-востоковедов, таких как: Г.Б. Эренбург¹⁰ и его учеников – А.В. Меликсетов¹¹, А.М. Григорьев¹², В.Н. Никифоров¹³, Т.Н. Акатова¹⁴, Л.Н. Борох¹⁵, О.Е. Непомнин¹⁶, М.А. Персиц¹⁷, И.С. Горшенин¹⁸, Г.Н. Войтинский¹⁹.

Большой вклад в изучение проблемы внесли работы профессора Московского института востоковедения – Г.С. Кара-Мурзы²⁰ 1930-х гг. В своем сборнике «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая» он впервые компонует и собирает в одно целое важнейшие документы Коминтерна, касающиеся китайской революции. Опираясь на документы, он пытается определить мотивы и цели Коминтерна в национальном движении Китая. В другом сборнике, изданном в 1933 г. Г.С. Кара-Мурза рассматривает одним из первых, в качестве историка, тактику и стратегию

⁹ Терентьев Н. Указ. соч.

¹⁰ Эренбург Г.Б. Правда о событиях на КВЖД. М., 1929;

Эренбург Г.Б. Что происходит на Дальнем Востоке. М., 1932;

Эренбург Г.Б. Национально-освободительное движение в Китае после Великой октябрьской социалистической революции (1918—1924 гг.). М., 1950.

¹¹ Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае 1927—1949 гг.: Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1975.

¹² Григорьев А.М. Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг.: Пробл. стратегии и тактики. М., 1980.

¹³ Никифоров В.Н. Китай в годы пробуждения Азии. М., 1982.

¹⁴ Акатова Т.Н. Рабочее движение в гоминьдановском Китае, 1927–1937 гг. М., 1983.

¹⁵ Борох Л.Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М., 1984.

¹⁶ Непомнин О.Е. История Китая. XX век. М., 2011.

¹⁷ Персиц М.А. Дальневосточная республика и Китай: Роль ДВР в борьбе Советской власти за дружбу с Китаем в 1920–1922 гг. М., 1962.

¹⁸ Горшенин И.С. Маньчжурия и угроза японо-американской войны. М., 1933.

¹⁹ Торговая экспансия Японии. Под редакцией Войтинского Г.Н. М., 1936.

²⁰ Кара-Мурза Г.С. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая: Сборник документов. М., 1934.

Кара-Мурза Г.С. Кантонская коммуна. М., 1933.

Кантонской коммуны, выделяет причины провалившегося восстания, подробно излагая фактологическую сторону вопроса.

Таким образом, если говорить о развитии советской историографии в 1920–1940-е гг., следует отметить, что советские историки, собрав достаточно большое количество источникового материала и впервые оценив исторические события с научной точки зрения, сделали первый важный шаг в изучении проблемы. Однако историография этого периода имеет ряд существенных слабых мест:

1) Идеологическая, экономическая, международная стороны вопроса – изучены слабо, а политические и социально-экономические отношения – практически остались неисследованными.

2) Отсутствие в исследованиях, зачастую, осмысления процессов и причин ввиду того, что работы были написаны непосредственно во время происходивших событий – авторы не имели возможности рассмотреть события в движении и ретроспективном развитии.

3) Изучение отдельных сюжетов проблемы, отсутствие концептуализации исследуемого вопроса.

4) Неубедительные выводы в работах, которые можно объяснить недоступностью источниковой базы, а также идеологической окраской психологии самих исследователей.

5) Односторонняя идеологизация, вызванная преобладанием марксистско-ленинской концепции исторического развития, определившей методологическое однообразие в подходах к изучению внешней политики СССР на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг.

В послевоенный период международным отношениям СССР и Китая было посвящено значительно больше работ. Однако предвоенному периоду уделялось не так много внимания, основной упор был сделан на изучении причин и самих военных конфликтов. Изучая отдельные аспекты проблемы, исследователи так или иначе затрагивали интересующий нас период и проблему. Среди таких работ

стоит выделить исследования Ю.М. Гарушняц²¹, М.И. Лукьяновой²². Особо выделим работу М.С. Капицы²³, «Советско-китайские отношения» в которой автор впервые в советской историографии подробно осветил дипломатическую историю советско-китайских отношений с момента Русской революции 1917 г. и до 1954 г.

Таким образом, советские работы 1960–1980-х гг. имеют ряд общих особенностей: советские исследования несли печать идеологических разногласий, возникших в результате теоретических споров КПК и КПСС в начале 1960-х гг. Несмотря на развитие, становление и развитие советского востоковедения, число работ, касающихся взаимоотношений СССР и Китая на Дальнем Востоке стало ограниченным – тема перестала быть «научно востребованной». В исследованиях подчеркивалась советская помощь Китаю в деле строительства социалистического общества и резко критиковалась внутренняя и внешняя политика Китая²⁴.

Среди историков, которые рассматривали различные аспекты внешней политики СССР в Дальневосточном регионе, можно выделить работы: А.Е. Иоффе²⁵, С.Л. Тихвинского²⁶, М.С. Капицы²⁷, Л.Н. Кутакова²⁸, Л.П. Делюсина²⁹,

²¹ *Гарушняц Ю.М.* Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М., 1959.

²² *Лукьянова М.И.* Японские монополии во время второй мировой войны. М., 1953.

²³ *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М., 1958 г.

²⁴ *Го Ян.* Роль Советского Союза в противостоянии коммунистической партии Китая и Гоминьдана: 1920–1940-е годы: автореферат дис. к.и.н.: Ростов-на-Дону, 2019. С. 4.

²⁵ *Иоффе А.Е.* Внешняя политика Советского Союза. 1928–1932 гг. М., 1968.

²⁶ *Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976.

²⁷ *Капица М.С.* Три десятилетия – три политики. М., 1959.

²⁸ *Кутаков Л.Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М., 1964.

²⁹ *Делюсин Л.П.* Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК. (1921–1928). М., 1972.

Делюсин Л.П. Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М., 1985.

В.Я. Сиполса³⁰, Д.И. Гольдберга³¹, А.И. Картуновой³², Р.А. Мировцкой³³, А.Н. Хейфеца³⁴, П.П. Севостьянова³⁵, Б.Г. Сапожникова³⁶, А.М. Григорьева³⁷, А.В. Меликсетова³⁸, М.И. Сладковского³⁹. Исследования в сфере международных отношений А.М. Дубинского⁴⁰, Е.М. Жукова⁴¹, окончательно оформили взгляды советской историографии на проблемы дальневосточных отношений между СССР, Японией и Китаем. Результатом многих лет работы советских историков стала коллективная монография «Международные отношения на Дальнем Востоке»⁴², в которой на основе обширного фактического материала прослеживались не только международные отношения в Дальневосточном регионе, но и была концептуально обозначена критическая позиция советских исследователей по отношению к историографии зарубежных стран.

³⁰ *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979.

³¹ *Гольдберг Д.И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М., 1959.

³² *Картунова А.И.* Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации Гоминьдана // Коминтерн и Восток. М., 1969.

Картунова А.И. Политика компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925–1927 гг. М., 1983.

³³ *Мировицкая Р.А.* Михаил Бородин (1884–1951). – Видные советские коммунисты – участники китайской революции. М., 1970.

Мировицкая Р.А. Советский Союз и КПК (конец 20-х – начало 30-х годов). Опыт и уроки истории КПК (к 60-летию образования партии). М., 1981.

³⁴ *Хейфец А.Н.* Советская дипломатия и народы Востока, 1921–1927. М., 1968.

³⁵ *Севостьянов П.П.* Перед великим испытанием: внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. – июнь 1940 г. М., 1981.

³⁶ *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977.

Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). М., 1970.

³⁷ *Григорьев А.М.* Революционное движение в Китае под лозунгом Советов. М., 1980.

³⁸ *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1929 гг.). М., 1977.

³⁹ *Сладковский М.И.* Китай и Япония. М., 1971;

Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917–1974. М., 1977.

⁴⁰ *Дубинский А.М.* Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М., 1966; *Дубинский А.М.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945. М., 1980.

⁴¹ *Жуков Е.М.* Паназиатизм как идейное оружие японской экспансии. XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегаций СССР. М., 1963.

⁴² *Жуков Е.М.* Международные отношения на Дальнем Востоке. В 2-х книгах. М., 1973.

Таким образом, впервые в советской историографии была предпринята историческая разработка проблемы «дальневосточного узла противоречий», где особенно подчеркивалась миролюбивая политика СССР в отношении Китая. Общим для работ середины 1950-х–конца 1980-х гг. являлось стремление подчеркнуть руководящую роль коммунистической партии. При этом, существовавший идеологический контроль, а также отсутствие доступа к засекреченным материалам архивов не давали возможности предложить иную событийную канву в развития дипломатических отношений на Дальнем Востоке. Советская историография этого периода выделила основные проблемы и подготовила фактологическую базу для современных исследований.

Некоторые важные исторические проблемы все еще остались малоисследованными или вообще не исследованными, к примеру, такие как:

- Роль деятельности советских дипломатов в установлении советско-японских отношениях
- Причины продажи КВЖД Маньчжоу-Го
- Влияние национальных лидеров на советско-китайские отношения
- Позиция СССР по проблеме экстерриториальности Внешней Монголии
- Стратегическое значение Маньчжурии
- Проблема неравноправных договоров Китая в 1920-е гг.
- Двойственная политика СССР по отношению к Гоминьдану и КПК.
- Влияние манифестов заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана на дипломатические переговоры 1921–1924-х гг.
- Проблема заключения соглашений с Пекинским правительством и государством «Трех Восточных провинций» в 1924 г. касательно КВЖД.
- Причины раскола Первого Объединенного фронта и роль СССР в ухудшении отношений между коммунистами и националистами Гоминьдана и др.
- Действия Коминтерна в 1927–1929-х гг. и его роль в эскалации отношений между СССР и Китаем.

При рассмотрении современной российской историографии, отметим, что советская историческая наука на протяжении многих лет существовала в рамках тех же идеологических подходов, что и сама внешняя и внутренняя политика СССР, будучи нацеленной на их теоретическое обоснование. Начиная с 1991 г. в СССР произошли кардинальные качественные сдвиги во всех областях жизни страны, как в системе власти и собственности, так и в системе идеологии. Естественно, что в первую очередь, изменения затронули изучение истории нашей страны и ее контактов с остальным миром, что как никогда ранее оказалось востребованным не только государством, но и самим обществом.

Процессы демократизации и гласности, происходившие в советском обществе, изменили задачи и цели науки. Появился общественный запрос на объективное отражение нашего исторического прошлого. А это предполагало не только изучение и научное обоснование исторических завоеваний нашей страны на дипломатическом поприще, но и объективное отражение ошибок, просчетов и всякого рода фальсификаций, бытовавших в советской исторической науке.

С этой целью в РФ были сняты существовавшие запреты на выбор темы исследования, ликвидирована цензура, разрешен доступ к материалам отечественных архивов, что позволило ввести в научный оборот большой массив ранее недоступных архивных материалов и значительно расширить источниковедческую базу научных исследований. Началось беспрепятственное развитие связей с зарубежными учеными и научными организациями.

Среди современных исследований, посвященных международным отношениям, советской внешней политике и, в частности, советско-китайским отношениям в 1920–1930-е гг., следует выделить работы Л.Е. Гришаевой⁴³, А.Д.

⁴³ *Гришаева Л.Е.* От Версаля к войне... О роли «буферных» государств // *Дипломатическая служба.* 2019. № 8. С. 16–40.

Воскресенского⁴⁴, В.С. Мясникова⁴⁵, М.Л. Титаренко⁴⁶, С.Л. Тихвинского⁴⁷, В.Н. Усова⁴⁸, Г.В. Мелихова⁴⁹, А.В. Панцова⁵⁰, В.Г. Дацышена⁵¹, М.В. Кротова⁵², Д.Б. Славинского⁵³, О.В. Хлевнюка⁵⁴ и др., которые смогли обобщить накопленный опыт в изучении советско-китайских отношений и вместе с тем прийти к качественно новым выводам, касающимся социально-экономических и политических аспектов. Впервые были приняты во внимание ошибки СССР во внешней политике и признаны неправомерные действия СССР по отношению к Китаю и его границам, что является следствием деидеологизации, последовавшей за распадом СССР.

Проблематика советско-японских отношений на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. находилась в центре внимания таких историков как, А.А. Кошкина⁵⁵,

⁴⁴ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

⁴⁵ *Мясников В.С.* Русско-Китайский банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии // Востоковедение и мировая культура: к 80-летию академика С.Л. Тихвинского: сборник статей. М., 1998. С. 234–271.

⁴⁶ *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1993; *Он же.* Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений. М., 1994; *Он же.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

⁴⁸ *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20-е гг. XX века. М., 2002.

⁴⁹ *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1923). М., 2007.

⁵⁰ *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001; *Он же.* Чан Кайши и национально-освободительное движение в Китае. М., 2009.

⁵¹ *Дацышен В.Г.* Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД // Российская история. 2011. № 5. С. 51–62; *Он же.* «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 126–133; *Он же.* Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 135–143.

⁵² *Кротова М.В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 139–150.

⁵³ *Славинский Д.Б.* Изменчивые образы безопасности Японии // Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999. С. 280–295; *Он же.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999; *Он же.* Советский Союз и Китай: история дипломатических отношений. 1917–1937. М., 2003.

⁵⁴ *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2009.

⁵⁵ *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010;

Кошкин А.А. Кантокуэн – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР». М., 2011;

Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012;

Э. Молодякова⁵⁶, Е.А. Горбунова⁵⁷, К.Е. Черевко⁵⁸, А.В. Шишова⁵⁹, В.П. Ямпольского⁶⁰, О.В. Шинина⁶¹, А.С. Ложкиной⁶², В.В. Капистка⁶³, Ю.М. Зайцева⁶⁴, В.Г. Дацышена⁶⁵, А.В. Окорокова⁶⁶ и др.

⁵⁶ Молодяков В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения // Япония. Ежегодник. №38/2009; Он же. Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945): геополитика, дипломатия, люди и идеи. М., 2012; Он же. Молодяков В.Э. Гото Симпэй и русско-японские отношения. М., 2006;

⁵⁷ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М., 2010;

Горбунов Е.А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002.

⁵⁸ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003;

Черевко К.Е. Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа - 2 сентября 1945 г.) Рассекреченные архивы. М., 2006;

Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М., 2010.

⁵⁹ Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2000.

⁶⁰ Ямпольский В.П. Роль японских спецслужб в борьбе против СССР (1918–1945 гг.) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб (ТОИОС). Т. 2. М., 2006;

⁶¹ Шинин О.В. Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922–1941 гг. (на материалах Дальневосточного региона) // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 4;

Шинин О.В. Роль партийных и государственных органов в создании и совершенствовании контрразведывательных аппаратов на Дальнем Востоке и комплектовании их оперативными кадрами. // Исторические чтения на Лубянке. 2003 г. Власть и органы государственной безопасности. М., 2004.

⁶² Ложкина А.С. «...Два огромных зуба, торчащих изо рта»: формирование образа Японии в советской периодической печати. // Родина. 2010, № 9;

Ложкина А.С. Представления советской военной элиты о Японии в 30-е гг. XX в. // Историки размышляют. Сб. Статей. Вып. 6. М., 2008;

Ложкина А.С. Формирование образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. // Вестник МГУ. Серия 21. Управление. 2008, № 4;

Ложкина А.С. Формирование образа врага: Япония в советской пропаганде 1930-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2007, № 13;

Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 1930-х гг.: мифотворчество и прагматизм. // АИРО-XXI. - Япония. Ежегодник. 2008;

Ложкина А.С. Япония в представлениях советского военного руководства 1930-х гг. // Известия Алтайского госуниверситета. Серия история, политика. 2008, № 4/5.

⁶³ Капистка В.В. Организация и особенности деятельности военной разведки Японии против СССР в 1930-е гг. // Вестник академии военных наук. 2006, № 4(17);

Капистка В.В. Организация и особенности деятельности военной разведки Японии против СССР в 1930-е гг. (Продолжение). // Вестник академии военных наук. 2007, № 1(18);

Капистка В.В. Особенности тайного противостояния советских и японских спецслужб. // Военно-исторический журнал. 2006, № 2;

Капистка В.В. Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы. // Военно-исторический журнал. 2006, № 8.

⁶⁴ Зайцев Ю.М. Базовое строительство и оборона Дальнего Востока СССР в 1932–1945 гг. Владивосток, 2009;

Следует особо выделить работу Г.Ф. Захаровой «Политика Японии в Маньчжурии»⁶⁷. Автор предпринял одну из первых попыток рассмотреть тему японской оккупации Северо-Восточного Китая комплексно, показывая различные аспекты колониальной политики Японии под углом зрения ее политических, экономических, военных и идеологических мероприятий. Работа выделяется солидной источниковой базой в том числе архивными документами, впервые вводимыми в научный оборот, а также использованием оригинальных китайских и японских источников, материалов прессы на западных и восточных языках.

В начале 2000-х гг. перед историками-востоковедами встала задача детально ознакомиться с материалами советских архивов, выявляя новые документальные свидетельства произошедших событий, проанализировать их и предложить свои оценки спорным фактам и обстоятельствам в советской внешней политике на Дальнем Востоке, что вызвало поляризацию различных точек зрения в научной среде по проблеме советско-японских и советско-китайских отношений в 1920–1930-е гг.

Для изучения характера внешней политики СССР в Китае в 1920-е гг. и взаимоотношений Советского государства с главными политическими силами Китая – партией Гоминьдан и КПК мы обращались к работам Г.С. Каретиной⁶⁸ и Р.А. Мировицкой⁶⁹, в которых авторы приходят к выводу, что реализация основных договоренностей СССР с Китаем в 1924 г. и с Японией в 1925 г. была

Зайцев Ю.М. Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.). // Россия и АТР. 2008, № 2(60).

⁶⁵ *Дацышен В.Г.* Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2013, № 5;

Дацышен В.Г. «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов. // Проблемы Дальнего Востока. 2012, № 3.

⁶⁶ *Окорочков А.В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М., 2013.

⁶⁷ *Захарова Г.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии 1932–1945 гг. М., 1990.

⁶⁸ *Каретина Г.С.* Чжан Цзолин и политическая борьба в 20-е годы XX в. М., 1984.;

Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая (Эволюция китайского милитаризма в 20-е-30-е гг. XX. в.). Владивосток, 2001 г.

⁶⁹ *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20-30-е гг.). М., 1990.

затруднена «скрытой» внешнеполитической линией по поддержке Первого Объединенного фронта, которую проводил СССР через органы Коминтерна, лавирую между КПК и партией Гоминьдан. В свою очередь, начиная с 1926 г. Чан Кайши – лидер партии Гоминьдан, использовал «антикоммунистическую» и «антисоветскую» политику для отказа невыгодных для Китая договоров.

Анализируя роль личности Л.М. Карахана в урегулировании проблем на КВЖД, мы обращались к специальным работам посвященных КВЖД, как объекту международных отношений в 1918–1930-е гг. Среди таких работ следует выделить исследования Н.Е. Абловой⁷⁰, Е.И. Поповой⁷¹, Г.Н. Песковой⁷², В.М. Крюкова, М.В. Крюкова⁷³. Как верно отмечает Аблова Н.Е.: «КВЖД играла весьма заметную роль в международных отношениях на Дальнем Востоке на протяжении всей первой половины XX в., что было обусловлено ее важным экономическим, политическим и военно-стратегическим значением в регионе. Она являлась предметом постоянного и пристального внимания развитых капиталистических стран (Великобритании и США, меньше – Франции и Германии), опорной точкой в отношениях России, затем СССР с Японией и Китаем»⁷⁴.

На волне острых политических дискуссий в стране среди историков-востоковедов протекали научные споры по всему комплексу вопросов, связанных с историей и современным состоянием советско-китайских и советско-японских отношений. Речь идет о защитниках старых идеологических концепций советской исторической науки ученых, поставивших целью своих исследований восстановление исторической правды в столь сложных вопросах,

⁷⁰ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.

⁷¹ Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1967.

⁷² Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между советской Россией и Китаем. 1917–1924 гг. // Новая и новейшая история, 1997, № 4. С. 115.

Пескова Г.Н. Дипломатические отношения между СССР и Китаем 1924–1929 гг. // НИИИ. 1998. №1. С. 106–119. № 2. С. 66–68.

⁷³ Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М., 2017

⁷⁴ Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн., 1999. С. 3.

как довоенное и военное прошлое народов этих стран. Среди историков, придерживающихся прежнего направления в историографии, следует выделить Ю.М. Галеновича⁷⁵, О.В. Рахманина⁷⁶, М.Л. Титаренко⁷⁷, А.Д. Воскресенского⁷⁸, И.А. Латышева⁷⁹, В.С. Мясникова⁸⁰, С.Л. Тихвинского⁸¹ и некоторых других исследователей. Перечисленные авторы оценивают события с позиции, подразумевающей рассмотрение конфликтов, возникавших в ходе советско-китайских и советско-японских отношений, как взаимную вину всех государств.

Иного взгляда придерживаются В.Э. Молодяков⁸², А.В. Торкунов⁸³, Б.Н. Славинский⁸⁴, О.Я. Бондаренко⁸⁵ и др. В своих работах эти авторы указывают на нарушения принципов международного права Советским государством в отношении Китая в 1920-е гг., ставят под сомнение правомерность владения некоторыми территориями России – такими, как Курильские острова и Сахалин.

Таким образом, мы выделяем следующие тенденции современной российской историографии:

- 1) Наличие временной дистанции позволило создать более объективную и относительно полную картину исторических событий.
- 2) Непримируемость позиций, а также разнообразие точек зрения.

⁷⁵ Галенович Ю.М. Россия и Китай в XX веке. М., 2001.

⁷⁶ Рахманин О.В. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2002.

⁷⁷ Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008.

⁷⁸ Воскресенский А.Д. Эволюция международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (1900–1920-е гг. XX века) // Восток-Россия-Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 537–558.

⁷⁹ Латышев И.А. Покушение на Курилы. Южно-Сахалинск, 1992.

⁸⁰ Мясников В.С., Степанов Е.Д. Границы Китая: история формирования. М., 2001.

⁸¹ Тихвинский С.Л. Россия–Япония. Обречены на добрососедство.

⁸² Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005.

⁸³ Торкунов А.В. Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М., 2015.

⁸⁴ Славинский Б.Н. Изменчивые образы безопасности Японии // Япония и глобальные проблемы человечества. М., 1999. С. 280–295.

⁸⁵ Бондаренко О.Я. Неизвестные Курилы. Серьезные размышления о статусе Курильских островов. М., 1992.

3) Огромное количество публикаций, которые, к сожалению, не всегда оказываются научно-компетентными, т. к. основываются не на анализе исторических источников и архивных материалах, а на собственных рассуждениях, домыслах и гипотезах.

4) Сотрудничество различных национальных историографических школ, которое позволяет рассмотреть проблему с разных исследовательских позиций.

Зарубежная историография. Как и в отечественной историографии, среди зарубежных исследований не существует научных работ, посвященных дипломатической деятельности Л.М. Карахана. Поэтому в своем обзоре мы рассмотрим главные работы зарубежной историографии, посвященные международной обстановке в Дальневосточном регионе в 1920–1930-е гг. Ввиду геополитической важности региона Дальнего Востока советско-японские и советско-китайские отношения с момента их зарождения стали объектом исследования зарубежных авторов.

Зарубежная историография, посвященная внешней политике Советского государства и межгосударственным отношениям РСФСР (с 1922 г. – СССР), Китая и Японии крайне малочисленна, однако также прошла несколько этапов развития:

1) **1930–1980-е гг.** В это время формируется историографическая школа, которая оценивала действия СССР на Дальнем Востоке отрицательно, критикуя господствующую коммунистическую идеологию в СССР, объясняя кризисы, происходившие на Дальнем Востоке как попытку «экспорта идеологических воззрений» в Китай и Японию.

2) **1990-е–начало 2000-х гг.** После распада СССР и последовавшей за ним смены политической парадигмы, культурные и научные связи между Россией и западными государствами стали возрастать, это положительным образом сказалось на развитии историографии по самым различным смежным темам. Это особенно коснулось проблем, связанных с советологией. Тема международных отношений в 1920–1930-е гг. получила широкий отклик среди зарубежных

исследователей, во многом благодаря открытию российских архивных фондов РГАСПИ и АВП РФ. Используя накопленный опыт зарубежной историографии, западные историки стали по-новому осмыслять некоторые проблемы, связанные с внешней политикой СССР на Дальнем Востоке, зачастую полностью меняя взгляды на проблемы международных отношений в Дальневосточном регионе в предвоенный период.

3) **Начало 2000-х г. – по настоящее время.** После печально известных событий на площади Тяньаньмэнь, в Китае оформилось огромное кол-во направлений, благодаря которым, устоявшиеся аспекты проблем взаимоотношений СССР и Китая в 1920-е гг. сдвинулись с мертвой точки. В 1989 г. Лю Пинхуа⁸⁶ опубликовал статью, в которой доказывал верность позиций, отстаивавшихся историками гоминьдановского периода. Тема советско-китайских отношений вскоре нашла широкий отклик в кругах историков КНР и получила новый импульс развития.

В японской историографии продолжается исследование советско-японских сюжетов, связанных с проблемными точками современного политического взаимодействия двух государств. Среди главных вопросов, поднимаемых японскими исследователями следует выделить – вопрос о нарушении Советским государством «пакта о нейтралитете» (13 апреля 1941 г.) и начала советско-японской войны (9 августа – 2 сентября 1945 г.) и переосмысление причин и итогов Второй мировой войны. Итоги второй мировой войны до сих пор определяют научный дискурс в Японии, т. к. это связано со спорами вокруг территориальной принадлежности южных Курильских островов. Это определяет повышенный интерес к теме международных отношений на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг.

Представители одного направления отстаивают идею преемственности внешней политики царской России и СССР на Дальнем Востоке. Эта

⁸⁶ Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М., 2017. С. 24.

преимущество, по мнению западных исследователей, заключается в схожих принципах и методах советской дипломатии, которая стремилась восстановить статус-кво, потерянный в результате революционных потрясений 1917 г. и последующей Гражданской войны. Единственной отличительной особенностью была лишь идеологическая оболочка, которая не помешала, однако, советскому правительству проводить старую агрессивную политику. О. Клубб⁸⁷, Л. Фишер⁸⁸, Х. Хинтон⁸⁹, Н. Бамба⁹⁰, К. Жукофф-Эудин и Р. Норт⁹¹ в своих работах смогли дать объективную оценку советской внешней политике, осмыслить ее место в системе международных отношений. Одним из важных преимуществ данных исследований является высокая репрезентативность исторических источников, анализируемых авторами, обстоятельное знание фактологической базы истории советско-китайских отношений, а также нестандартные выводы, имеющие право на существование.

Исследователи, относящиеся к другому направлению зарубежной историографии международных отношений на Дальнем Востоке, опираясь на результаты, достигнутые их предшественниками в 1960–1970-х гг., продвинулись в разработке проблемных вопросов советско-китайских и советско-японских отношений. В работах М. Мейера⁹², Дж. Боудена⁹³, Б. Эллемана⁹⁴, К. Брандта⁹⁵ и др. с опорой как на российские, так и на китайские архивные материалы были заново изучены такие спорные темы, как статус Внешней Монголии, влияние фактора Дальневосточной Республики на советско-

⁸⁷ *Clubb O.E.* China and Russia. The “Great Game”. New York, 1971.

⁸⁸ *Fischer L.* Russia’s Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations 1917–1941. New York, 1969.

⁸⁹ *Hinton H.C.* An Introduction to Chinese Politics. New York, 1973.

⁹⁰ *Bamba Nobuya Mark.* Japanese Diplomacy in Dilemma: A Comparative Analysis of Shidehara Kijuro’s and Tanaka Giichi’s Policies Toward China, 1924–1929. Berkeley, 1970.

⁹¹ *Joukoff Eudina Xenia, North Robert C.* Soviet Russia and the East 1920–1927: A Documentary Survey. Stanford, 1957.

⁹² *Meyer M.U.* A History of the Far East. New York, 1972.

⁹³ *Bowden J.C.* Soviet Military Aid to Nationalist China, 1923–1941 // Sino-Soviet Military Relations. New York, 1966. P. 44–56.

⁹⁴ *Elleman Bruce.* Diplomacy and Deception: Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917–1927. New York, 2016.

⁹⁵ *Brandt Conrad.* Stalin’s Failure in China. 1924–1927. Cambridge, 1958.

китайские переговоры, по-новому было рассмотрено значение деклараций заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана. В то же время внешнеполитические действия СССР в послереволюционные годы в отношении Китая и Японии трактуются этими авторами как результат «революционного идеализма».

На основе изучения научной литературы по проблеме и привлечения широкой источниковой базы, как опубликованных, так и впервые введенных в научный оборот источников, автор выделяет самостоятельный аспект исследования: – роль Л.М. Карахана в дальневосточной политике Советского государства в 1918–начале 1930-х гг.

Источниковая база исследования представлена документальными источниками, как опубликованными, так и вновь введенными в научный оборот, освещающими дипломатическую деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении. Их можно условно разделить на несколько групп.

I. Законодательные государственные акты: конституции РСФСР (1918 г.)⁹⁶, СССР (1924 г.)⁹⁷, конституции Китайской Республики (1912 г.,⁹⁸ 1923 г.)⁹⁹ и конституция Японской империи (1889 г.)¹⁰⁰.

II. Материалы внешней политики и официального делопроизводства: международные договоры и межгосударственные соглашения (декларации, меморандумы, конвенции, договоры).

III. Акты межгосударственного сотрудничества (протоколы встреч руководителей государств).

IV. Программные партийные документы: резолюции и решения партийных съездов.

⁹⁶ Декреты Советской власти. — М., 1959. Т. II. С. 550–564.

⁹⁷ Образование СССР. 1917–1924: Сб. док. М-Л., 1949. С. 339–437.

⁹⁸ Provisional Constitution of the Republic of China, American Journal of International Law, 1912.

⁹⁹ Constitution of the Republic of China. The commission on Extraterritoriality Peking. 1924.

¹⁰⁰ Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом. Под ред. Шрейдер. СПб., 1906.

V. Официальные опубликованные документальные материалы по истории советско-китайских и советско-японских отношений (сборники документов).

VI. Источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма).

VII. Периодика (материалы советской и зарубежной прессы).

IX. Материалы международных конференций¹⁰¹.

X. Внутриведомственная переписка НКВД РСФСР-СССР (депешы, инструкции, записки, шифрограммы, телеграммы и др.).

XI. Межведомственная дипломатическая документация (ноты, заявления, представления НКВД РСФСР-СССР, китайского и японского МИД).

Охарактеризуем наиболее значимые из них.

Основной группой источников для изучения проблемы являются официальные документальные источники. Это, прежде всего, конституции РСФСР (1918 г.)¹⁰² и СССР (1924 г.)¹⁰³, конституции Китайской Республики (1912 г., 1923 г.) и конституция Японской империи. Перечисленные документы могут рассказать об официальной государственной позиции и дать представление о курсе внешней политики страны на определенном историческом этапе, о формальном ориентире для высших чиновников, политиков и дипломатов.

Эту группу существенно дополняют *опубликованные архивные документальные материалы* по истории советско-китайских отношений (из Архива внешней политики РФ, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива), сборник документальных материалов по советско-китайским и советско-японским отношениям, выпущенный под редакцией М.Л. Титаренко и А.И. Картуновой.

¹⁰¹ Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921–1922: Полный перевод актов и документов *А.В. Сабанина*. М., 1924.

¹⁰² *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. М., 2003.

¹⁰³ *Чистяков О.И.* Конституция СССР 1924 года: Учебное пособие. М., 2004.

Настоящий сборник документов включает в себя переписку генерального секретаря ЦК РКП (б) – ВКП (б) И.В. Сталина – Народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина – заместителя наркома иностранных дел Л.М. Карахана¹⁰⁴. И.В. Сталин и Г.В. Чичерин находились, кроме официальных служебных отношений, еще и в дружеских с Л.М. Караханом, что придавало переписке откровенный доверительный характер в выражении отношения респондентов к обсуждаемым событиям, проблемам и лицам, о которых идет речь в публикуемых документах. Благодаря этому становится очевидным множество деталей советской политики в Китае и деятельности полпреда. Документы дают возможность понять механизм разработки политики СССР по государственной линии и по линии Коминтерна, в отношении ряда основных проблем, нашедших отражение в переписке. Заслуживает внимания сборник документов, выпущенный в серии «Русско-китайские отношения в XX в.»¹⁰⁵ под общей редакцией С.Л. Тихвинского. В 3-ем томе серии тематически продолжается серийная публикация документов по русско-китайским и русско-японским отношениям в 1931–1937 гг., в тот исторический период, когда происходило резкое обострение международных отношений на Дальнем Востоке, годы начала антияпонской войны в Китае. Заслуживает внимания также сборник документов в 2 книгах под редакцией Г.Н. Севостьянова: «Москва – Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931 годы»¹⁰⁶. В сборнике представлены документы из Архива Президента Российской Федерации по истории советско-японских отношений в 1920-е годы – с завершающей стадии военной интервенции Японии на Дальнем Востоке до вторжения японских войск в Маньчжурию в сентябре 1931 г. Публикуемый материал раскрывает механизм

¹⁰⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г.-1926 г. / Сост., отв. ред.-подготовитель, авт. предисл. А.И. Картунова; гл. ред. М.Л. Титаренко. М., 2008.

¹⁰⁵ Тихвинский С.Л. Русско-китайские отношения в XX. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). М., 2010.

¹⁰⁶ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931: сборник документов: в 2 книгах. Севостьянов Г.Н., Киевская Л.П., Кондакова И.А. М., 2007 год.

выработки и принятия политических решений в отношении Японии высшими органами советской власти – прежде всего Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б), а также различными ведомствами – в основном Народным комиссариатом иностранных дел.

Следующая важная группа источников – это международные договоры и межгосударственные соглашения. Они являются неотъемлемой составляющей частью советско-китайских и советско-японских отношений.

С Китаем:

- Пекинский договор¹⁰⁷ 1924 г.
- Харбинский протокол¹⁰⁸ 1929 г.
- Договор о восстановлении дипломатических отношений¹⁰⁹ 1932 г.

С Японией:

- Пекинский договор об установлении дипломатических отношений¹¹⁰ 1925 г.
- Рыболовная конвенция¹¹¹ 1928 г.

С Маньчжоу-Го:

- Токийский договор «об уступке Маньчжоу-го прав СССР в отношении КВЖД»¹¹² 1935 г.

Детальное изучение этой группы источников позволяет проанализировать содержание советско-китайских и советско-японских отношений, выявить основные трудности и условия, по которым функционировали внешнеполитические ведомства СССР после заключения соглашений и

¹⁰⁷ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года / Сост. А.В. Сабанин, А.П. Евецкий. М., 1925.

¹⁰⁸ Документы внешней политики СССР (далее ДВП) Т. 12.: 1929 г. М., 1967. С. 673–676.

¹⁰⁹ Советско-китайские отношения 1917–1957 гг. Сборник документов. М., 1959. С. 156–157.

¹¹⁰ ДВП СССР. Т. 8.: 1925 г. М., 1963. С. 70–77.

¹¹¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 февраля 1928 года и 1 июня 1929 года / Сост. А.В. Сабанин, В.Ф. Орлов-Ермак. М., 1930.

¹¹² ДВП СССР. Т. 18.: 1935 г. М., 1973. С. 204–213.

проследить эволюцию документа: от первоначально выдвигаемых в ходе обсуждения проектов до итогового варианта соглашений.

Самая многочисленная группа источников – официальные документальные материалы по истории советско-китайских и советско-японских отношений.

Эти документальные материалы опубликованы в *сборниках документов*, таких как 24-томное издание «Документов Внешней Политики СССР»¹¹³, «Образование СССР. 1917–1924»¹¹⁴, «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами»¹¹⁵, «Международные отношения и внешняя политика СССР (1871–1957 гг.)»¹¹⁶, «Документы международных отношений (1917–1945 гг.)»¹¹⁷.

В этих сборниках документов содержатся записи бесед на уровне дипломатических служб СССР и Китая и Японии, телеграммы и письма советских полпредов в Москву о положении в Китае и Японии в исторических реалиях национальной политики, связанных с внешнеполитическим курсом.

Эти сборники содержат не только документы о важнейших событиях (посольства, заключение договоров и соглашений, их тексты), но и освещают и менее яркие, хотя, порою, не менее значимые эпизоды – дипломатическую переписку, что способствует воссозданию отношений в максимальной полноте и развитии. Официальные дипломатические документы, переписка руководителей

¹¹³ Документы внешней политики СССР. Т. I. 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. М., 1957; Т. VI. 20 ноября 1922 г. – 31 декабря 1923 г. М., 1962; Т. VII. 1924 г. М., 1963; Т. VIII. 1925 г. М., 1963; Т. X. 1927 г. М., 1965; Т. XI. 1928 г. М., 1966; Т. XII. 1929 г. М., 1967; Т. XIV. 1931 г. М., 1968; Т. XV. 1932 г. М., 1969; Т. XVI. 1933 г. М., 1970; Т. XVII. 1934 г. М., 1971; Т. XVIII. 1935 г. М., 1973.

¹¹⁴ Образование СССР. 1917–1924: Сб. док. М-Л., 1949.

¹¹⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 г. М., 1924; Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. М., 1924; Вып. V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 февраля 1928 года и 1 июня 1929 года. М., 1930.

¹¹⁶ Международные отношения и внешняя политика СССР (1871–1957 гг.): Сб. док. Сост. Л.А. Харламова. М., 1957.

¹¹⁷ Документы международных отношений (1917–1945 гг.) / Сост. И.А. Ахтамзян. М., 1999.

двух стран¹¹⁸. Изучение этих документальных материалов позволяет раскрыть внешнеполитическую деятельность на уровне государственных систем, а также на уровне личностных отношений различных государственных и партийных деятелей.

Минус этих документальных материалов заключается в том, что, в силу идеологических установок, они представлены в сборниках документов не в полном виде, (что можно отследить, сравнивая их с архивными документами), подобраны явно тенденциозно, таким образом, чтобы у читателя не осталось никаких сомнений в правильности и «идеологической чистоте» внешней политики СССР.

Следующая необходимая для изучения проблемы группа источников – Резолюции и решения партийных съездов. Для изучения содержания резолюций и решений партийных съездов привлекались следующие сборники документов «ВКП(б), Коминтерн и Китай»¹¹⁹, «ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг.»¹²⁰, «Декреты Советской власти»¹²¹, «Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог»^{122,123}, «Сталинское Политбюро в 30-е годы»¹²⁴, «Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927»¹²⁵, «Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг.»¹²⁶, «Сталин и Каганович.

¹¹⁸ *Ипатов А.С.* История российско-китайских отношений в документах и материалах. // Новая и новейшая история. № 2, 2013. С. 91.

¹¹⁹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: документы. В 5 т. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М., 1994; Т. II. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927. В 2 ч. Ч. 1, 2. М., 1996.

¹²⁰ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Отв. ред. *Грант Адиебеков, Харуки Вада.* М., 2001.

¹²¹ Декреты Советской власти. Т. I–VI. 25 октября 1917 г. – 9 декабря 1919 г. М., 1957–1973.

¹²² Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. В 3-х т. Т. I. 1919—1929 / Отв. ред. *Г.М. Адиебеков, К.М. Андерсон.* М., 2000.

¹²³ Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. В 3-х т. Т. II. 1930—1939 / Отв. ред. *Г.М. Адиебеков, К.М. Андерсон.* М., 2001.

¹²⁴ Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. / Сост. *О.В. Хлевнюк и др.* М., 1995.

¹²⁵ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов / Сост. *А.В. Квашонкин, О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая.* М., 1996.

¹²⁶ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. / Сост. *А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк.* М., 1999.

Переписка. 1931–1936 гг.»¹²⁷, «Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг.»¹²⁸, «Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Документы и материалы»¹²⁹ и др.

Документы перечисленных сборников располагаются в хронологической последовательности. Материалы, которые содержат сборники, позволяют рассмотреть проблему внешней политики СССР с точки зрения функционирования механизмов государственной системы Советского государства – от личной переписки советских руководителей до обсуждения и принятия многочисленных резолюций, решений партийных съездов, постановлений, уставов и т. п. Сборники документов дают нам представление о той стороне внешней политики, которую государство старалось сознательно скрыть.

Еще одна группа источников, важная для проведения исследования, включает в себя мемуары и воспоминания государственных и политических деятелей, дипломатов, военных специалистов, очевидцев событий. В нашем исследовании использовались мемуары и воспоминания, отражающие несколько важнейших событий в истории советско-китайских и советско-японских отношений:

1) Межгосударственные переговоры между СССР Китаем и Японией в 1920-е гг., которые завершились подписанием двусторонних соглашений.

2) Воспоминания и свидетельства советских и китайских военных деятелей о конфликте на КВЖД в 1929 г. однако для изучения советско-китайских отношений он необходим. Эти работы проливают свет на начальный этап советско-китайских отношений, иллюстрируя позицию представителей СССР и китайского государства на суть происходящих процессов.

¹²⁷ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001.

¹²⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. (Сборник документов) / Составители: Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1996.

¹²⁹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Документы и материалы. М., 2006–2009.

3) Записки китайских и японских государственных деятелей¹³⁰, дипломатов, революционеров и советских военных специалистов, характеризующие знаковые события, происходившие во внешней политике на дальневосточном направлении в 1920–1930-е гг.

Мемуары и источники личного происхождения – один из самых интересных и противоречивых видов источников субъективного характера. С одной стороны, они позволяют расширить представление об изучаемой проблеме, по-новому рассмотреть различные аспекты проблемы, узнать интересные личные подробности взаимоотношений государственных и партийных деятелей, а также выяснить их различные оценки и суждения, подчас, весьма резкие, относительно происходящих событий. Все это вызывает особый интерес к изучаемой проблеме, позволяет во всей полноте «оживить» ее подлинную историю. С другой стороны, этот тип источников – один из самых сложных, противоречивых и тенденциозных по своему характеру. Дополняя общую историческую картину, он в то же время создает еще большее количество спорных проблем.

В настоящей работе использованы мемуары советских специалистов, работавших в Китае в 1923–1927 гг. – «Записки о китайской революции в 1925–1927 гг.» (1975) А.В. Благодатова¹³¹, «Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924–1927 гг.)» (1964), А.И. Черепанова¹³², «В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов» (1966) М.И. Казанина¹³³. Вышеперечисленные воспоминания выходят далеко за рамки анализа военных событий. Мы нашли массу интересных сведений о политической жизни Гуандуна первой половины 1920-х

¹³⁰ Янь Хуэйцин. Йилу, йао йулин йи, ньян бан. (Воспоминания Янь Хуэйцина) Тайбэй. 1982.

¹³¹ Благодатов А.В. Записки о китайской революции в 1925–1927 гг. М., 1975.

¹³² Черепанов А.И. Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924–1927 гг.). М., 1964.

¹³³ Казанин М.А. В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966.

годов, об эволюции взглядов Сунь Ятсена, о политической оппозиции партии Гоминьдана, целях и объеме помощи СССР в годы революции и др¹³⁴.

Полезным источником для изучения темы являются мемуары советского дипломата И.М. Майского¹³⁵, который в 1927–1929 гг. занимал должность советника полпредства СССР в Японии. Его мысли и суждения о проблеме китайской революции и роли в ней СССР, рассуждения о проблеме кризиса на КВЖД, о настроениях в японском обществе – оказали существенную пользу в написании данного исследования.

Ценным источником оказались мемуары последнего китайского императора Пу И (1906–1967 гг.)¹³⁶. Пу И – китайский император династии Цин, после отречения от престола в 1912 г. – изгнанник в Китае, с 1932 – Верховный правитель Маньчжурии, с 1934 г. – император Маньчжоу-Го. Такова шестидесятилетняя жизнь и судьба последнего императора Китая, который после пяти лет советской тюрьмы и десяти лет тюрьмы и перевоспитания в Китайской Народной Республике превратился в простого гражданина¹³⁷. Мемуары Пу И отличаются высокой тенденциозностью, самокритичностью, что обычно не свойственно воспоминаниям. Это объясняется тем, что мемуары были написаны по заказу КПК и подверглись жесткой цензуре. Однако воспоминания Пу И оказались полезными для освещения исследования проблемы, т. к. написаны с привлечением широкой базы документальных свидетельств, позволяющих проследить создание и функционирование государственного аппарата Маньчжоу-Го и взглянуть на советско-японское соперничество в Маньчжурии с точки зрения высокопоставленного лица, фактически находившегося в подчинении у Японии.

¹³⁴ Картунова А.И. В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Документированный очерк. М., 1979. С. 7.

¹³⁵ Майский И.М. Воспоминания советского посла. В 2-х книгах. М., 1964.

¹³⁶ Пу И. Первая половина моей жизни: Воспоминания Пу И. – последнего императора Китая. М., 1968.

¹³⁷ Усов. В.Н. Последний император Китая. Пу И (1906–1967 гг.). М., 2003. С. 401.

Важным источником для настоящей работы послужили мемуары китайского государственного деятеля – генералиссимуса Китайской Республики Чан Кайши¹³⁸. Свидетельства генералиссимуса, безусловно, заслуживают пристального внимания. Ведь он был непосредственным участником описываемых событий, исполняя одну из главных ролей в драматическом спектакле, разыграншемся на политической сцене Китайской Республики в 1920–1940-е гг. прошлого века. В целом в них содержится полезная информация о национально-освободительном движении в Китае – взгляд от «первого лица». Чан Кайши – был свидетелем фактически борьбы, которая разворачивалась на три фронта: против пытавшегося поработить Китай западного и японского империализма, против разрывавших страну милитаристских клик и против СССР¹³⁹. К военно-политическому опыту Чан Кайши мы неизменно будем обращаться при проведении данного исследования.

Для разработки научных сюжетов, связанных с советско-японскими взаимоотношениями в 1920–1930-е гг. мы использовали воспоминания японских государственных деятелей и военных. Следует выделить воспоминания Того Сигэнори (1882–1950 гг.) – японского политика, занимавшего должность министра иностранных дел Японии и принимавшего участие в переговорах об установлении дипломатических отношений с СССР¹⁴⁰, а также мемуары Томиока Садатоси (1897–1970 гг.) – адмирала императорского флота Японии во время Второй мировой войны. В своих воспоминаниях Томиока Садатоси рассуждает о причинах вторжения Японии в Маньчжурии в 1931 г., что является ценным свидетельством, отображающим настроения военной элиты Японии¹⁴¹.

Архивные материалы – это важнейший и особо ценный источник для всестороннего изучения международных отношений. Богатейший материал,

¹³⁸ Чан Кайши. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009.

¹³⁹ Панцов А.В. Чан Кайши и национально-освободительное движение в Китае. // Предисл. К кн. Цзян Чжунчжэн. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М., 2009.

¹⁴⁰ Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. М., 1996.

¹⁴¹ Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны. М., 2016.

который содержат архивы, позволяет рассматривать проблему в динамике, в совокупности ее сторон как системы. Архивные материалы позволяют вскрыть подлинные цели и характер исследуемых процессов, проследить формирование и суть проблемы, провести объективный целостный и доказательный анализ проблемы, а также выделить самостоятельный и оригинальный аспект для ее углубленного исследования.

При написании работы были исследованы, в основном, материалы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории РГАСПИ:

– Отчеты Коминтерна, документы коммунистической партии Китая: (ф. 514.):

1) Выписка из протокола заседания Средне-Азиатского бюро ЦК РКП (б) о работе среди уйгуров, материалы НКВД по вопросу о признании Советской России Китаем, о русско-китайских переговорах, о КВЖД (1923 г.)¹⁴².

2) Переписка советского представителя в Китае Бородина с руководством Компартии Китая по вопросам работы и отношений партии с гоминьданом, о положении в Китае, по издательским и другим вопросам (1924 г.)¹⁴³.

3) Сводка из китайской прессы по вопросу о КВЖД (1924 г.)¹⁴⁴.

4) Переписка работника ИККИ Войтинского с ИККИ, русской делегацией в ИККИ, ЦК Компартии Китая и отдельными лицами по вопросу о положении в Китае, деятельности Дальневосточного бюро ИККИ, взаимоотношениях компартии и гоминьдана (1926 г.)¹⁴⁵.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 56.

¹⁴³ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 82.

¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 102.

¹⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 180.

5) Материалы делегации ИККИ в Китае: инструкции для делегации, протоколы заседаний, вызванные по поводу измены Чан Кайши, переписка (1927 г.)¹⁴⁶.

6) Материал к Политсекретариату ИККИ: «Отчет о кампании против китайского похода Японии», составленный комиссией по делам печати (1932 г.)¹⁴⁷.

7) Материалы донесений Первого Объединенного фронта, Сунь Ятсен и У Пэйфу (1922 г.)¹⁴⁸.

– Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898,1903–1991 гг.) (ф. 17.) – протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) и ВКП(б) VII–XVIII созывов¹⁴⁹.

– Документы по истории революции в Китае 1922–1926 (ф. 627) – коллекция документов о деятельности советских дипломатов, военных и политических советников в Китае (Архив Бородина), дневник Л.М. Карахана:

1) Дневник чрезвычайного и полномочного представителя СССР в Китае Л.М. Карахана (1923–1926 гг.)¹⁵⁰.

2) Переписка Л.М. Карахана с политическим советником при ЦИК Гоминьдана М.М. Бородиным о работе советского представительства в Кантоне, о Сунь Ятсене, съезде Гоминьдана (1923–1924 гг.)¹⁵¹.

3) Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между КНР и СССР с подписями Л.М. Карахана и Веллингтона Ку, отклики буржуазной печати на заключение Соглашения (1924 г.)¹⁵².

4) Письма и доклады В.С. Войтинского, Г.Е. Зиновьева, военного атташе в Китае А.И. Геккера и военных советников полпреду Л.М.

¹⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 247

¹⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 702.

¹⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 985.

¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.

¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д.: 3, 6, 10.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 4.

¹⁵² РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 9.

Карахану о положении в Китае и в гоминьдановских армиях (1925–1926 г.)¹⁵³.

5) Доклады начальника южнокитайской группы советников военному атташе при посольстве СССР в Пекине А.И. Егорову и полпреду Л.М. Карахану о военно-политической обстановке в Китае, списки частей Северной экспедиции Национально-революционной армии (1925–1926 гг.)¹⁵⁴.

6) Рапорты и докладные записки военных инструкторов в Китае и военного референта при полномочном представителе СССР об организации китайской военной школы на территории СССР, о снабжении народных армий оружием, о работе военного атташе в Китае. (1925–1926 гг.)¹⁵⁵.

7) Донесения, докладные записки, оперативные сводки советских военных специалистов полпреду Л.М. Карахану о военной обстановке в Китае, положении в народных армиях, о Калганской и Монгольской группах войск с приложениями (оперативные карты, директива штаба 1-й народной армии, смета по аппарату военного атташе в Китае) (1925–1926 гг.)¹⁵⁶.

8) Доклады и переписка советников 3-й народной армии Китая о положении в армии и по другим вопросам; письмо Ху Дэфу Л.М. Карахану с просьбой прислать советников (1926 г.)¹⁵⁷.

9) Доклады и письма советских военных специалистов, А.Д. Цюрупы полпреду Л.М. Карахану о военно-политическом положении в Китае, переговорах с начальником штаба 1-й народной армии Лю Дзи о

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 12.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 13.

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 15.

¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 17.

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 25.

политической платформе армии, об условиях работы советников в стране, по финансовым и другим вопросам. (1926 г.)¹⁵⁸

10) Доклады и письма А.П. Хмелева (военный отдел Гоминьдана) полпреду Л.М. Карахану о положении в народных армиях Китая и о военно-политической работе советников (1926 г.)¹⁵⁹.

– Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ) (1919–1943) – (ф. 495) – Коммунистическая партия Японии (1916–1941 гг.):

1) Русско-японский секретный договор (1916 г.)¹⁶⁰.

2) Материалы Русско-японской конференции в Чанчуне: протоколы заседаний конференции, речь Иоффе на банкете иностранных журналистов, обзор японской печати, обращение ИККИ к японским рабочим и крестьянам (1922 г.)¹⁶¹.

3) Бюллетени и дипломатические сводки Информотдела Министерства иностранных дел Дальневосточной республики, бюллетень с обзором японской прессы, приложение к бюллетеню и речь министра иностранных дел в японском парламенте (1922 г.)¹⁶².

4) Статьи различных авторов и сводки чрезвычайного уполномоченного Дальневосточной республики в Москве о политике Японии (1922 г.)¹⁶³.

5) Доклады, статьи, обзоры прессы и другие материалы о землетрясении в Японии (1923 г.)¹⁶⁴.

6) Доклады и статьи разных авторов, статистический и другой материал о политическом и экономическом положении в Японии (1923 г.)¹⁶⁵.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 26.

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 627. оп. 3, д. 30.

¹⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 1.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 25.

¹⁶² РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 24.

¹⁶³ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 37.

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д.: 69, 70.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 71, 72, 73.

- 7) Бюллетень полпредства СССР в Японии (1924 г.)¹⁶⁶.
- 8) Обзор японской прессы по вопросам внутреннего и международного положения в Японии (1926 г.)¹⁶⁷.
- 9) Воззвания ЦК КП Японии и КП Китая в связи с интервенцией в Китае, парламентскими выборами в Японии, массовыми арестами (1928 г.)¹⁶⁸.
- 10) Манифест, декларация, воззвания и обращения КП Японии к рабочим и крестьянам Японии в связи с оккупацией Маньчжурии (1931 г.)¹⁶⁹.

Особо надо отметить материалы архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) – в своей работе активно привлекались материалы из фонда заместителя Наркома иностранных дел СССР. Л.М. Карахана (ф. 0179.)¹⁷⁰. Документы, полученные из архива, помогли совершенно по-новому раскрыть тему переговоров с Мукденским правительством, которые завершились подписанием договора от 20 сентября 1924 г. Как следует из документов, особенно важным вопросом в переписке Л.М. Карахана и Наркома иностранных дел Г.В. Чичерина был вопрос о КВЖД. В данной работе представлен новый взгляд на переговоры и выявлены личные мотивы Чжан Цзолиня – последнего лидера бэйянского правительства в «оттягивании» переговоров. Письма Л.М. Карахана также помогают понять, каковы были реальные планы СССР на КВЖД в дальнейшей перспективе. Материалы из секретариата М.М. Литвинова (ф. 05)¹⁷¹ позволили проследить реакцию СССР на вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г. Материалы Реферантуры Китая (ф. 0100)¹⁷²

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 117.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 165.

¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д. 234.

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 495. оп. 127, д.: 302, 303.

¹⁷⁰ АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9;

АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 7;

АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 9. П. 10. Д. 6.

¹⁷¹ АВП. РФ. 05. Оп. 11. П. 80. Д. 122.

¹⁷² АВП РФ. Ф. 0100. Оп. Д. 6.

привлекались для раскрытия оценок советской дипломатией потенциальных возможностей конфликта с Японией в период Маньчжурского кризиса в 1931–1932 гг.

Научная новизна исследования состоит в определении роли Л.М. Карахана во внешнеполитической деятельности Советского государства на Дальнем Востоке с 1918 по 1934 гг. Это фактически первая работа, посвященная персоналии Л.М. Карахана, деятельность которого представлена в широком контексте внешней политики страны межвоенного периода.

Теоретическая значимость исследования. Обобщенный в диссертации материал и ее выводы являются первой попыткой в отечественной исторической науке осмыслить роль дипломатической деятельности Л.М. Карахана на дальневосточном направлении в 1918–1934 гг.

Практическая значимость исследования. Материалы и основные выводы диссертации в дальнейшем могут быть использованы для разработки научных проблем истории внешней политики СССР на азиатском направлении, уточнения предпосылок Второй мировой войны, а также для подготовки специальных учебных курсов, посвященных истории международных отношений и внешней политики России.

Достоверность проведенного исследования определяется широтой и разнообразием источниковой базы, включающей в себя опубликованные и неопубликованные (и при этом впервые вводимые в научный оборот) материалы официальной делопроизводственной документации по истории советско-китайских и советско-японских отношений, документы советских партийных и государственных органов, а также документы личного происхождения.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XX–XXI веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные идеи и положения диссертации изложены в 4 научных публикациях автора общим объемом 6,57 п.л. в рецензируемых научных

изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 5.6 – Исторические науки.

Структура диссертации построена в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, которые посвящены отдельным хронологическим периодам, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Советская внешняя политика носила двойственный характер: с одной стороны, СССР продвигал линию Коминтерна на создание «базы социализма» в Китае, а с другой стороны, отстаивал свои собственные геополитические интересы в азиатском регионе, которые соответствовали официальной линии НКВД СССР. Советская официальная государственная внешнеполитическая линия не противоречила политике Коминтерна, а, по сути, была четко скоординирована с его деятельностью, что способствовало выполнению общих важных внешнеполитических задач Советского государства.

2. Л.М. Карахан не только следовал внешнеполитическому курсу Советского правительства по урегулированию конфликта с Японией, но и самостоятельно направлял ход переговоров в необходимое для СССР русло.

3. После вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 г., Л.М. Карахан, верно прогнозируя возможные действия сторон возникшего конфликта, оперативно отразил их планы в своих сообщениях советскому руководству, что позволило реализовать поставленные перед дипломатическим ведомством цели, сводившиеся к необходимости избежать открытых противоречий с Японией и эскалации конфликта на Дальнем Востоке

4. В 1931–1934 гг. СССР проводил политику лавирования в отношении Японии и марионеточного государства Маньчжоу-Го. С одной стороны, Советское правительство не признавало Маньчжоу-Го на международной арене, с другой стороны, – исходило из реального положения дел и старалось не допустить военной эскалации конфликта на Дальнем Востоке, выстраивая

дипломатические отношения с Японией с учетом фактора государства Маньчжоу-Го, находившегося непосредственно у границ СССР. Проводя такую политику, СССР смог избежать войны с Японией, увеличить свою обороноспособность в Дальневосточном регионе и укрепить свой авторитет среди ведущих мировых держав.

Глава 1

Внешняя политика Советского государства на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.)

1.1. Дальневосточный регион до 1917 г.: взаимоотношения России, Японии и Китая

Истории русско-китайских отношений посвящено немало работ, особенно вышедших в нашей стране. Формирование и обустройство границы между Россией и Китаем представляется важнейшей проблемой в их взаимоотношениях, поскольку оба государства издавна являются соседями. И все же, несмотря на большое количество исследований на эту тему, ее нельзя считать исчерпанной. Многие важные материалы еще не введены в научный оборот. Их публикация даст возможность прояснить важные детали, характеризующие конкретную историческую ситуацию, в которой формировалась граница между двумя странами. Эта тема приобретает особое значение вследствие того, что граница, которая устанавливалась и уточнялась в течение длительного времени, существует до сих пор, в основном, в том виде, в котором она сложилась к концу рассматриваемого периода. Все вышесказанное относится и к восточному участку границы между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, протянувшемуся на 4375 км. Правовой базой формирования русско-китайской границы послужили межгосударственные договоры, соглашения, договорные акты и приложения к ним. Что касается договоров, то надо отметить, что они, помимо территориальных, включают в себя постановления о торговле, дипломатической переписке, нарушителях границы и многие другие¹⁷³.

Первые официальные контакты между Россией и Китаем относятся к началу XVII века, когда по инициативе тобольского воеводы – князя И.С. Куракина – в Китай была отправлена миссия из 12 человек во главе с томским казаком И.

¹⁷³ Мясников В.С., Степанов Е.Д. Границы Китая: История формирования. С. 83.

Петлиным (1618–1619 гг.). Походы В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.), Е.П. Хабарова (1649–1653 гг.) и других русских землепроходцев положили начало освоению и мирному присоединению Приамурья к России. Ни маньчжурского, ни тем более китайского населения здесь не было. В середине XVII в. русские владения простирались по всему левобережью Амура, а местами и по его правому берегу – в районе южнее Албазина, а также к востоку от р. Аргуни до Большого Хингана. В 1654 г. было образовано Даурское воеводство, позднее переименованное в Албазинское (1682 г.), в состав которого входила долина по обоим берегам Верхнего и Среднего Амура. В октябре 1644 г. армиями маньчжуров из юго-восточной части Маньчжурии, вторгшимися в Китай и захватившими его, была основана династия Цин. Северная граница цинских владений тогда проходила в глубинных районах Маньчжурии по так называемому Ивовому палисаду, отстоявшему от Амура почти на 1000 км. Земли к северу от Ивового палисада считались внешними территориями, находящимися за границей.

Цинское правительство, проводившее захватническую политику не только в отношении китайского народа, но и соседних народов и государств, стремилось ограничить свою колыбель – Маньчжурию, а также и завоеванный ими Китай зоной малонаселенных, полувассальных территорий. Поэтому вопрос об изгнании русских из Приамурья являлся для цинского правительства очень важным. Первые попытки вытеснить оттуда русских были предприняты маньчжурами в 50–70-х гг. XVII в. Однако все они закончились неудачно. Неудачи объяснялись тем, что в то время силы цинского правительства еще были отвлечены на борьбу с развернувшимся в стране сопротивлением захватчикам-маньчжурам.

В последней трети XVII в. после подавления китайского сопротивления цинский император Сюаньэ вновь начинает активизировать свою политику в отношении Приамурья с целью осуществления военных акций против русских поселений на Амуре. Он провел ряд административных, хозяйственных и

военных мероприятий по укреплению своих самых северных опорных пунктов, а также по захвату и укреплению ранее не принадлежавших маньчжурам районов, граничащих с Приамурьем. С 1684 г. цинские власти образуют на этой территории Хэйлунцзянскую провинцию – плацдарм для дальнейшей экспансии на север.

Завершив эти мероприятия в 1685 г., маньчжурское войско осадило русский форпост на Амуре Албазин. Его население было вынуждено покинуть город. Однако осенью того же года, получив подкрепление в Нерчинске, русские возвратились и восстановили разоренный город. В 1686 г. цинское войско вновь осадило Албазин, но летом 1687 г. цинский император приказал снять осаду, узнав, что из России в Китай отправлено «великое и полномочное» посольство во главе с Ф.А. Головиным для переговоров о заключении мира и развитии торговли.

Русское правительство, получив известие о событиях под Албазином, приняло решение о мирном урегулировании конфликта даже ценой территориальных уступок. Такое решение было продиктовано важными внешнеполитическими обстоятельствами (борьба с Крымским ханством, Турцией и Швецией), не позволявшими выделить достаточное количество военных сил и ресурсов для защиты русских владений в Приамурье.

Нерчинский договор о территориальном размежевании, торговле и по другим вопросам был подписан 29 августа 1689 г. Это был первый договор, заключенный Китаем с Россией (а также с европейской державой). После подписания Нерчинского договора демаркация границы проведена не была, не составлялись ни карты граничной линии, ни описания к ним.

Таким образом:

- 1) По Нерчинскому договору 1689 г. граница между двумя государствами была фактически установлена только по реке Аргунь.
- 2) В известной мере он определил характер русско-китайских отношений в Забайкалье и Приамурье на последующие 170 лет. Следует, однако, отметить,

что, вследствие разночтений в текстах договора, территория к востоку от реки Горбица оказалась фактически не разграниченной и превратилась в буферную зону между двумя государствами.

3) Договор не был впоследствии ратифицирован ни русским царем, ни маньчжурским императором, как не было и последующего обмена ратификационными грамотами или взаимного обмена юридически значащими текстами договора. Следовательно, положения Нерчинского договора, с международно-правовой точки зрения, не получили юридического закрепления¹⁷⁴.

Следующей вехой во взаимоотношениях России и Китая стал Кяхтинский договор 1727 г. Оценивая пограничные статьи Кяхтинского договора, стоит отметить следующее. Хотя С.Л. Владиславич-Рагузинский и уступил маньчжурам на западном участке границы бывшие земли русских вассалов Алтын-ханов Западной Монголии, простиравшиеся на запад и юго-запад от оз. Хубсугул и достигавшие оз. Убса-нор, куда входила и большая часть современной Тувы¹⁷⁵, «но в тот период закрепление за Россией земель к югу от Красноярска и Кузнецка было большим успехом русской дипломатии, так как Цины признали за русскими территории, ранее контролировавшийся халхаскими феодалами»¹⁷⁶.

Таким образом:

1) После подписания Кяхтинского договора 1727 г. Россия потеряла часть своих земель – верховья реки Аргун, район рек Чикой и Селенга, район между хребтами Саянский и Танку-Ола остался нейтральным.

2) При размежевании территорий по данному договору за Российской империей стал дополнительно числиться район южнее Красноярска и Кузнецка, ранее контролировавшаяся монгольскими феодалами.

¹⁷⁴ *Ткаченко Б.И.* Россия-Китай: Восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999 г. С. 6–7.

¹⁷⁵ *Прохоров А.* К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975. С. 96.

¹⁷⁶ *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили. М., 1996. С. 199.

3) Кяхтинский трактат служил правовой основой взаимоотношений России и Цинской империи вплоть до середины XIX в., когда его положения по взаимному согласию сторон уточнялись и заменялись Айгунским договором 1858 г. и Пекинским (дополнительным к Тяньцзиньскому) договором 1860 г.¹⁷⁷.

Так, например, по Айгунскому договору 1858 г., граница между государствами стала проходить по р. Амур; указанная земля считается русской, а цинскому правительству предоставлено только право юрисдикции в отношении своих подданных, проживавших в этом районе на территории России.

Оценивая содержание и значение территориальных статей Айгунского договора в целом, следует заметить, что согласно этому трактату, России было возвращено левобережье Амура, отторгнутое у нее Нерчинским договором 1689 г. Залогом успеха русской дипломатии на переговорах в Айгуне была не только политическая слабость Китая ввиду опиумных войн, но и фактическое освоение Россией пустынного и не контролируемого цинским правительством левобережья Амура, а также занятие ко времени подписания договора по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева русскими военными силами многих стратегически важных пунктов в Приамурье и районе будущего condominiuma. Однако русские земли по правобережью Аргуни и Амура, также отторгнутые у России по Нерчинскому договору, России возвращены не были.

Необходимо заметить, что согласно большинству исторических источников, до заключения Айгунского трактата 1858 г. Приморье (Южно-Уссурийский край) не являлось владением ни китайцев, ни маньчжуров. Коренные жители Приморья на протяжении веков были подчинены самим себе и находились в

¹⁷⁷ Ткаченко Б.И. Указ. соч. С. 8–9.

относительной свободе от государственного влияния. Соответственно, и земли по Уссури, которые они занимали, не принадлежат ни одному государству¹⁷⁸.

Таким образом:

1) Айгунский договор имел большое значение в деле урегулирования отношения России и цинского Китая, так как устранял возможность возникновения пограничных конфликтов на востоке, которые в противном случае могли бы иметь место.

2) Договор облегчал дальнейшие шаги русской дипломатии, получившей возможность во время последующих переговоров с цинским правительством опираться на статьи Айгунского трактата.

3) Подписание Айгунского договора свело на нет попытку Англии обострить отношения Китая с Россией и закрыло доступ в Амур западноевропейским судам.

Между тем, Путятин после почти года безуспешных попыток начать переговоры с цинским правительством, отправился в Шанхай, откуда вместе с англо-французской эскадрой прибыл в Чжилийский залив. Союзники заняли Тяньцзинь и цинское правительство, будучи не в силах оказать сопротивление объединенным англо-французским силам, было вынуждено пойти на переговоры. Оно обратилось к России с просьбой о посредничестве и согласилось вести переговоры с Путятиным прежде, чем с представителями других держав, надеясь, видимо, ограничить тем самым требования Великобритании. В такой обстановке 1 июня 1858 г., то есть через две недели после подписания Айгунского договора, Е.В. Путятин заключил с цинскими уполномоченными Тяньцзиньский договор¹⁷⁹ об условиях политических взаимоотношений (состоит из 12 статей). Со стороны России договор подписал

¹⁷⁸ Соловьёв Ф.В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 1973 г. С. 63–72.

¹⁷⁹ Подписанный Е.В. Путятиным договор был первым из так называемых Тяньцзиньских договоров, заключенных Китаем также с Англией (26.06.1858 г.), Францией (27.06.1858 г.), США (18.06.1858 г.), а впоследствии и с другими странами.

императорский комиссар в Китае, командующий морскими силами в Восточном океане, генерал-адъютант, вице-адмирал граф Е.В. Путятин, а со стороны Китая свои подписи поставили: министр Восточного кабинета Придворной канцелярии, главноуправляющий Палаты юстиции Гуй-Лян и председатель Палаты (Министерства) чинов гражданского ведомства, корпусной командир тяжелого войска (пехота) синего с красной каймой знамени Хуа-Шан.

Наконец, 2 ноября 1860 г. силами Н.П. Игнатьева был подписан Пекинский договор, состоявший из 15 статей и существенно дополнявший ранее подписанный Тяньцзиньский договор. Заключение Пекинского договора вместе с приложенным к нему Протоколом, картами, Описанием государственной границы и Описанием постановки государственной границы «явилось огромным шагом вперед к установлению точной и постоянной границы между Россией и Китаем. Положен был конец вековому спору о Приамурье и неразграниченных землях»¹⁸⁰. Достигнутое соглашение способствовало развитию мирных отношений между двумя соседними великими державами. Заметим еще, что это был первый русско-китайский договор, заключенный в столице Цинской империи – Пекине.

Вскоре после заключения Пекинского договора 1860 г. возникла необходимость урегулирования в присоединенном Уссурийском крае пограничных и других проблем. Они возникли главным образом из-за значительного увеличения числа китайцев, прибывавших в Уссурийский край через южный участок русско-китайской границы для различного рода промыслов. Кроме этого, получила развитие торговля с соседними провинциями Китая и отчасти Кореи. Этим и некоторым другим вопросам были посвящены другие два договора – Санкт-Петербургский договор 1881 г. и Новокиевские протоколы 1886 г.

Так, граница между Россией и Китаем по р. Аргуни была установлена в результате уступки Россией части своей территории Цинской империи по

¹⁸⁰ Нарочницкий А.Л. и др. Международные отношения на Дальнем Востоке... Кн. 1. С. 103.

Нерчинскому договору 1689 г. Этот участок границы протяженностью свыше 1200 км не считался спорным и не пересматривался последующим Кяхтинским договором, хотя с течением времени русло р. Аргуни переместилось к западу. Так обстояло дело до начала XX в., когда стоявшие здесь монгольские пограничные караулы были заменены китайскими.

Впервые о намерении китайцев пересмотреть границу по р. Аргуни сообщил в Министерство иностранных дел российский посланник в Пекине И.Я. Коростовец. Он указывал, что «в некоторых местах граница обозначена в трактатах крайне неопределенно и китайцы, по-видимому, намерены воспользоваться этим, чтобы оттянуть у нас часть территории, издавна признаваемой нами своею»¹⁸¹.

В конце декабря 1910 г. китайские министры сделали И.Я. Коростовцу новое предложение, сводившееся к тому, чтобы после окончания работ смешанной комиссии назначить с обеих сторон двух комиссаров в высшем чине, снабдив их более широкими полномочиями. По распоряжению военного министра В.А. Сухомлинова им стал атаман 3-го отдела Забайкальского казачьего войска генерал-майор Е.С. Путилов.

В июне 1911 г. русская разграничительная комиссия прибыла в китайский город Цицикар, где должны были происходить переговоры. В результате работы комиссии в октябре-ноябре 1911 г. был заключен Цицикарский протокол. «В Цицикарском протоколе впервые была «дружелюбно распределена» принадлежность островов по р. Аргуни. Из 280 островов к России отошло 160, а к Китаю 120»¹⁸².

Таким образом:

Цицикарский протокол 1911 г. вместе со всеми приложениями к нему восстановил и зафиксировал исторически сложившийся, установленный договорами рубеж между Россией и Китаем.

¹⁸¹ Цит. по [162. С. 125.]

¹⁸² *Мясников В.С.* Договорами утвердили. С. 339.

Договор 1911 г. являлся международно-правовым документом, определившим прохождение линии государственной границы между Россией и Китаем на Аргуньском участке на долгое время¹⁸³.

В 1911–1913 гг. в Китае произошла Синьхайская революция, начавшаяся Учанским восстанием 1911 г. и приведшая к свержению маньчжурской династии Цин и провозглашению республики. Вслед за этими событиями начинается волна восстаний – в Монголии и Туве¹⁸⁴. Развернулось национально-освободительное движение против представителей китайской администрации торговцев с целью их изгнания. Вооруженные отряды восставших тувинцев действовали одновременно во многих хошунах. Царское правительство России, учитывая свои геополитические интересы, в том числе проживание в Урянхайском крае нескольких тысяч русских переселенцев, с большим вниманием следило за событиями в этой части Центральной Азии. В высших правительственных кругах России высказывалось мнение о необходимости закрепления этого края за империей¹⁸⁵.

Во второй половине 1913 г. царское правительство добилось от китайского согласия на то, что территориальные вопросы, связанные с Внешней Монголией, будут решаться путем переговоров с Россией. Это дало возможность правительству Российской империи решать судьбу Урянхайского края без оглядки на позицию Китая¹⁸⁶. В 1914 г. Тува перешла под протекторат Российской империи. «Вследствие этого Высшим Российским правительством был сделан всеподданейший доклад Его Императорскому Величеству и в 5-й день апреля сего 1914 г. воспоследовало Высочайшее соизволение на принятие

¹⁸³ До 1991 г., когда между Российской Федерацией и КНР было подписано соглашение по восточному участку границы.

¹⁸⁴ Согласно работе *Мясникова В.С., Степанова Е.Д.* «Границы Китая: История формирования». Тува была захвачена маньчжурами в 1758 г., но до этого входила во владения бывших вассалов России – Алтын-ханов. В ряде исследований ставилась под сомнение правильность проведения в этом районе границы, делимитированной Кяхтинским договором. (С.184.)

¹⁸⁵ История Тувы: В 2 т. – Т. I. Под общ. ред. *С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола.* Новосибирск, 2001. С. 310.

¹⁸⁶ Там же. С. 314.

Вас с подведомственными урянхами под Русское покровительство, о чем я ныне и уведомляю Вас»¹⁸⁷.

Таким образом:

1) Уже в 1910-х гг. начался процесс национального самоопределения монголов и тувинцев.

2) Был изменен статус некоторых территорий, которые до того времени входили в состав Великой Цинской империи.

3) Начался процесс образования новых государств, а, следовательно, и изменилась линия границы между Россией и Китаем¹⁸⁸.

Взаимоотношения России и Японии, особенно на ранних этапах истории, очень неоднородны и имеют разное наполнение и содержание, а потому с трудом поддаются системной периодизации. В отечественной историографии не существует их устоявшейся хронологии. В своем кратком историческом экскурсе мы будем отталкиваться от степени активизации политики России и Японии в отношении друг друга. К.Е. Черевко – известный российский японист считает, что вплоть до XVIII в. у России имелись лишь отдельные, единичные случаи получения весьма неопределенных, самых общих или фрагментарных сведений о Японии, причем главным образом от русских путешественников, находившихся за пределами своего государства – в странах Арабского Востока, в Монголии, Китае. Сведения о Японии, которые эпизодически поступали к русским, формировали первоначальные, но пока еще достаточно неопределенные и противоречивые представления об этой стране, остававшейся во многом загадочной¹⁸⁹.

С конца XVII в. царское правительство начало осуществлять важные мероприятия в целях развития промышленности, торговли и укрепления

¹⁸⁷ Там же. С. 320.

¹⁸⁸ После событий 1917 г. в России прежняя российско-китайская граница на ее монгольском и тувинском участках перестала существовать, но появится советско-монгольская, тувинско-монгольская, и китайско-монгольская границы.

¹⁸⁹ Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII—XIX века. М., 1999. С. 36–37.

оборонеспособности России. Одновременно проводилась политика освоения новых земель и установления торговых и дипломатических отношений не только с западными, но и с восточными странами. Русские помещики и купцы нуждались в выходах к морям прежде всего для сбыта продукции сельского хозяйства и мануфактур. Такая потребность особенно ощущалась в связи с узостью внутреннего рынка, сложившегося в условиях крепостнического хозяйства¹⁹⁰.

Активное освоение русскими северо-восточной оконечности Евразии привело к тому, что к началу XVIII в. значительная ее часть вошла в состав Российского государства. В 1696–1699 гг. отряд Владимира Атласова обследовал и присоединил к России полуостров Камчатка. В результате экспедиции Атласова российские границы вплотную подошли к Курильским островам – региону, непосредственно связанному с Японией. Встреча с представителями этой страны также не заставила себя ждать: отряд Атласова обнаружил среди аборигенов Камчатки японца по имени Дэмбэй, который за несколько лет до этого потерпел кораблекрушение и в числе других моряков был выброшен к камчатским берегам. Дэмбэй стал первым известным широкому кругу из целой череды японских моряков, терпевших крушения в течение XVII–XIX вв. и попадавших в Россию¹⁹¹.

В середине XVIII в. продолжается период первичного накопления знаний друг о друге. Российская империя организует экспедиции для описания северной части Тихого океана и отыскания морского пути в Америку и Японию. С середины XVIII в. в России даже начинается изучение японского языка, который преподают занесенные бурей моряки из Японии. Россия предпринимает попытки установить торговые связи с Японией: в 1778–1779 гг. члены российской экспедиции на о. Уруп встречаются с чиновниками княжества Мацумаэ.

¹⁹⁰ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960. С. 17.

¹⁹¹ История российско-японских отношений: XVIII — начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Гришачёва. М., 2015. С. 34.

Важным событием стала миссия А.Э. Лаксмана, посетившая Японию в 1792 г. Для России она означала начало попыток установить дипломатические отношения с восточным соседом. Но гораздо большую роль сыграла она в жизни Японии: с этого времени связанные с Россией дела перешли в ведение центрального правительства страны, а вернувшиеся на родину японские моряки привезли обширные и достоверные сведения о северном соседе¹⁹². Если до этого Россию представляли как некое продолжение земли Эдзо, страну «красных Эдзо» или «красных людей», «красных чертей», «дальних Эдзо», то после возвращения Кодаю за Россией закрепился образ западной страны. Россию начали изучать: появились словари, рассказы о морях, занесенных в Россию, книги о положении дел в России. Прибытие экспедиции А. Лаксмана способствовало тому, что в представлении японцев торговля с Россией стала выглядеть привлекательной¹⁹³.

Сёгунат Токугава вынес официальный отказ в установлении дипломатических отношений с Россией. Однако, русские моряки получили одноразовое разрешение войти в гавань Нагасаки для продолжения переговоров. Более того, на банкете японцы намекнули на возможность открытия торговли. Двойственность японской политики отражала попытку увести иностранцев подальше от столицы Японии, города Эдо (современный Токио).

Российское правительство не воспользовалось лицензией на торговлю в Нагасаки и не предприняло повторной попытки прибыть в Японию из-за нестабильной обстановки в Европе, вызванной происшедшей во Франции революцией. Кирилл Лаксман упорно призывал отправить в Японию новую миссию. В конце концов его предложение было принято, и он получил распоряжение направиться в Японию. Однако, после того как подготовка к экспедиции была почти закончена, в пути на сибирском тракте Лаксман заболел

¹⁹² Там же, с. 12–13.

¹⁹³ Торкунов А.В., Иокибэ М. Российско-японские отношения в формате параллельной истории. С. 21–22.

и умер в 1796 г. После смерти императрицы экспедиция в Японию была отложена¹⁹⁴.

В первой половине XIX в. попытки к установлению отношений продолжает Российско-Американская компания, стремясь посредством установления торговли решить основной вопрос – снабжение продовольствием Камчатки и Охотска. В 1804 г. Японию посетило посольство Н.П. Резанова, однако оно потерпело неудачу из-за последовательно жесткой изоляционистской политики Японии¹⁹⁵. Экспедиция содействовала знакомству двух соседних народов, подготовила почву для их дальнейшего сближения.

Трудолюбие и достойное поведение русских моряков, переживших трудности и лишения, оставило наилучшие впечатления у японцев. Поведение самого Н.П. Резанова было оценено японцами высоко. О Резанове в Японии составилось весьма лестное мнение вследствие проявленной им тактичности и выносливости, с которыми ему пришлось ждать ответа из Эдо¹⁹⁶.

В 1806–1813 гг. на Сахалине и Курильских островах происходит ряд инцидентов, вызванных нападением русских моряков на японские поселения, а также пленение русских моряков японцами. Эти конфликты относительно мирно разрешаются в 1814 г.¹⁹⁷, после чего контакты между двумя странами сокращаются. Интерес России к Японии как к экономическому партнеру в 1820-х годах ослабевает. Деятельность Российско-Американской компании постепенно приходит в упадок¹⁹⁸, усилия России по налаживанию торговли с

¹⁹⁴ *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983. С. 116.

¹⁹⁵ История российско-японских отношений. С. 13.

¹⁹⁶ *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М., 1988. С. 85.

¹⁹⁷ В 1814 г. в привезенном Японией предложении о демаркации границ речь шла о том, чтобы территория Японии простиралась до Итурупа, а России — до Симушира, а на расположенных между ними Уруп и других островах поселений не строить. Российские представители в 1814, 1815, 1816 гг. посещали Итуруп, но они разминулись с японской стороной, и переговоры не состоялись.

¹⁹⁸ В 1821 году император Александр I (1801–1825 гг.) издает указ, в котором говорилось о необходимости противодействия Соединенным Штатам и Великобритании, которые начали проникать в северную часть Тихого океана. Ответом Российской империи стало закрытие всей своей территории от Берингова пролива до острова Уруп для въезда иностранцев. Таким образом, Россия дала понять миру, что ее территория простирается до острова Уруп.

Японией ослабли, после чего российско-японские отношения достигают относительно мирного, стабильного уровня более чем на 40 лет.

Во второй половине XIX в. наступает период двустороннего паритета. Под влиянием внешних обстоятельств (проникновение Великобритании и США в Восточную Азию) Россия предлагает Японии установить дипломатические отношения.

В 1853 г. Россия направила третью русскую миссию, которую возглавил адмирал Е.В. Путятин. Русская дипломатическая миссия прибыла в город Нагасаки в 1853 году, через месяц после американского коммодора Мэтью Перри. Российская империя была заинтересована в разрешении спорных пограничных вопросов (владения на Курильских о-вах и Сахалине), налаживании дружественных связей с этим государством. К форсированию переговоров и разрешению пограничных вопросов ее особенно подстегивали решительные действия в этом регионе США. В свою очередь, экспедиция Е.В. Путятин вызвала серьезное беспокойство некоторых западных держав – Голландии¹⁹⁹, Франции, США. Путятин получил инструкции от Министерства иностранных дел и Министерства военно-морского флота развивать дружественные отношения между Россией и Японией и демаркировать границу мирными средствами²⁰⁰.

В 1855 г. заключается первый договор – Симодский трактат²⁰¹ – и начинается проведение границы в соответствии с европейской дипломатической практикой:

- 1) Граница была установлена между Урупом и Итурупом
- 2) Граница на территории Сахалина не была демаркирована.
- 3) Три порта — Нагасаки, Симода и Хакодате — были открыты для русских, в то время как американцы могли заходить только в Симоду и Хакодате.

¹⁹⁹ Голландия была единственным из европейских государств, которая на постоянной основе торговала с Японией до так называемого «открытия».

²⁰⁰ История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 г. М., 1998, С. 610–611.

²⁰¹ Собрание важнейших трактатов и конвенций заключенных Россией с иностранными державами (1774–1906). Варшава, 1906.

4) Преступники должны привлекаться к ответственности в соответствии с законами их страны.

В 1860-е гг. в Японии и Российской империи начинается период модернизации и реформ. Государства были сосредоточены на внутренних проблемах и потому не были заинтересованы в осложнении отношений. Интенсивность русско-японских отношений ослабевает. С.В. Гришачёв отмечает, что «после окончательного урегулирования вопроса о проведении границы в 1875 г.²⁰². интенсивность дипломатических контактов спадает, и вплоть до 1890-х годов – до начала колониального противостояния – отношения остаются дружественными и нейтральными»²⁰³.

После успешной модернизации экономики Япония, давно вынашивавшая планы для продвижения на материк, в 1894 г. начала экспансию, развязав масштабную войну против Китая. Сухопутные и военно-морские силы Японской Империи одержали убедительную победу. В 1895 г. был заключен Симонсекский договор, который утвердил значительные территориальные изменения: Ляодунский полуостров с прилегающими островами (южная Маньчжурия) вошли в состав Японской Империи. В дальнейшем это обусловило геополитическое соперничество России и Японии на Дальнем Востоке, а Китай, оставался лишь номинальным хозяином Маньчжурии. Российское внешнеполитическое ведомство уделяло существенное внимание Маньчжурии в связи с ее экономическим потенциалом и геополитическим значением. П.А. Бадмаев – российский дипломат, который не раз посещал Китай, так характеризовал значение Дальнего Востока для России: «никто из деятелей русского государства в настоящее время не может находиться в неопределенном положении по делам Дальнего Востока. Монголо-тибето-китайский Восток передан деятелям настоящего поколения при самых благоприятных условиях.

²⁰² В 1875 г. между Россией и Японией был подписан Санкт-Петербургский трактат. Согласно трактату, Россия полностью отказывалась от Курильских островов, получая взамен права на остров Сахалин.

²⁰³ История российско-японских отношений. С. 13.

Европа еще не имеет никакого влияния на него, хотя употребляет все усилия для достижения этого влияния. Смело можно сказать, что мы не имеем там соперников и можем достигнуть всего при энергии и разумной деятельности»²⁰⁴. Однако, видные российские государственные деятели осознавали опасность, которая исходила со стороны Японии. С.Ю. Витте (1849–1915 гг.) – российский государственный и политический деятель, министр финансов и один из главных инициаторов экономической экспансии России на Дальний Восток, опасался, что продвижение Японии в Маньчжурском регионе может привести к взаимной конфронтации: «России наиболее выгодно иметь около себя соседом своим – сильный, но неподвижный Китай...невозможно допустить, чтобы Япония внедрилась около самого Пекина и приобрела столь важную область, как Ляодунский полуостров, который в известном отношении представлял собою доминирующую позицию»²⁰⁵.

После японо-китайской войны, Россия делает уверенные шаги по продвижению экономического и политического влияния на Дальнем Востоке. В 1895 г. был основан Русско-Китайский банк, получивший широкие полномочия по финансированию деятельности китайских властей, хранению налоговых поступлений, получению железнодорожных и иных концессий по всей территории страны. Значительную роль в создании и деятельности банка играл французский капитал. Возрастание роли французского капитала в дальневосточной политике России содействовало переходу России к активной экспансии на Дальнем Востоке²⁰⁶.

Кроме того, именно Русско-Китайский банк взял на себя обязательства по сооружению и эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была соединить два важнейших торгово-экономических узла

²⁰⁴ *Бадмаев П.А.* Россия и Китай: к вопросу о политико-экономическом влиянии. М., 2016. С. 8.

²⁰⁵ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Ленинград, 1924. С. 35–36.

²⁰⁶ *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. С. 229.

Китая и России – Северную Маньчжурию и Владивосток. Строительство дороги было начато в 1897 г. и закончено в 1903 г., как южная ветка Транссибирской магистрали. Во многом именно строительство КВЖД и аренда у Китая Ляодунского полуострова с прилегающими островами определит дальнейшую эскалацию русско-японских отношений. В 1898 г. в Китае против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь вспыхнуло восстание ихэтуаней, также известное как Боксерское восстание. Российское внешнеполитическое ведомство умело воспользовалось внутренними проблемами Китая, полностью захватив Маньчжурию, под предлогом защиты КВЖД – совместной собственности России и Цинской империи. После окончательного подавления восстания боксеров в 1901 г. и укрепления геополитического влияния России на Дальнем Востоке, война с Японией станет ближайшей перспективой.

Русско-японская война 1904–1905 гг. завершилась полной победой Японского государства и заключением тяжелого для России Портсмутского мирного договора²⁰⁷. По условиям Портсмутского мира, Россия теряла Южно-Маньчжурскую железную дорогу (ЮМЖД), права на аренду Ляодунского полуострова, включая Порт-Артур, а также южную часть острова Сахалин²⁰⁸.

Портсмутский мир имел колоссальное значение в русско-японских отношениях вплоть до вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 г., став дипломатическим фундаментом, на положениях которого заключались договоры между Россией и Японией до Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

В 1907 г. была подписана русско-японская общеполитическая конвенция. Соглашение состояло из двух частей – открытой и секретной. В первой декларировались принцип территориальной целостности Китая и сохранение

²⁰⁷ Адамов Е.А., Козьменко И.В. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952.

²⁰⁸ Подробнее см. Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор. Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг. М., 1961.

статус-кво на Дальнем Востоке. Секретная часть соглашения фиксировала раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния. Кроме того, Россия признала особые права Японии в Корее, а Япония – специальные интересы России во Внешней Монголии. В том же 1907 г. была подписана русско-японская рыболовная конвенция²⁰⁹, которая предоставила японцам широкие права на промысел в территориальных водах России²¹⁰. В 1912 г. в Петербурге была заключена новая русско-японская конвенция о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии. После заключения этого договора внимание Российской империи к Дальнему Востоку ослабевает, из-за надвигавшегося мирового кризиса в Европе, а после начала Первой мировой войны в 1914 г. и вовсе сходит на нет.

Таким образом, русско-китайские и русско-японские отношения в XVII – начале XX вв. развивались тяжело и неравномерно, переживая то военно-политические кризисы, то периоды тесного сотрудничества. Первые столкновения Цинской империи и России произошли в конце XVII в. и были вызваны спорами вокруг территорий Приамурья. Нерчинский договор 1689 г. впервые определил границу между двумя государствами, однако условия Нерчинского договора на протяжении XVIII в. будут не раз пересматриваться. Внешнеполитические отношения России и Японии были затруднены естественными морскими границами и «закрытостью» Японского государства для европейских держав на протяжении XVII – середины XIX вв.

Граница между государствами будет окончательно определена лишь в конце XIX в. (1875 г. – Санкт-Петербургский договор с Японией; 1881 г. – Петербургский договор с Китаем).

После поражения в Японо-китайской войне 1894–1895 гг. Китай был вынужден искать союзников для укрепления политического статуса и

²⁰⁹ Действие конвенции продолжалось вплоть до 1928 г.

²¹⁰ История Японии. Т. II. 1868–1998 гг. М., 1998. С. 225–228.

обороноспособности государственных территорий. В связи с этими в 1896 г. был заключен Союзный договор между Российской империей и Китаем, по условиям которого началось активное экономическое и политическое проникновение России в Китай – строительство КВЖД (1896 г.), аренда стратегически важных территорий (1897 г. – Порт-Артур, Далянь), основание на арендованных территориях собственных городских агломераций (1898 г. – Харбин), подавление Боксерского восстания в Китае (1899–1901 гг.) – все это значительно укрепило позиции Российской империи на Дальнем Востоке.

Таким образом, русско-японские и русско-китайские отношения прошли несколько этапов развития – от военных столкновений XVII в., вызванных территориальными спорами, до тесного экономического и политического сотрудничества в середине XIX в.

В начале XX в. происходит эскалация международных отношений на Дальнем Востоке. Активная колониальная политика России привела к значительному обострению отношений с Японией и русско-японской войне 1904–1905 гг.

Портсмутский мир 1905 г. фактически денонсировал выгодный для России договор с Китайской империей 1896 г., и привел к утрате некоторых территорий (южный Сахалин), вынудив впоследствии подписать невыгодные для России договоры с Японией (Общеполитическая конвенция – 1907 г.; Рыболовная конвенция – 1907 г.; Санкт-Петербургская конвенция о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии – 1912 г.).

В 1912–1913 гг. внимание к Дальневосточному региону ослабевает в связи с обострением международных отношений в Европе. После начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.), внешнеполитические связи России с Японией и Китаем будут подчинены реалиям войны.

Поражение в русско-японской войне (1904–1905 гг.) и последовавшие за ним двусторонние договоры ослабили позиции России на Дальнем Востоке, что

впоследствии скажется на внешней политике Советского государства в указанном регионе в 1920–1930-е гг. и потребует от советских дипломатов значительных усилий, чтобы разрешить накопившиеся противоречия и проблемы в советско-японских и советско-китайских отношениях.

1.2. Советско-китайские отношения (1918–1922 гг.)

Период существования Китайской Республики (1912–1949 гг.) оказал сильное влияние на дальнейшее развитие Китая. Новую эру в истории Китая открыла Синьхайская революция (1911 г.), свергнувшая иноземную цинскую монархию, правившую в Китае с 1644 г., и предложившая новую модель политической структуры и государственного управления – на основе конституции и в рамках парламентской республики. Деятельность революционного Нанкинского правительства, особенно в период временного президентства Сунь Ятсена (1912–1913 гг.), проложила русло, по которому началось движение к модернизации в политической сфере. Синьхайская революция привела к историческим сдвигам в общественном и политическом сознании людей, в экономике, осуществила поворот от догматов конфуцианства, выполнявшего охранительную функцию по отношению к политическому строю и всему комплексу идеологии традиционного Китая, к открытости, к усилению прогрессивных элементов внешнего влияния во всех сферах жизни, прежде всего – науки и политики, повысила накал борьбы против неравноправных договоров, навязанных Китаю иностранными державами, дала толчок к восстановлению национального суверенитета.

По насыщенности событиями, наличию альтернативных попыток поиска пути развития страны, предпринимавшихся в течение всего республиканского периода различными партиями, группировками и общественными организациями, по числу ярких личностей в сферах политической и общественной жизни, экономики, науки и культуры, по мощи интеллектуального взрыва в ходе «движения за новую культуру» и «движения 4 мая» 1919 г., оказавших сильное влияние на поворот от традиционного общества

к современному, трудно найти другой период в истории Китая, сопоставимый с республиканским. «Конечно, степень националистической активности и методы выражения антияпонского протеста были различны у разных социальных слоев и групп»²¹¹. Особенностью движения являлся его массовый характер и широкий социально-политический состав участников, свидетельствующий о росте национального самосознания в стране. По оценке исследователей, в мае – июне 1919 г. в 20 провинциях и 150 городах Китая в движении приняли участие более 10 млн человек²¹². Конечно, влияние традиций и устойчивость прежних стереотипов, свойственных китайскому менталитету, сохранялись и в республиканский период. Вместе с тем его характеризует более явный разрыв с предыдущей историей и идеологией, что обусловило значительные трудности в государственном строительстве, в области развития политических и идеологических процессов, в формировании международной, экономической и социальной политики.

Первая половина XX в. и в мировом масштабе характеризовалась мощными социальными потрясениями, сменой режимов, революциями и войнами. Первой «ласточкой» стала русско-японская война 1904–1905 гг. и последовавшая за ней революция 1905–1907 гг. в России. Эта революция оказала сильное воздействие на развитие национально-освободительного движения в мире, особенно в азиатских странах.

Раскол мира на противоборствующие блоки привел к Первой мировой войне 1914–1918 гг. В этой войне вместе со своими союзниками, доминионами и колониями по всему миру сражались страны Антанты (Англия, Франция, Россия, с 1915 г. – Италия, с 1917 г. – США) с одной стороны, а с другой – державы так называемого «центрального блока» (Германия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария). Война затронула и Азиатский континент. Япония, выступавшая на

²¹¹ Движение 4 мая 1919 г. в Китае. Документы и материалы. М., 1969. С. 128–129.

²¹² *Гарушияңц Ю.М.* Указ. соч. С. 33.

стороне Антанты, захватила германскую военно-морскую базу в Китае – Циндао. Война закончилась поражением Германии и ее союзников.

Ощутимые последствия Первая мировая война имела и для России. Тяготы и бедствия войны вызывали общественное недовольство. В феврале 1917 г. в результате широкого движения народных масс в стране пало самодержавие, а в октябре того же года власть в России захватили большевики, провозгласившие социалистическую революцию. Эти события имели огромные мировые последствия. Они послужили причиной быстрого роста революционных движений и распространения социалистических и коммунистических идей во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки. Для их продвижения в мире большевики в 1919 г. в Москве создали новый Коммунистический Интернационал (Коминтерн). В короткое время под влиянием Коминтерна было создано большое число коммунистических и рабочих партий во многих странах, которые призывали в том числе и к освобождению от национально-колониального гнета. Одновременно, независимо от Коминтерна, но не без влияния революционных событий в России и мире, ширилось национально-освободительное движение, захватившее Индию, Китай, Индонезию, Индокитай, ряд стран Среднего и Ближнего Востока.

Одним из результатов Первой мировой войны стала революция в Германии, свергнувшая монархию. Распалась Австро-Венгрия, и на ее месте образовался целый ряд независимых государств. Страны-победительницы в 1919 г. заключили Версальский мир, определивший новую систему послевоенного устройства – далекую от принципов равенства и справедливости. Для решения международных вопросов рамках постепенно сформировавшейся Версальско-Вашингтонской системы в 1919 г. была образована Лига наций, в которую до 1935 г. вошло 58 государств. Но влияние этой организации на мировые дела оказалось весьма незначительным.

Чтобы понять, что произошло на Парижской конференции 1919 г., нужно обратиться к захвату немцами гавани Цзяочжоу в китайской провинции

Шаньдун в 1897 г. Получив заверения от России, что она не будет вмешиваться, германское правительство ответило на убийство двух немецких миссионеров в Шаньдуне 1 ноября 1897 г. оккупацией Цзяочжоу и принуждением Китая согласиться на девяностодевятилетнюю аренду, начавшуюся 6 марта 1898 г. В дополнение к передаче Германии земли вокруг гавани Цзяочжоу для ее концессии в Циндао, немецким интересам было разрешено развивать несколько железнодорожных линий в Шаньдуне. Им же были предоставлены права на добычу полезных ископаемых на всех землях в радиусе десяти миль от железнодорожных линий. Наконец, если Китай хочет развивать Шаньдун, то прежде всего следует обратиться к немецким предприятиям, а это означало, не что иное, как протекторат над провинцией – Шаньдун становился исключительной сферой влияния Германии²¹³.

Этот порядок сохранялся неизменным в течение шестнадцати лет. Однако после начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Япония стремилась выполнить свои обязательства перед Великобританией в рамках их взаимного соглашения 1902 г., требуя, чтобы Германия покинула Шаньдун. Ультиматум Японии от 15 августа 1914 г. недвусмысленно призывал Германию «без отлагательств и в срочном порядке передать Японии территорию [Цзяочжоу], которую она намеревалась вернуть Китаю. После двухмесячной осады 7 ноября 1914 г. японские войска заняли Цзяочжоу. Несмотря на то, что Япония обещала вернуть Китаю порт, Пекинское правительство сохраняло дипломатические отношения с Германией до 1917 г., а также протестовал против захвата Японией шаньдунской концессии.

Японское правительство и народ гордились своим вкладом в военные усилия. Доктор Токити Иэнага, бывший сотрудник японского Министерства иностранных дел, а затем преподаватель Колумбийского университета, объяснял: «[Япония] уничтожила одним ударом немецкую мощь на Дальнем

²¹³ *Fifield Russell H., Woodrow Wilson and the Far East, P. 7.*

Востоке, разрушила крепость Циндао, выслеживала вражеские военные корабли, бродившие по соседним морям; контролировали Южное море, Индийский и Тихий океаны в течение всего периода войны; конвоировала войска Австралии и Новой Зеландии на поля сражений Европы и Азии; сотрудничала на Средиземном море с союзными флотами в их операциях против вражеских подводных лодок; препятствовала фильтрации германского влияния и распространению большевизма в Восточную Сибирь.; подписывалась на союзнические займы в полном объеме своих финансовых возможностей, снабжала державы Антанты боеприпасами и другими военными материалами и всегда была готова откликнуться на призыв своих союзников в случае необходимости»²¹⁴.

После войны Япония рассчитывала сохранить плоды своей победы над Германией, прежде всего, для национальной чести Японии. В этом отношении Япония ничем не отличалась от своих европейских союзников, большинство из которых после войны предъявляли аналогичные финансовые и территориальные претензии на немецкие и австрийские территории и колонии. В январе 1915 г. Япония предъявила Пекинскому правительству Двадцать одно требование, которое должно было определить новое положение Японии в Китае. В списке, разделенном на пять групп, правительство Японии требовало:

- 1) Право распоряжаться германской концессией в Шаньдуне так, как считает нужным.
- 2) Увеличить свое влияние в Маньчжурии и Внутренней Монголии.
- 3) Получить особые горнодобывающие и торговые привилегии вдоль реки Янцзы.
- 4) Запретить Китаю сдавать в аренду дополнительные прибрежные бухты или гавани другим державам.

²¹⁴ *Toyokichi Iyenaga*, *Iyenaga Decries Shantung Charge*, *New York Times*, August 1, 1919.

5) Предоставить Японии широкий спектр политических прав в самом Китае, включая исключительные права на продажу оружия Китаю и разработку и на развитие провинции Фуцзянь через проливы от японской колонии Тайвань.

13 марта 1915 г. правительство Соединенных Штатов подвергло критике Двадцать одно требование²¹⁵. В результате недовольства Америки Япония изменила свое требование заставить Китай принять японскую полицию, а также отказалась от требования сделать провинцию Фуцзянь исключительной зоной для японского развития.

Тем не менее, 25 мая 1915 г. Китай подписал договоры с Японией, даже несмотря на то, что требования Японии были значительно снижены в результате предыдущих протестов Вашингтона. Соединенные Штаты продолжали отказываться признавать «Двадцать одно требование» Японии и настоятельно призывали Китай прекратить дипломатические отношения с Германией и присоединиться к союзникам в качестве важного первого шага к отмене этих положений. 14 августа 1917 г. Китай объявил войну Германии. Однако Японское правительство предвидело проблемы, которые могут возникнуть в результате действий Китая в отношении позиции Японии в Шаньдуне, и поэтому в начале 1917 г. подписал секретные соглашения с Великобританией, Францией, Италией и Россией, гарантировавшие ее права на немецкую концессию в Шаньдуне.

Шаньдунский вопрос, который многим посторонним казался обманчиво простым, на самом деле затрагивал восемь стран: Китай, Германию, Японию, Великобританию, Францию, Италию, Россию и, наконец, Соединенные Штаты. Учитывая сложность этой проблемы, неудивительно, что окончательное решение не удовлетворило никого, и уж тем более китайцев.

²¹⁵ В том числе, по личной инициативе В. Вильсона.

На Парижской конференции 1919 г. без учета интересов и желания китайского народа было принято решение о передаче Японии бывшей немецкой колонии в китайской провинции Шаньдун²¹⁶.

Возможно, самое большое историческое значение отказа китайской делегации подписать Версальский мирный договор заключалось в том, что он был вызван, по крайней мере частично, огромной волной китайского общественного неодобрения и гнева в связи с решением Парижской мирной конференции. Одним из примеров может послужить небезызвестный Чэнь Дусю, впоследствии ставший первым лидером китайской Коммунистической партии, который первоначально поддержал объявление войны в надежде, что эта акция укрепит мировое положение Китая. Чэнь рассматривал условия Версальского мирного договора как национальное унижение, и его разочарование впоследствии было направлено против западных капиталистических стран и, конечно, Японии, а также против китайского центрального правительства в Пекине, которое, как считалось, потерпело неудачу в своих усилиях добиться равного отношения к Китаю.

Опыт Четвертого мая настроил многих китайских интеллектуалов против западной демократии. Объединенные действия студентов, рабочих и многих других слоев общества в течение 1919 г. создали новое единство среди китайского народа, возглавили это движение – самые известные китайские интеллектуалы, такие как Чэнь Дусю, Ли Та, Ли Чао, Лу Хсун и Ху Ши. В результате, после решения Парижской мирной конференции, многие китайские интеллектуалы стали более восприимчивы к сообщениям о политических, экономических и социальных реформах большевиков, которые впервые начали публиковаться в Китае как раз во второй половине 1919 г.

²¹⁶ Версальский договор делегация из Китая так и не подписала и только после Вашингтонского Япония была вынуждена вывести войска из китайской провинции Шаньдун, а также вернуть Китаю железную дорогу Циндао-Цзинань и территории Цзяо-Чжоу.

Чтобы воспользоваться недовольством китайского народа Версальским договором, Советское правительство 25 июля 1919 г. выпустило манифест за подписью Л.М. Карахана²¹⁷. В этой декларации большевики предлагали Китаю дружбу и равноправные отношения, обещали отменить все прежние неравноправные договоры между Россией и Китаем: «Советское правительство отказывается от получения с Китая контрибуции за боксерское восстание... Советское правительство уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле... Советское правительство хорошо знает, что союзники и Япония сделают все возможное, чтобы и на этот раз²¹⁸ голос русских рабочих и крестьян не дошел до китайского народа, что для возвращения китайскому народу того, что было от него отнято, необходимо сначала с сидящими в Маньчжурии и Сибири хищниками... Советское правительство предлагает китайскому народу, в лице его правительства, ныне же вступить в официальное сношение и выслать своих представителей навстречу нашей армии»²¹⁹.

В широко распространенной пропагандистской брошюре под названием «Китай и Советская Россия» в которой этот манифест был полностью перепечатан, целая глава была озаглавлена как «Китай и уроки Версаля». Это было жесткое и показательное сравнение между дружественными предложениями Советского правительства Китаю и наплевательским отношением, которое Китай почувствовал на Парижской мирной конференции со стороны Америки, Великобритании и Франции. Заканчивается брошюра тем, что предлагала Китаю «искупить свою вину революцией», и «по-дружески»

²¹⁷ С 1918 г. являлся заместителем народного комиссара по иностранным делам РСФСР.

²¹⁸ Советское правительство в 1918 г. уже предлагало Китаю вступить в переговоры по аннулированию договора 1896 г., Пекинского протокола 1901 г. и всех соглашений с Японией с 1907 по 1916 гг. Эти переговоры продолжались до марта 1918 г., и закончились ничем.

²¹⁹ Советско-китайские отношения 1917–1957 гг. Сборник документов. М., 1959 г. С. 44–45.

предлагала помощь в ускорении революционных движений на Дальнем Востоке»²²⁰.

В качестве реакции на повсеместное общественное разочарование Версальским договором, Ариф Дирлик определил, что начиная с 1920 г. «китайские издания обращаются к систематическому изучению русской революции и ее идеологии»²²¹. Джеймс Шеридан (1922–2015 гг.) – известный американский историк также прокомментировал важность обещаний большевиков для того, чтобы активизировать китайскую интеллигенцию и студентов выступить против иностранного вмешательства в Китай: «марксизм нашел сочувствие среди молодежи, которые участвовали в движении четвертого мая, участвовали в агитации против Версальского договора и Шаньдунского вопроса. Эта симпатия к советской идеологии усилилась после того, как в марте 1920 г. до Китая дошли известия о том, что Советский Союз в одностороннем порядке отказался от всех привилегий с «неравноправных договоров», заключенных между Китаем и царской Россией, это заявление нового коммунистического правительства казалась конкретным проявлением Ленинской враждебности к всему империализму и являлось наиболее привлекательным элементом марксистско-ленинской идеологии для воинственно настроенной молодежи Китая»²²².

Интересно, но «именно советские обещания немедленного и безоговорочного равенства сделали усилия Вильсона в Париже по урегулированию отношений между Китаем и Японией похожими на предательство»²²³. В свою очередь, китайский историк Линь Цзюнь подмечает, что «после Октябрьской революции у китайского правительства не было четкой внешнеполитической стратегии в отношении к советской власти. Китайское руководство продолжало видеть в

²²⁰ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Китай и Советская Россия: из вопросов нашей дальневосточной политики. М., 1919. С.3, С.12.

²²¹ *Dirlik Arif*, *The Origins of Chinese Communism*, P. 41.

²²² *Sheridan James E.*, *China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912–1949*, P. 142.

²²³ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 45.

советской власти – «Царскую Россию», оно не было знакомо с советской властью и выстраивало свою дипломатию с позиций слабой страны»²²⁴.

Начиная с начала 1918 г. Советское правительство неоднократно осуждало тайную дипломатию, осуждало плохое отношение империалистических держав к Китаю и обещало относиться к Китаю как к равному партнеру. Однако, как только начались китайско-советские переговоры, стало понятно, что прийти к соглашению по всем спорным аспектам не так-то просто, поскольку советские и китайские чиновники, как только доходило до переговоров, забывали об обещанных равноправных условиях и старались в каждом пункте готовившегося протокола изыскать выгоду.

Изучение первых попыток Советской России начать дипломатические переговоры показывает, что отношение советского правительства к Китаю было неоднозначным с самого начала. Вопреки заявлениям советского правительства о том, что Дальневосточная Республика (ДВР) является самостоятельным образованием, создание этого буферного образования обговаривалось Л.Д. Троцким и В.И. Лениным. ДВР выстраивала свою политику под четким наблюдением советского внешнеполитического ведомства. Первоочередной целью нового «независимого» государства было начать дипломатические переговоры с народами Дальнего Востока, а затем с Пекинским правительством. Чтобы переговоры проходили легче, ДВР отрицала всякую связь с большевиками и утверждала, что их государственное образование возглавляет демократическое правительство.

18 апреля 1920 г. Чичерин дал интервью газете «Красное знамя» в котором утверждал, что «понятно, конечно, что большинство населения этого нового государства [ДВР – прим. автора] склоняется к России, и поэтому Россия

²²⁴ Линь Цзюнь. 1924 нянь Чжун Су фу цзяо шупин. (О восстановлении советско-китайских отношений в 1924 г.). Шицзе лиши, 1990, №1, 1.

распространит свое влияние на него в будущем, как она это делает сейчас. Однако мы готовы признать автономию этого государства»²²⁵.

Хотя Советское правительство официально признало ДВР, Ленин направил 13 августа 1920 г. следующие секретные инструкции: «буржуазно-демократический характер буфера носит чисто формальный характер...Центральный Комитет [Коммунистической партии в Москве] будет руководить политикой Дальневосточной республики через Бюро по Дальнему Востоку, члены которого будут назначаться из Москвы и которые будут непосредственно подчиняться центральному комитету партии»²²⁶.

Таким образом, с весны 1920 г. по зиму 1922 г., когда ДВР формально объединилась с СССР, советская стратегия создания буферного государства и опоры на политику открытых дверей была направлена на свою же собственную защиту.

Вскоре после образования ДВР в марте 1920 г. ее Министерство иностранных дел направило министру иностранных дел Китая телеграмму, в которой предлагалось начать дружественные политические и экономические отношения. 12 июня 1920 г. И.Л. Юрин²²⁷ в должности начальника дипломатической миссии ДВР в Китае прибыл в сибирский пограничный город Кяхту и направил телеграмму министру иностранных дел Китайской Республики. Однако просьба Юрина о разрешении поездки в Пекин поначалу была оставлена без внимания, как и вторая телеграмма от 24 июня из Министерства иностранных дел ДВР, но в конце концов, Пекинское правительство решило разрешить советской делегации въехать в Китай, если И.Л. Юрин будет являться неофициальным представителем – главой коммерческой, а не дипломатической миссии. Это решение было сообщено И.Л. Юрину 21 июля 1920 г., а 26 июля 1920 г. другая телеграмма из ДВР удостоверяла, что И.Л. Юрин теперь является начальником

²²⁵ Опубликовано 28 апреля 1920 г. в газете «Красное знамя» интервью 18 апреля 1920 г. Б.Н. Чичерина японской газете «Майнити симбун».

²²⁶ *Dallin David J., The Rise of Russia in Asia, P. 170–171.*

²²⁷ Юрин – псевдоним министра иностранных дел ДВР И.Л. Дзевалтовского (1888–1935 гг.).

этой «коммерческой» миссии. Это изменение статуса удовлетворило китайское правительство, и в ноте от 25 августа 1920 г. сообщалось о прибытии Юрина в Пекин. Таким образом, всего через шесть месяцев после того, как была создана ДВР, первый большевистский представитель уже прибыл в Пекин и начал продвигать более тесные китайско-советские связи. На встрече между Юриным и представителями Министерства иностранных дел Китая 10 сентября 1920 г. были рассмотрены полномочия И.Л. Юрина, которые не удовлетворили китайское правительство. Пекинское правительство хотело, чтобы И.Л. Юрин представил письменное подтверждение того, что другие временные правительства Сибири, и особенно правительство во Владивостоке, также согласились на его назначение. Но это вовсе не означало, что Министерство иностранных дел не стремилось вступать в переговоры с И.Л. Юриным. Дальневосточная Республика была сосредоточена, по большей части, на решении проблемы Китайско-Восточной железной дороги и проблемы антисоветских сил во Внешней Монголии и некоторых других вопросах, в переговорах между Китаем и ДВР и РСФСР существовали серьезные разногласия по некоторым вопросам, касающиеся суверенитета и интересов Китая²²⁸.

На заседании «Комитета по изучению русских договоров» 2 сентября сообщалось, что Пекинское правительство с нетерпением ожидает более подробного обсуждения «прав и интересов», от которых советское правительство отказалось в манифесте Л.М. Карахана. Чтобы снять международную напряженность из-за начала Пекинским правительством переговоров с ДВР, китайское Министерство иностранных дел опубликовало 17 сентября 1920 г. заявление, в котором говорилось, что от И.Л. Юрина потребуют дать определенные гарантии, включая обещание не поддерживать «большевистскую пропаганду в Китае». Между тем, во внутренней записке от 18 сентября были перечислены два дополнительных условия:

²²⁸ Линь Цзюнь, Указ. соч., 2.

1) ДВР должна была возместить китайцам, проживающим на территории ДВР, их финансовые потери после большевистской революции и гарантировать их безопасность и собственность в будущем

2) ДВР должна согласиться с тем, что «все неравные договоры, подписанные царским империалистическим правительством и Китаем, должны быть изменены или аннулированы»²²⁹.

В этих условиях Пекинское правительство предприняло спорный шаг – приостановило все права русских и приказало всем дипломатическим и консульским представителям бывшего Временного правительства Керенского покинуть Китай. Дело в том, что Пекинское правительство получило секретную информацию о том, что Советское правительство вскоре направит в Китай своего представителя. Линь Цзюнь, так объясняет действия Китая: «Пекин официально прекратил дипломатическое обращение с царскими русскими посланниками в Китае и отказался от уплаты контрибуции после Ихэтуаньского²³⁰ восстания консульским представителям царской власти. При этом Китай вел переговоры с правительством Дальневосточной Республики, чтобы решить некоторые конкретные проблемы. Однако, поскольку над китайским правительством все еще довлела «дружба» с бывшими союзниками по Антанте, оно не осмеливалось возобновить дипломатические отношения с Советской Россией без согласия Запада»²³¹.

Китайское правительство уже в 1920 г. было заинтересовано в переговорах с Москвой. Скорее всего, Пекинское правительство разорвало отношения с чиновниками российского Временного правительства не только для переговоров с Юриным, но и для того, чтобы облегчить переговоры непосредственно с Москвой, как только ее представитель прибудет в Китай.

²²⁹ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 70.

²³⁰ Восстание ихэтуаней (или восстание боксеров) было направлено против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898 – 1901 гг.

²³¹ *Линь Цзюнь*, Указ. соч., 2.

27 сентября 1920 г. происходит еще одно очень важное событие в советско-китайских взаимоотношениях – Л.М. Карахан направляет вторую ноту в Министерство иностранных дел Китая.

Советское правительство сожалело о том, что сближение между государствами замедляется и, таким образом, важные политические и торговые интересы обоих государств не получают осуществления, «Народный комиссариат по иностранным делам, желая помочь делу и ускорить установление дружбы между обоими народами, заявляет, что он неуклонно будет придерживаться тех принципов, которые изложены в обращении Русского Советского правительства от 25 июля 1919 г., и положит их в основу дружественного соглашения между Китаем и Россией»²³². Основные заявления были следующими:

1) Все договоры, заключенные прежде правительством России и Китая, должны быть отменены, советское правительство отказывается от всех незаконных приобретений китайской территории, а также от всех концессий в Китае.

2) Начало регулярных торговых и экономических сношений и впоследствии заключение выгодного договора.

3) Не оказывать поддержки и не допускать проявления любой контрреволюционной деятельности на территории Китая.

4) Граждане обеих стран не подчиняются правилам экстерриториальности.

5) Прекратить любые сношения с лицами не имеющих полномочий от правительства РСФСР.

6) Советское правительство отказывается от всех вознаграждений за боксерское восстание.

²³² Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 51.

7) После подписания договора необходимо подписать дополнительное соглашение о порядке пользования Китайской Восточной Железной Дорогой (КВЖД)²³³.

Надо отметить, что перед лицом факта существования советской власти китайское правительство изменило свою политику в отношении Советской России и приняло соответствующие меры. Оно тайно установило неофициальные контакты с советским правительством, ссылаясь на соответствующую практику западных стран, и направило в Россию делегацию для связи и наблюдения во главе с Чжан-Сы-Лином²³⁴.

2 октября 1920 г. Пекинское правительство сделало еще один важный шаг, подписав «дополнительное соглашение» с Русско-Азиатским банком, одним из крупнейших акционеров КВЖД, которое давало Китаю полный контроль над железнодорожной зоной и администрацией. В тот же день Л.М. Карахан встретился с китайской военной миссией в Москве под руководством генерала Чжан Сылина и вручил ему манифест, в котором излагались условия, при которых советское правительство было бы готово открыть отношения с Китаем. Хотя второй манифест Л.М. Карахана был далеко не так выгоден Китаю, как первый, он все равно был выгоднее для Китая, чем переговоры с ДВР. Получив это письмо, китайское Министерство иностранных дел быстро приняло решение направить в Москву делегацию из трех человек. Кроме всего прочего, в качестве посредника был назначен никто иной, как И.Л. Юрин, тем самым доказав важность этой миссии в Китае. В частности, И.Л. Юрину было поручено телеграфировать сообщение русским представителям в ДВР, чтобы сообщить советскому правительству, что «китайское правительство ответит на вышеупомянутое сообщение по прибытии г-на Чэнь в Москву».

²³³ Там же. С. 52–52.

²³⁴ *Линь Цзюнь*, Указ. соч., 1.

Безусловно дипломатическое признание Пекинским правительством ДВР стало важным шагом в ускорении процесса открытия переговоров между РСФСР и Китаем. Как только И.Л. Юрин получил все подтверждающие документы, требуемые Министерством иностранных дел Китая и письмо от Временного правительства Владивостока, указывающее на его полномочия, он передал эти письма Пекинскому правительству с надеждой, что вскоре последуют переговоры. Но Китай теперь был более заинтересован в прямых переговорах с Москвой, которая предлагала лучшие условия по КВЖД, и поэтому начало переговоров с И.Л. Юриным затягивалось на неопределенный срок. Поскольку переговоры с Советским правительством уже начались в Москве И.Л. Юрин активизировал переговоры и даже смог добиться встречи с представителем Министерства иностранных дел Китая – господином Лю. Эти переговоры не привели ни к каким результатам, а угрозы И.Л. Юрина были просто истолкованы как еще один признак слабости, и китайское Министерство иностранных дел решило сосредоточиться на переговорах с Советским правительством через своих представителей в Москве.

8 января 1921 г. Пекинское правительство получило известие, что делегация из трех человек благополучно прибыла в Москву. Целью Советской России было как можно скорее начать дипломатические переговоры с Китаем в Пекине. Проведение переговоров где-либо за пределами Пекина было бы истолковано китайским народом как признак советской слабости, а проведение переговоров в Пекине означало бы фактическое признание нового государства. Но Китайское правительство решило, что сначала было бы полезно провести предварительный разговор в Лондоне между советским представителем и китайским министром там, прежде чем посылать вышеупомянутых представителей в Пекин. По меткому выражению американского историка Эллемана: «Предложение Пекина встретиться в Лондоне было попыткой держать советы на расстоянии вытянутой руки»²³⁵. Но Л.М. Карахан проигнорировал эту просьбу и объявил, что состав

²³⁵ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. P. 80.*

советской делегации, ее транспортный маршрут и дата отъезда обсуждаются с китайским представителем в Москве и, что Советская Россия намерена вступить в полный круг переговоров с Китаем для заключения консульского соглашения, торгового договора и выяснения других вопросов, касающихся взаимных отношений России и Китая: «Русское правительство согласно послать своего представителя в Пекин для того, чтобы начать там переговоры по торговым и другим вопросам, интересующим Китай и Россию. Русское правительство не настаивает на звании посла для официального обозначения его представителя. Во всяком случае оно находит нужным, чтобы его представитель пользовался неприкосновенностью и другими дипломатическими правами, которые Китайское правительство должно будет ему гарантировать, в частности, право посылки курьеров, отправки телеграмм и других отправок в шифре и свободное сообщение с Москвой всеми имеющимися средствами...Принимая во внимание важность поставленных вопросов, в частности в Китае и Монголии, Русское правительство надеется, что Китайское правительство не откажется ускорить срок, к которому русский представитель сможет прибыть в Пекин, и не осложнит этот вопрос предварительными условиями, которые, как и многие другие вопросы, будут наилучшим образом разрешены путем дружественного обмена мнениями, который будет иметь место в Пекине между нашим представителем и Китайским правительством»²³⁶. Поэтому Китаю пришлось отозвать свое приглашение советскому правительству до «более подходящего момента», пеня на изменение ситуации с коммуникациями и транспортом в Монголии и Маньчжурии, намекая на то, что Пекинское правительство не было удовлетворено недавними стычками во Внешней Монголии между Красной Армией и различными белыми русскими силами²³⁷.

5 ноября 1921 г. было заключено советско-монгольское соглашение, которое устанавливало дружественные отношения между двумя государствами; все

²³⁶ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М., 2008. С. 371.

²³⁷ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 55.

неравноправные договоры и соглашения, заключенные с правительством Монголии и правительством царской России признавались недействительными. «Участники соглашения взаимно обязались не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против РСФСР или Монголии. В экономической сфере РСФСР безвозмездно передавала в собственность монгольского народа телеграфную сеть в Монголии, принадлежавшую РСФСР. В трех дополнительных протоколах РСФСР отказывалась от концессий и экономических привилегий царского правительства, аннулировала дореволюционный долг Монголии России, предоставляла Монголии ссуду на сумму 1 млн рублей»²³⁸.

Чтобы закрепить свои территориальные завоевания во Внешней Монголии, Советское правительство должно было добиться согласия Китая на это новое соглашение. Это была еще одна возможность для советского правительства завязать переговоры с китайской стороной. Советское государство направило в Китай своего официального представителя, чтобы убедить Китайское государство возобновить прежние китайско-российские договоры, касающиеся Внешней Монголии. Однако, чтобы скрыть свои намерения, В.И. Ленин и Г.В. Чичерин 18 октября 1921 г. дали четкие указания А.К. Пайкесу²³⁹, который был направлен на переговоры в Китай, чтобы переговоры шли аккуратно, в русле обсуждений о статусе Внешней Монголии и вопросах, связанных с КВЖД. По прибытии в Пекин 14 декабря 1921 г. А.К. Пайкес отрицал, что был подписан какой-либо договор с Внешней Монголией. Позже он попытался объяснить это тем, что, он покинул Москву до заключения договора и поэтому не мог знать об этом. В официальных документах А.К. Пайкеса указывалось, что он уполномочен вести переговоры только по КВЖД, это потенциально делало его переговоры по Внешней Монголии неофициальными. В ходе этих переговоров

²³⁸ Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012, с. 478.

²³⁹ Советский государственный деятель, дипломат, в 1921—1922 гг. — уполномоченный СНК РСФСР в Китае.

стало ясно, что советское правительство, с одной стороны, хотело сохранить свое влияние во Внешней Монголии и ее автономию²⁴⁰, что в свою очередь, противоречило государственным интересам Китая, который, небезосновательно, считал Внешнюю Монголию своей территорией и требовал вывести оттуда советские войска²⁴¹. С другой стороны, внешнеполитическое ведомство Советов понимало всю важность установления дипломатических отношений с «неокрепшим» в идеологическом смысле Китаем, надеясь впоследствии заключить не только полезные торговые и дипломатические договоры, но и приобрести сильного союзника в Азии.

1 мая 1922 г. китайское правительство выступило с публичным протестом против действий Советского правительства во Внешней Монголии. А.К. Пайкес отрицал все обвинения и предлагал созвать конференцию с представителями монгольской, китайской и советской стороны. Объясняя это тем, что хоть Советское правительство и отменило все предыдущие царские договоры, это еще не означает, что договор 1915 г., по которому Китай признал автономию Внешней Монголии, является недействительным. Китайское правительство заявляло, что не нуждается в посредничестве РСФСР в китайско-монгольской проблеме.

В то время, пока А.К. Пайкес выступал в роли «неофициального посредника» между Пекинским правительством и Ургой, советское правительство 31 мая подписало второе соглашение с правительством Внешней Монголии согласно которому:

1) Все дома и имущество на территории Внешней Монголии, принадлежащие ранее бывшему Российскому правительству и находящееся в ведении консульств последнего, признаются по праву преемственности собственностью РСФСР.

²⁴⁰ Территория Внешней Монголии получила формальную независимость по трехстороннему договору 1915 г., на который опиралось советское правительство.

²⁴¹ Войска Красной армии, с разрешений правительства Монголии, находились там для борьбы с контрреволюционными движениями «белых».

2) Все дома, и имущество бывших русских общественных самоуправлений, находящиеся в г. Урге и в других местах, поступают по праву преемственности в собственность РСФСР.

3) Имущество лиц, принимавших участие в действиях общих врагов РСФСР и Монголии, непосредственно или лично оказавших таковым материальное содействие, поступает в собственность Монгольского Народного правительства²⁴².

Этот договор ясно показывает, что советское правительство не желало содействовать возвращению Внешней Монголии в Китай, а напротив уже выстраивало новую внешнеполитическую линию для дальнейшего сотрудничества.

Последняя встреча А.К. Пайкеса с министром иностранных дел Китая состоялась 6 июля 1922 г. Пекинское правительство сопроводило свой официальный протест от 1 мая 1922 г. требованием, направленными непосредственно в Москву, чтобы А.К. Пайкес был отозван и заменен другим дипломатом с полными переговорными полномочиями. Телеграммы, полученные от китайского консула в Москве, подтверждали, что А.К. Пайкес будет отозван и заменен А.А. Иоффе²⁴³, который на протяжении всего своего пребывания в Китае отстаивал «революционный» подход к решению проблем отношений с Китаем²⁴⁴. Так провалились первые советско-китайские переговоры, на которых стороны так и не смогли прийти к общему консенсусу по проблеме статуса Внешней Монголии²⁴⁵.

Таким образом итоги Парижской мирной конференции убедили китайское общество отвернуться от западной демократии и европейских государств.

²⁴² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 г. М., 1924. С. 264.

²⁴³ Советский дипломат и государственный деятель. С 1922 г. — чрезвычайный посол в Китае и Японии. С 26 июля 1922 г. — представитель Советского правительства в Пекине.

²⁴⁴ Жигалов Б.С. «О характере и целях Дальневосточной политики советского государства в 1920–1924 гг.». // Вестник Томского государственного университета. № 4 (12) 2010 г. С. 140.

²⁴⁵ *Elleman Bruce*. Diplomacy and Deception. P. 160

Вместо этого китайские дипломаты и общественность обратились к Советской России, в поисках пути решений тех же проблем, достижения тех же целей, которые китайская делегация не смогла достичь на Парижской мирной конференции 1919 г., особенно по Шаньдунскому вопросу.

В свою очередь, Советское государство постаралось использовать недовольство китайской общественности Версальским договором, декларировав 25 июля 1919 г. обращение к Пекинскому правительству. Л.М. Карахан, автор этого документа, от лица Советского правительства предлагал союзнические отношения и отмену всех неравноправных договоров между Китаем и Российской империей. Конечной целью Советской России, было стремление отвлечь Китай от влияния США и других капиталистических держав и тем самым способствовать индоктринации социалистических идей в китайское общество.

Советское государство с момента своего возникновения находилось в дипломатической изоляции, гарантом которой выступали западные демократические государства – Франция, Великобритания, США – страны-победительницы в Первой мировой войне. Во многом этим объясняется поворот советской дипломатии на восток. ДВР, возникшая по политической воли Советского правительства, служила не только «буферным» государством, но и своеобразной приманкой для Пекинского правительства, чтобы помочь Советскому правительству начать дипломатические переговоры с Китаем.

Начало переговоров между ДВР и Китаем стало первым дипломатическим успехом НКВД РСФСР, это доказывало, что Китай уже признал советскую миссию законным правительством России.

Хотя прибытие И.Л. Юрина в Пекин не сразу привело к установлению официальных дипломатических отношений, это позволило провести прямые переговоры между советским и китайским правительствами, которые в итоге достигнут этой цели в 1924 г.

1.3. Советско-японские отношения (1918–1922 гг.)

1918–1923 годы занимают особое место в истории российско-японских отношений, однако значение этой эпохи не ограничивается присутствием японской армии на российском Дальнем Востоке.

Два государства налаживали внешнеполитические контакты на фоне противоречивых идеологических доктрин, новой системы международных отношений и нового мирового порядка после окончания Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Поэтому советско-японские отношения в этот период следует рассматривать в более широком контексте международных отношений в Европе того времени, Гражданской войны в России (1918–1921 гг.) и конфликта между различными военными формированиями, которые в российской историографической традиции принято именовать «красными» и «белыми».

Русско-японские отношения в начале 1917 года были противоречивыми. С одной стороны,

сохранялась память о неудачной русско-японской войне (1904–1905 гг.), но, с другой – два государства были вынуждены сближаться на фоне разворачивающегося кризиса в Европе, а в Первой мировой войне (1914–1918 гг.) стали союзниками. Неоднозначность русско-японских отношений усилилась в связи с буржуазно-демократической революцией в России, которая произошла в феврале 1917. Японское правительство, как и большинство других союзнических государств того времени, с осторожностью отнеслось к политическим изменениям, происходившим в России, но признало российское Временное правительство²⁴⁶, которое согласно ноте П.Н. Милюкова²⁴⁷ обязалось выполнять прежние союзнические обязательства, взятые российским императором Николаем II (1894–1917 гг.), в том числе связанные с внешней

²⁴⁶ Временное правительство – Высший исполнительно-распорядительный и законодательный орган государственной власти в России в период между февралем и октябрём 1917 года.

²⁴⁷ Нота министра иностранных дел Временного правительства России П.Н. Милюкова правительствам стран Антанты от 18 апреля 1917 года, разъясняющая позицию Временного правительства по вопросу войны.

политикой. Однако, когда члены Российской социал-демократической рабочей партии большевиков (РСДРП(б)) 25 октября 1917 г. захватили Временное правительство и объявили о создании новой государственной власти, она отказалась продолжать прежнюю внешнюю политику и от всех союзнических обязательств. Большинство стран не признали новое Советское государство – Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (РСФСР) и фактического руководителя правительства – В.И. Ленина (1870–1924 гг.). Когда в 1918 г. большевики отказались от всех обязательств перед прежними правительствами, и большинство дипломатов из ведущих стран покинули Россию, в том числе японский посол Утида Косай (1865–1936 гг.)²⁴⁸.

С ноября 1917 г. по март 1918 г. в Брест-Литовске происходили сепаратные переговоры между советским правительством и центральными державами – Германией, Австро-Германией, Болгарией и Османской империей. Самое деятельное участие в переговорах принял Л.М. Карахан – секретарь советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске.

20 ноября 1917 г. Л.М. Карахан – член военно-революционного комитета (ВРК) в составе первой мирной делегации, которую возглавлял А.А. Иоффе, прибыл в Брестскую крепость, где находился штаб главнокомандующего Восточным фронтом. В ходе переговоров советская делегация изложила позицию СНК по вопросам войны и мира, содержащуюся в Декрете о мире. Развивая эти положения, советская делегация предложила провести демаркационную линию посередине между позициями воюющих сторон, занимаемыми на момент открытия переговоров. По объективным причинам, требования советской стороны были отвергнуты. Л.М. Карахан ежедневно информирует Наркоминдел о ходе переговоров. Именно его корреспонденции печатаются в газете «Известия». 22 ноября 1917 г. главы делегаций подписали протоколы и совместные заявления, после чего советская делегация вернулась в

²⁴⁸ Подробнее: *Торкунов А.В., Иокибэ М.* Российско-японские отношения в формате параллельной истории... С. 280–281.

Петроград, чтобы сделать отчет ВЦИК. Л.М. Карахан остается в Брест-Литовске для официальной связи с немецким командованием, сбора информации из немецких и австрийских газет, а также выполнения указаний Наркоминдела. Так 25 ноября 1917 г.: «Ленин подписывает распоряжение о приеме телеграмм на немецком языке из Брест-Литовска от секретаря советской мирной делегации Л.М. Карахана»²⁴⁹. 2 декабря 1917 г. был подписан договор о перемирии сроком на 28 дней, этот договор стал важным итогом, первого этапа Брестских переговоров, хотя переговоры первой советской делегации будут продолжаться до 28 декабря.

9 января стартовал новый этап Брестских переговоров. Л.М. Карахан находился в составе второй делегации, возглавляемой Л.Д. Троцким (1879–1940 гг.), который на тот момент находился в должности Народного комиссара по иностранным делам РСФСР. Л.М. Карахан будучи секретарем советской делегации, участвовал в переговорах, вел протоколы заседаний, редактировал их, согласовывая с представителями Четверного союза отдельные тексты заявлений, подписывал от имени советской делегации совместные протоколы, готовил и отправлял отчеты о ходе переговоров в Петроград, которые после публиковались в «Известиях». Именно через него Советское правительство осуществляло связь с советской делегацией и руководство ее работой на переговорах в Бресте. Л.Д. Троцкий выдвинул лозунг: «Ни войны, ни мира» – мир с немцами советская делегация подписывать не будет, война с Германией прекращается, армия демобилизуется. Суть этого заявления была изложена в официальном документе, за подписью Л.Д. Троцкого и других членов делегации, после чего направлена делегациям Четверного союза. Интересно, но Л.М. Карахана своей подписи не поставил²⁵⁰. Мирные переговоры были прерваны, а

²⁴⁹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1974, т. 5. С. 82.

²⁵⁰ В.В. Соколов. На боевых постах дипломатического фронта. С. 47.

В.В. Соколов в своей биографической работе особенно подчеркивает этот факт, однако вопрос о том, должна ли была вообще стоять подпись секретаря в этом документе и проявил ли здесь Л.М. Карахан политическую волю остается дискуссионным.

немецкое командование объявило о наступлении на российские территории. 11 февраля 1918 г. Лерснер – представитель ведомства иностранных дел при Главной ставке Верховного главнокомандования из Брест-Литовска сообщал легационному секретарю при штабе представителя ведомства иностранных дел при Верховном главнокомандовании Беркгейму: «Этим решением Л.Д. Троцкий отказывается от всех преимуществ страны, ведущей войну и заключающей мир. При заключении мира мы все-таки должны были бы сделать ему различные серьезные уступки. Теперь мы сможем все урегулировать по нашему собственному усмотрению. Территориальный вопрос будет полностью решен по нашему желанию. В наших руках по праву сильного и победителя будут все оккупированные нами области, и мы сможем хозяйничать там по своему усмотрению»²⁵¹. «19 февраля СНК сообщает Берлину о согласии заключить мир. 22 февраля Л.Д. Троцкий слагает с себя звание народного комиссара по иностранным делам, а Н.И. Бухарин заявляет о выходе из состава ЦК и слагает с себя звание редактора «Правды» ... Новые немецкие условия хуже, тяжелее прежних»²⁵².

Третья делегация, главой которой был назначен Г.Я. Сокольников (1888–1939 гг.) прибыла в Брест 28 февраля. Ввиду того, что реальных перспектив о прекращении военных действий не было, советская делегация согласилась на тяжелейшие условия мира. 3 марта 1918 г. Л.М. Карахан, как и другие участники делегации подписал мирный договор, согласно которому Советская Россия лишалась обширных территорий Прибалтики, Украины, Белоруссии и др. По воспоминаниям члена делегации Г.И. Петровского Л.М. Карахан тяжело перенес условия мирного договора: «Наш Карахан с каким-то ожесточением выкуривал одну папироску за другой; у Чичерина волосы прилипли к покрытому поту лбу»²⁵³.

²⁵¹ Советско-германские отношения. От Бреста до Рапалло. 1918–1922 гг. М., 1968. С. 321.

²⁵² Попов Н.В. Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди / сост. Н.В. Попов. М., 1989. АС. 17.

²⁵³ Шацлло В.К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М., 2003. С. 452–453.

Брестский мир изменил внешнеполитическую конфигурацию и облегчил положение Германии во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.), которая смогла мобилизовать и перебросить значительные силы на

Западный фронт. Это, в свою очередь, создало дополнительные проблемы для бывших союзников России – Великобритании, Франции и США. Однако для большевиков сепаратный договор был единственной возможностью удержаться у власти: «Важную роль в сохранении большевистской власти сыграло подписание 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора и доведение его до ратификации IV Чрезвычайным съездом Советов благодаря системе партийного «демократического централизма». Жертвуя 1 млн. кв. км территории, 40 млн жителей, значительной частью экономики и финансов, делая еще один шаг к гражданской войне, большевики сохраняли и укрепляли власть в стратегическом центре страны»²⁵⁴. Брестский мир в России был встречен враждебно некоторыми политическими кругами, в том числе, из-за тяжелого внутреннего положения в государстве²⁵⁵. Страны Антанты, начали переговоры о вооруженной интервенции в Россию и помощи антибольшевистским силам с теми политическими кругами, которые считали Брестский мир – актом государственной измены. Необходимо заметить, что уже начиная с 1917 г. союзники рассматривали возможность интервенции в Россию. «Революционные события 1917 г. в России создали серьезную угрозу интересам стран Антанты и США, правящие круги которых совместно с военщиной и монополистической буржуазией стремились к тому, чтобы Россия продолжала активно участвовать в мировой войне, неся весь груз своих обязательств перед союзниками. Их также беспокоила судьба союзных капиталов, ввезенных в Россию в виде займов,

²⁵⁴ Дьячков В.Л. История Отечества. Краткое изложение основных проблем. Тамбов, 2011. С. 182.

²⁵⁵ Решающим, главным шагом к массовой гражданской войне стали государственные действия в селе, где жило три четверти населения страны. Политика, развернутая большевиками в деревне с весны 1918 года, была объективно и субъективно антикрестьянской. Как часть общей программы и последовательности действий, она исключала интересы, как собственников, так и производителей. В условиях кризиса, распада экономики и общества, вооружения народа протест был неизбежен.

кредитов и инвестиций в предвоенные и военные годы...Логическим результатом указанных обстоятельств должен был явиться экспорт контрреволюции, т. е. интервенция в самых различных ее формах. Интервенция неизбежно должна была также нести на себе отпечаток политики, проводившейся странами Антанты и США в отношении России на протяжении предыдущих десятилетий (суть ее заключалась в максимальном ослаблении России как конкурента в колониальной сфере), а также той борьбы, которую указанные страны вели за господство над Тихим океаном и его побережьем»²⁵⁶.

А.А. Кошкин в своей книге «Россия и Япония: узлы противоречий» отмечает, что «поводом для начала вторжения было использовано убийство во Владивостоке 5 апреля 1918 г. неизвестными двух сотрудников японской торговой конторы «Исидо». Это походило на спланированную провокацию, явившуюся сигналом для начала задуманной операции. Не дожидаясь выяснения обстоятельств происшедшего, в тот же день под прикрытием артиллерии вошедших во внутреннюю гавань порта военных кораблей во Владивостоке высадились две роты японских пехотинцев и подразделение английской морской пехоты... Однако уже на следующий день масштабы операции были расширены – силами десантного отряда в 250 человек был захвачен прикрывавший Владивосток с моря хорошо укрепленный остров Русский»²⁵⁷. Уже 6 апреля 1918 г. в газете «Известия» выходит сообщение советского правительства о японском десанте во Владивостоке с призывом сопротивления: «С Востока идет новое страшное испытание. Внутри страны поднимают голову темные силы. Буржуазия Сибири протягивает руку чужеземным насильникам. Городская дума Владивостока, состоящая из меньшевиков и правых социалистов-революционеров, вынесла резолюцию, приветствующую вооруженное вторжение Японии. В стремлении задушить Русскую революцию, отнять у рабочих и крестьян власть, землю, контроль над производством русская

²⁵⁶ Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 222.

²⁵⁷ Кошкин А.А. Россия и Япония. С. 135.

буржуазия и ее слуги, меньшевики и эсеры, действуют заодно с японскими хищниками. Отпор японскому вторжению и беспощадная борьба с их агентами и пособниками внутри страны есть вопрос жизни и смерти для Советской Республики, для трудовых масс всей России»²⁵⁸. Мировые державы – США, Франция, Великобритания относились к японской интервенции с предосторожностью, объявляя это совместным действием великих держав. Однако через некоторое время инициатива и стратегически важные решения на Дальнем Востоке стали приниматься японским правительством самостоятельно, без согласования с союзниками²⁵⁹.

Японские войска планировали захватить наиболее важные центры Дальнего Востока — Владивосток, Хабаровск и Благовещенск. Особо важно было получить контроль над КВЖД, которая связывала Китай с Владивостоком и ранее была частью Транссибирской магистрали, это позволило бы Японии значительно продвинуться в Маньчжурии: «Составной частью империалистических планов США, Японии и других государств укрепления военных позиций, экономической мощи и политического влияния в Сибири и на Дальнем Востоке являлась железнодорожная политика. Сущность этой политики состояла в том, что иностранные государства, особенно США и Япония, стремились установить полный военно-политический контроль своих представителей за работой дальневосточных и сибирских железных дорог»²⁶⁰.

Ситуация осложнялась ввиду восстания есаула Г.М. Семёнова²⁶¹ (1890–1946 гг.) в Забайкальском крае, при активной поддержке японских дипломатических представителей: «...Отношение к Семёнову определялось в то время надеждами на ликвидацию с его помощью советской власти на Дальнем Востоке и на создание благоприятных условий для осуществления американской программы

²⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. С. 225.

²⁵⁹ Подробнее см.: Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. С. 6–16.

²⁶⁰ Крушанов А.И. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920), кн. 1. С. 114.

²⁶¹ Подробнее см.: Смирнов С.В. Буюков А.М. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-Го (1938–1945). М., 2015

экономической интервенции. Однако Семёнов не оправдал возлагавшихся на него надежд. Во второй половине мая советские войска под командованием С. Лазо отбросили его отряды в Маньчжурию, и только заступничество со стороны Японии и Китая спасло его от полного разгрома»²⁶².

В мае 1918 года после мятежа Чехословацкого корпуса²⁶³, на Дальнем Востоке установился военно-политический баланс сил между японскими интервентами и советскими силами. В результате восстания чехословацкие военные соединения захватили Транссибирскую магистраль²⁶⁴. Свержение советской власти в Забайкалье и Приморье чехословацкими солдатами ускорило консолидацию «белых» политических сил в Восточной Сибири.

Весной и летом 1918 года антибольшевистские силы все активнее мобилизовывались по всей России. Наиболее серьезные формирования, противостоявшие советской власти в Европейской части России возглавляли генералы М.В. Алексеев (1857–1918 гг.) и А.И. Деникин (1872–1947 гг.), в Сибири – адмирал А.В. Колчак (1874–1920 гг.). Япония, как и большинство других государств, участвовавших в интервенции, признали Верховным правителем России адмирала А.В. Колчака: «Как и другие державы Антанты, она признала Верховным правителем Сибири адмирала А.В. Колчака, которого в Токио представлял В.Н. Крупенский²⁶⁵, посол царского, а затем Временного правительства. В соответствии с военными соглашениями с Китаем о борьбе с «общим врагом» японские войска фактически оккупировали КВЖД. По первоначальному соглашению силы каждой из стран-участниц интервенции не должны были превышать 7–10 тыс. человек. Однако к концу 1918 г. японцы

²⁶² Указ. Соч.: Дальний Восток России в период революций 1917 г. и Гражданской: Владивосток. С. 236.

²⁶³ Мятеж воинских частей в мае-августе 1918 года, имеющих общее название и состоящие из пленных чехов и словаков, изъявивших желание воевать против стран Тройственного союза на стороне Антанты. Причиной начала мятежа послужила попытка советских властей разоружить легионеров.

²⁶⁴ Подробнее см.: Хрулев В.В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940.

²⁶⁵ В.Н. Крупенский (1868–1945 гг.) – русский дипломат, камергер, действительный статский советник.

имели на Дальнем Востоке и в Сибири свыше 70 тыс. человек, к концу 1921 г. – 150 тыс. Командовавший ими генерал Отани официально возглавил все экспедиционные войска Антанты»²⁶⁶.

Колчак захватил власть в ноябре 1918 года, объявив себя верховным правителем России. Он организовал так называемое Временное всероссийское правительство, которое было признано странами Антанты. Япония также вступила в отношения с правительством Омска и назначила Наотакэ Сато (1882–1971 гг.)²⁶⁷ главой японской миссии. Одной из первейших задач Колчака, была организация поставок оружия из Японии. Право на строительство железной дороги на Дальнем Востоке было предоставлено в обмен на японскую помощь, и были проведены переговоры, касающиеся японских инвестиций. Союзники, в том числе Япония, предоставили Белому движению оборонную технику и оружие; правительство Колчака отплатило им частью золотовалютных резервов России²⁶⁸, экономически усилив банковскую систему Японии и тем самым продлив интервенцию на Дальнем Востоке²⁶⁹.

Уже к середине 1919 г. стало очевидно, что белое движение в Сибири, возглавляемое А.В. Колчаком, не может составить реальную историческую альтернативу Советскому государству, ввиду целого ряда причин: большевики захватили и удержали политический, социальный, экономический, коммуникационный центр страны; по своему социально-психологическому, культурному облику, типу поведения большевики, «красные» были ближе средним и низшим слоям общества, чем «белые»; противники большевиков были разнородны и разобщены: «белых», действовавших на периферии, было неизбежно слишком мало²⁷⁰.

²⁶⁶ Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. История Японии. XX век. М., 2007. С. 79.

²⁶⁷ Наотакэ Сато (1882–1971 гг.) – Генерал Императорской армии Японии, политик, премьер-министр Японии.

²⁶⁸ Подробнее см.: Будницкий О.В. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. М., 2008.

²⁶⁹ Сироткин В.Б. Зарубежное золото России. М., 2000. С. 149–156.

²⁷⁰ Дьячков В.Л. Указ. соч....С. 189.

Летом 1919 года последовала целая череда поражений вооруженных сил А.В. Колчака, после чего началось отступление, стремительно перерастающее в бегство. К началу 1920 года армии Колчака больше не существовало²⁷¹. Г.К. Гинс – известный юрист и член правительства Колчака так описывал положение «белых» соединений на Дальнем Востоке после ареста и казни Колчака: «После падения власти адмирала Колчака, Д. Восток, как это и предсказывалось, распался... бесплодны оказались все попытки создать дальневосточный буфер из областей, которые не могут существовать собственными средствами. Тщетны оказались надежды и на союзников. Даже японцы ушли, увидев какие громадные затраты им пришлось бы нести, и как ничтожны были бы выгоды от принятия на содержание нежизнеспособного буферного буффонадного государства. Никто не выиграл от Иркутской драмы: ни русские, ни иностранцы»²⁷².

В конце концов, в начале 1920 года большевики взяли под контроль почти всю сибирскую территорию. Активизация боевых действий постепенно сходила на нет, хотя атаман Г.М. Семёнов (1890–1946 гг.) и продолжал упорное сопротивление в Забайкальском крае – маятник Гражданской войны был смещен на юг, в Крым, где П.Н. Врангель (1878–1928 гг.) организовал новое правительство и боеспособную армию.

Молодое и неокрепшее Советское государство не могло позволить себе открытого вооруженного конфликта с Японией из-за своего тяжелого внутреннего положения и международной изоляции. Вместо этого создается политическое буферное образование – Дальневосточная республика (ДВР)²⁷³.

²⁷¹ В декабре 1919 г. в Иркутске был совершен государственный переворот, политический центр, расположенный в Иркутске, перехватил управление. Колчак был арестован, осужден и 7 февраля 1920 г. казнен.

²⁷² Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2-х томах. Пекин., 1921. С. 565–566.

²⁷³ 6 апреля 1920 года в Верхнеудинске (Улан-Удэ), который стал столицей нового государства, была провозглашена Дальневосточная республика.

Значительным событием, изменившим конфигурацию сил на Дальнем Востоке, стал Николаевский инцидент²⁷⁴, произошедший с 12 по 15 марта 1920 г. В ходе ожесточенных боев между партизанами, которыми руководил анархист Я.И. Тряпицын (1897–1920 гг.) и частями японской армии в городе Николаевск-на-Амуре, произошла жестокая расправа над японскими военнопленными и жителями²⁷⁵. Этот инцидент использовался японским правительством в качестве предлога для оккупации Северного Сахалина²⁷⁶ и других провокаций²⁷⁷ в течение ряда лет.

Несмотря на общую напряженность и противоположные политические точки зрения и идеологии, японцы и большевики понимали, что необходим компромисс. В.Э. Молодяков пишет о тяжелой ситуации внутри правящих кругов Японии: «Предстояло сделать выбор, к которому их толкали не только изменившаяся ситуация в мире, но и внутренние проблемы. В стране продолжался экономический кризис, и торговля с Советской Россией была если не спасением от всех бед, то средством решения многих проблем. Территория Дальнего Востока с прилегающими к ним водами – и, соответственно, запасы леса, нефти, угля, рыбы – были выключены из сферы мировой торгово-экономической деятельности, но такое положение не могло продолжаться долго»²⁷⁸. Интервенция потребовала от Японии огромных людских и материальных ресурсов²⁷⁹, то же самое можно сказать и о советском правительстве. Ущерб, нанесенный экономике Дальнего Востока только в 1918 г. был значительным. Как сообщает Г.Е. Рейхберг: Япония вывезла 170 тыс. куб. м. леса, в результате захвата рыбных промыслов Николаевского-на-Амуре и

²⁷⁴ Подробнее см.: *Миц И.И.* Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М., 1934. С. 100–102.

²⁷⁵ *Гутман А.Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре: страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. С. 166–172.

²⁷⁶ Оккупация Северного Сахалина продолжалась с апреля 1920 г. по май 1925 г.

²⁷⁷ В мае 1920 г. японские отряды были направлены в устье Амура из Хабаровска, а со стороны моря подошли военные корабли.

²⁷⁸ *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 220–221.

²⁷⁹ Подробнее см.: *Morse Hosea Ballou and MacNair Harley Farnsworth.* Far eastern international relations. Boston and New York, 1931. P. 666.

Сахалинского районов в Японию ежегодно вывозилось 100% улова лососевых и до 75% улова сельдей; общие убытки рыбной отрасли составили более 4,5 млн руб. золотом, из Забайкалья и Приморья угнано свыше 2000 вагонов; ущерб только Забайкальской ж/д. составил 3,25 млн руб. золотом; из 549 судов числившихся в 1918 г. в составе русского гражданского флота на Дальнем Востоке, к 1922 г. осталось 301, общие убытки водного транспорта Амура составили свыше 14 млн руб. золотом, из вывезенного в 1918 г. из Казани в Омск части золотого запаса России Япония получила 2672 пуда (более 43 т.)²⁸⁰.

К концу 1920 г. стало понятно, что «белое движение» потерпит поражение. Окончательный разрыв прежних политических и экономических отношений ясно дали понять, что интервенция в России в скором времени прекратится. Обе стороны попытались прийти к соглашению в ходе переговоров, которые начались в июне 1920 года. Хотя изначально им не удалось прийти к взаимовыгодному соглашению, 15 июля 1920 года делегация Дальневосточной республики и командование японских экспедиционных сил в Сибири подписали Гонготское соглашение о перемирии на железнодорожной станции Гонгота, в 125 км к востоку от Читы. Японские войска были полностью выведены с Дальнего Востока к 21 сентября 1920 г. После ухода из Забайкальского края, Амурской области, Хабаровска японские войска были размещены в Приморском крае, на севере Сахалина и в порту Николаевск-на-Амуре.

Советское правительство старалось раньше времени не советизировать ДВР, т. к. боялось нарушить договоренности с Японией. 1 января 1921 г. Вышло постановление Пленума ЦК РКП(б) «О Дальневосточной республике»: «Признать советизацию Дальневосточной республики безусловно недопустимой в настоящее время, равно как недопустимым какие бы то ни было шаги, способные нарушить договор с Японией»²⁸¹. Таким образом, НКВД РСФСР

²⁸⁰ Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плутников А.Ю., Пономарев С.А. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2015. С. 81.

²⁸¹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С 11.

опасался нарушить условия Гонготского соглашения, по которому Япония признавалась дружественным соседним государством, а ДВР – буферным государственным образованием со своим правительством, в дела которого, нельзя было вмешиваться другим государствам. Весной 1921 года в Приморье произошло еще одно восстание. Контроль взяло буржуазное правительство во главе с братьями С.Д. и Н.Д. Меркуловыми, при поддержке Японии, РСФСР старался не идти на эскалацию отношений с Японией, потому осторожно относился к успехам белогвардейцев во Владивостоке. Этот вывод подтверждает постановление от 10 июня 1921 г. Дальбюро ЦК РКП(б) о необходимости переговоров с Японией относительно создания японских концессий в Дальневосточной республике: «Признавая необходимым применить все средства во избежание вооруженного столкновения с Японией и [для] ликвидации белогвардейщины на Дальвостоке, Д[аль]б[юро] считает правильным постановку на реальную почву ведения переговоров с япон[ским] правительством и промышленными японскими и другими иностранцами о сдаче лесных, горнопромышленных и иных концессий, политически выгодных, а может быть, и выгодных в экономической части»²⁸². Правительство Меркуловых поначалу добилось успеха; его войска продвинулись на север и захватили Хабаровск. Но Дальневосточная Республиканская армия начала наступление на Хабаровск зимой 1922 года. С захватом власти из Хабаровска красные войска подошли к устью Амура, в результате чего японское командование вывело часть своих сил из Николаевска-на-Амуре. Однако Северный Сахалин, оставался в руках Японии²⁸³.

Вопросы об эвакуации японских войск с Дальнего Востока обсуждались на Дайрэнской конференции²⁸⁴ с августа 1921 г по апрель 1922 г. между представителями ДВР и японским правительством. Существенных результатов

²⁸² Там же. С. 12.

²⁸³ Подробнее: Торкунов А.В., Иокибэ М. Российско-японские отношения в формате параллельной истории... С. 291–292.

²⁸⁴ Конференция проходила в городе Дайрэн (Далянь).

так и не удалось достигнуть, и конференция закончилась провалом. Я.Д. Янсон (1886–1938 гг.) – министр иностранных дел ДВР 17 апреля 1922 г. сообщал в телеграмме заместителю наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахану (1889–1937 гг.) об окончательных требованиях японской стороны в Дайрэне:

«1. По основному договору: в [ст.] 5 ими вставлено «уравнение прав [с] собственными гражданами», статья 10-я оставляется ими в старой редакции японского проекта статьи 11-й.

2. Военное соглашение: ими оставлен пункт о праве японского командования держать военные миссии на нашей территории и оставлена редакция части статьи 2-й по прежнему японскому проекту об опасном имуществе.

3. В декларацию о крепостях ввели новое для нас обязательство иметь флот в размере ныне существующего.

4. В ноте о выводе войск не указывают точно срока эвакуации. Указывают лишь, что эвакуация произойдет в срок меньше трех месяцев со дня подписания соглашения об эвакуации, каковое подписывается военными делегатами после подписания общего договора и военного соглашения»²⁸⁵.

Причины срыва переговоров в Дайрэне достаточно прозаичны, как сообщается в телеграмме Л.М. Карахану 19 апреля: «Главное – нежелание японцев зафиксировать срок эвакуации. Предложение японцев подписать сначала общее соглашение, а потом приступить к обсуждению соглашения об эвакуации оттягивает эвакуацию до бесконечности»²⁸⁶. Впоследствии, переговоры между ДВР и Японией не раз возобновлялись и прерывались, однако сдвинуть проблему с мертвой точки удалось только на международной конференции в Вашингтоне в 1921 г.

В ходе международной Вашингтонской конференции, проходившей с ноября 1921 г. по февраль 1922 г. обсуждались территориальные вопросы Дальнего Востока и бассейна Тихого океана. Решение о прекращении военной

²⁸⁵ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С 23.

²⁸⁶ Там же. С. 26.

интервенции в России было принято в мае 1921 г., переговоры с ДВР возобновились и весь следующий год представлялся просто как затянувшаяся развязка²⁸⁷.

После ухода оставшихся войск Белой армии японское командование и делегация Дальневосточной республики 24 октября 1922 года подписали соглашение об окончательной эвакуации японских войск, причем основные принципы предстоящих переговоров в г. Чанчунь с Японией были изложены заместителем наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Караханом в личной записке И.В. Сталину 26 июля 1922 г.: «В Дайрене наше требование об эвакуации мы включали в особое соглашение, подписываемое одновременно с общим соглашением. По-видимому, одним из мотивов, почему японцы разорвали переговоры, отказавшись подписать особое соглашение, было нежелание совершить эвакуацию в порядке нашего требования по договору. На предстоящих переговорах мы должны настаивать на заключении особого соглашения об эвакуации, но ввиду того, что они нам об этом уже нотифицировали и по-видимому они на этот раз приняли серьезное решение очистить Приморье, мы можем согласиться на то, что они одновременно с подписанием сообщат нам особой нотой об этом с точным указанием сроков эвакуации»²⁸⁸. Вывод японских войск из континентального региона российского Дальнего Востока ознаменовал новый этап в истории Восточной России и российско-японских отношений. А.А. Кошкин отмечает: «Японские правящие круги были недовольны Вашингтонским договором, подписанным в феврале 1922 г. с западными державами, ограничившим японскую экспансию на Азиатский континент и в районы Тихого океана»²⁸⁹. Дальневосточная республика была ликвидирована 15 ноября 1922 года. Интересно, что, по сути, «угроза» Японии, которая была якобы причиной создания демократического

²⁸⁷ *Dunscomb P.E.* Japan's Siberian Intervention (1918–1922), A Great Disobedience Against the People. 2011. P. 161.

²⁸⁸ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С 56.

²⁸⁹ *Кошкин А.А.* Японский козырь Сталина. С. 24.

буферного государства, также использовалась в качестве аргумента для его ликвидации²⁹⁰.

Таким образом, первая попытка начать советско-японские отношения была предпринята через буферное государство – ДВР в городе Дайрен, однако закончилась неудачно. Важно заметить, что японская интервенция в Россию была одним из аспектов в череде глобальных событий, среди которых: окончание Первой мировой войны и послевоенное переустройство мира. О причинах и целях интервенции Японии на Дальний Восток в историографической традиции существуют полярные мнения. Советские и вслед за ними некоторые современные российские исследователи считают, что военные шаги Японии имели явно колониальный, империалистический характер²⁹¹. Другие исследователи – настаивают на том, что интервенция стала результатом неспособности японского государства верно оценить стремительно меняющуюся структуру русско-японских отношений в политике и экономике, а также реалии российского национального общества. Другими словами, японская интервенция не была актом, напрямую направленным против национальных интересов России, как утверждали советские историки. Япония поддержала «белое движение» т. к. они декларировали соблюдение ранее принятых финансовых, экономических, и военных обязательств. После того, как антибольшевистские силы потерпели поражение в Гражданской войне, Япония была вынуждена вывести свои войска с Дальнего Востока и выстраивать отношения с Советским государством фактически с нуля. В 1920-е гг. наступит новый этап в советско-японских отношениях, стороны будут активно идти на контакт и смогут достичь взаимовыгодных соглашений. с Японией будут развиваться.

²⁹⁰ *Lensen George Alexander*. Japanese Recognition of the U.S.S.R. Tokyo, 1964. P. 84.

²⁹¹ Например: *Лившиц С.Г.* Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул, 1991. С. 100–105.

ГЛАВА 2

Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на китайском направлении (1920-е гг.)

2.1. Л.М. Карахан и советско-китайское соглашение 1924 г.²⁹²

С 1922 г. чрезвычайным послом в Китай и одновременно в Японию был назначен А.А. Иоффе. Ввиду большей важности для Советского государства на тот момент японского направления А.А. Иоффе представлял интересы Советского правительства на Чанчуньской конференции и пытался урегулировать вопрос вывода японских войск с Северного Сахалина. Вскоре после провала переговоров А.А. Иоффе тяжело заболел и покинул Китай, так и не успев начать переговоры с Пекинским правительством.

Поскольку А.К. Пайкесу не удалось убедить Пекинское правительство в действии договора 1915 г., в связи с вынужденным отъездом А.А. Иоффе из Китая, СССР изменил тактику и в 1924 г. в Китай был направлен опытный дипломат с официальной миссией для заключения дипломатического договора – Л.М. Карахан. Л.М. Карахан убедил китайское правительство признать существование договора 1915 г., даже несмотря на то, что обе стороны согласились с тем, что он не был согласован.

Прибытие Л.М. Карахана в Пекин было отмечено на официальном банкете 4 сентября 1923 г., где его встретили аплодисментами за то, что он подчеркнул, что два его манифеста 1919 и 1920 гг. остаются в силе и являются базисом для дальнейших переговоров в Китае. Ван Чжэнтин, китайский чиновник, ответственный за переговоры с СССР, спросил, почему советские войска находятся во Внешней Монголии. Л.М. Карахан парировал, что Красная Армия находится во Внешней Монголии только для того, чтобы сдерживать опасность нападения белых русских контрреволюционеров, но в случае заключения нового равноправного договора СССР рассмотрит возможность вывода войск с

²⁹² Герасимов Д.И. Деятельность Л.М. Карахана в период Маньчжурского кризиса (1931–1932 гг.). СПб., 2022. Т. 1. № 6.

территории Внешней Монголии. Л.М. Карахан согласился, что СССР готов признать, что Внешняя Монголия является китайской территорией и находится под китайским контролем. Единственной нерешенной проблемой было определение графика вывода Красной Армии из Внешней Монголии. Л.М. Карахан предложил решить этот вопрос на официальной конференции, которая должна была последовать за открытием дипломатических отношений. 3 марта 1924 г. Ван Чжэнтин передал результаты переговоров министру иностранных дел Веллингтону Ку²⁹³, а 7 марта Веллингтон Ку телеграфировал китайскому консулу в Москве и приказал ему поговорить с Г.В. Чичериным о нескольких нерешенных и спорных вопросах:

1) Китай хотел немедленно отменить все прежние русско-китайские и советско-китайские договоры, в то время как Л.М. Карахан настаивал на их отмене на конференции, после установления официальных дипломатических отношений;

2) Китай требовал немедленного вывода Красной Армии из Внешней Монголии и аннулирования договоров Советского правительства с Внешней Монголией, в то время как Л.М. Карахан хотел решить эти вопросы на конференции и отказался допустить конкретное упоминание об отмене советско-монгольского договора 1921 г. в Китайско-Советском соглашении²⁹⁴.

Кабинет Министров Пекинского правительства собрался 13 марта и согласился с основными пунктами этого проекта от 1 марта, хотя и предложил немедленно отменить все китайско-русские договоры и более четко определить статус белых русских в Китае как совместно находящихся под китайско-советской ответственностью²⁹⁵.

²⁹³ Гу Вэйцзюнь (1888–1985 гг.) – китайский дипломат и политический деятель, подписавший советско-китайский договор 31 мая 1924 г. Четырежды занимал пост министра иностранных дел и временно исполнял обязанности президента Пекинского правительства (1926–1927 гг.).

²⁹⁴ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. P. 164.*

²⁹⁵ *Chu Pao-chin, V.K. Wellington Koo: A Case Study of China's Diplomat and Diplomacy of Nationalism, 1912–1966. P. 107–108.*

Проблема с этими предложениями заключалась в том, что в проекте договора четко указывалось, что аннулирование старых договоров и замена их новыми договорами должны происходить одновременно, обеспечивая непрерывность договорных отношений. Однако китайские официальные лица были обеспокоены тем, что если старые договоры не будут отменены до их признания, то СССР может попытаться сохранить прежние договоры на предстоящей конференции. Л.М. Карахан и Ван Чжэнтин встретились снова 14 марта, чтобы доработать проект китайско-советского договора.

Когда Л.М. Карахан и Ван Чжэнтин встретились 14 марта, Вану Чжэнтину все же удалось убедить Л.М. Карахана добавить новое положение в договор, гласящее, что все прежние соглашения, которые были заключены между царской Россией и Китаем не будут исполняться. Было решено не вносить это изменение в текст, а подписать отдельный секретный протокол²⁹⁶.

Протокол гласил, что все прежние конвенции, договоры, соглашения, протоколы, контракты и т. д. на предстоящей китайско-советской конференции, должны быть отменены; также на конференции должны быть приняты новые договоры. Теперь в официальном проекте договора четко указывалось, что все прежние китайско-российские соглашения не будут исполняться до тех пор, пока не будет созвана официальная китайско-советская конференция и не будут заключены новые договоры, которые заставили бы пересмотреть торговые, консульские и пограничные отношения Китая и СССР. Благодаря затягиванию сроков конференции и неоднократным переносам, Советскому Союзу удалось значительно расширить свое влияние в Китае начиная с 1924 г., и до момента разрыва дипломатических отношений с Москвой в 1927 г. При этом, в течение указанного трехлетнего периода Советское правительство было полностью освобождено от бесчисленных договорных ограничений, которые применялись к другим странам.

²⁹⁶ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. P. 165.*

Мы выделяем три основные причины, по которым трудно было прийти к соглашению:

1) Прежде всего, стратегии и цели переговоров у обеих сторон были различны. Л.М. Карахан воспользовался улучшением общей внутренней ситуации в Советском Союзе, относительным спокойствием на международной арене, а также настроением китайского общества, чтобы возобновить официальные дипломатические отношения, а затем обсудить конкретные рассматриваемые проблемы в ходе конференции. В свою очередь, представитель Пекинского правительства Ван Чжэнтин предложил «разрешать споры путем переговоров до возобновления дипломатических отношений». Он настаивал на том, что договор следует заключать только после того, как советское правительство выполнит все условия, которые были обещаны Китаю в двух нотах советского внешнеполитического ведомства. Так оба государства пытались использовать ноту Л.М. Карахана как своеобразный рычаг в переговорах по статусу Китайско-Восточной железной дороги и проблеме Внешней Монголии;

2) Существовали серьезные разногласия по поводу суверенитета и интересов Китая. В основном они сводились к проблеме о собственности КВЖД и выводе советских войск из Монголии. Л.М. Карахан признал суверенитет китайского правительства над Монголией, но отказался от аннулирования соглашения с местными властями Монголии в 1921 г. и не соглашался на немедленный вывод войск из Монголии, в свою очередь, выдвигая свои условия для вывода советских войск;

3) Наконец, между двумя сторонами возникало определенное недопонимание, перераставшее в напряженность. В ходе переговоров Л.М. Карахан занимал жесткую позицию и пытался оказывать давление на китайских партнеров. Сначала он заявлял, что, если Пекинское правительство не примет его точку зрения, он будет вынужден спланировать отъезд в Японию для установления дипломатических отношений с «опасным соседом Китая». Это усилило атмосферу недоверия в советско-китайских переговорах.

В ноябре, когда переговоры зашли в тупик, он снова намекнул, что планирует поездку в Гуанчжоу, а затем в Японию. Заметим, что и раньше советские дипломаты использовали этот тактический прием. Так А.А. Иоффе и представители Дальневосточной республики вели переговоры с представителями Китая и одновременно с представителями Японии в Даляне, Чанчуне и т. д. Пекинское правительство отвечало протестами и всяческими неодобрениями по этому поводу. Это усилило атмосферу недоверия в советско-китайских переговорах. Ван Чжэнтину пришлось даже отправиться в Японию, чтобы утешить жертв землетрясения в Токио, узнать о местных преследованиях китайцев и заодно исследовать «качество» взаимоотношений Японии и Советского Союза. Советское правительство имело все основания воспринимать такие действия Китая, как попытку создания военно-политического блока, направленного против СССР в Азии.

Взгляды кабинета министров на советско-китайское соглашение имели три основных положения:

1) Кабинет министров заявлял, что советско-китайское соглашение, должно предусматривать «отмену» договоров, подписанных СССР и Монголией, так как это противоречило уважению к суверенитету Китая.

2) Кабинет министров выступал за то, что советские войска, дислоцированные в Монголии, должны покинуть эту территорию при любых обстоятельствах.

3) Кроме того, передача имущества русской церкви в Китае советскому правительству недопустима.

В феврале 1924 г., после того как, кабинет лейбористов Великобритании признал суверенитет СССР, представители советского правительства почувствовали себя намного увереннее²⁹⁷. В то же время увеличение силы правительства Гоминьдана в Южном Китае при поддержке СССР и растущие призывы в китайском обществе к установлению дипломатических отношений

²⁹⁷ *Мировицкая Р.А.* Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII. М., 2012. С. 336–345.

между Китаем и Советским Союзом создавали новое давление на Пекинское правительство. В этой ситуации советское правительство и Китай, испытывавший трудности как внутри государства, так и на международной арене, возобновили переговоры в феврале. Под давлением обстоятельств Ван Чжэнтин проигнорировал разногласия Кабинета министров по этому законопроекту и 14 марта разработал новый проект договора: «Соглашение об общих принципах по урегулированию вопросов между СССР и Китайской Республикой» и приложение к нему, разработанное совместно с представителем советской стороны Л.М. Караханом²⁹⁸.

Кабинет министров отверг этот проект. Это вызвало большой общественный резонанс. В связи с этим Л.М. Карахан вручил Ван Чжэнтину ноту, в которой говорилось о необходимости одобрить соглашение в течение 3 дней. Он заявил, что если китайское правительство этого не сделает, то всю ответственность за срыв переговоров должно нести китайское правительство.

Л.М. Карахан очень хорошо понимал силу, которую нес в себе этот договор и был готов пойти на большой риск, чтобы проект договора был ратифицирован без изменений. 16 марта 1924 г. Сунь Ятсен подписал директиву № 24, поддерживающую внешнеполитические цели СССР в Китае. Л.М. Карахан публично обвинил Пекинское правительство в нерешительности ратифицировать соглашение, указывая на давление капиталистических держав. Затем Л.М. Карахан распорядился, чтобы содержание проекта договора от 14 марта было опубликовано в местной китайской прессе. Обвинение Л.М. Карахана в иностранном вмешательстве было затем подхвачено Гоминьданом и Китайской коммунистической партией, которые первыми осудили Пекинское правительство за то, что оно поддалось иностранному давлению и не ратифицировало проект китайско-советского договора²⁹⁹.

²⁹⁸ Линь Цзюнь. Указ. соч. С. 3.

²⁹⁹ *Elleman Bruce*. Diplomacy and Deception. P. 169.

В результате пекинское правительство подверглось огромному общественному давлению; различные социальные группы требовали безоговорочного признания Советского Союза. Пекинский студенческий союз даже написал письмо министру иностранных дел Ку, чтобы предупредить его: «в связи с этим возможно будет новое движение 4 мая». Военные и политические правители различных провинций также сделали запрос Пекинскому правительству по этому вопросу. В период с 18 по 26 марта У Пэйфу³⁰⁰ направил в общей сложности шесть телеграмм, призывающих к ратификации; только в Шанхае девять общественных групп выдвинули аналогичные требования; а студенты Пекинского педагогического университета, инженерного университета, педагогического колледжа для девочек и Колледжа изящных искусств организовали демонстрацию в поддержку договора³⁰¹. Даже Янь Хуэйцин³⁰² – член Кабинета министров подверг критике работу Ван Чжэнтина: «Из-за Вас мы оказались в затруднительном положении, все члены кабинета недовольны Вашей деятельностью, даже президент потерял благосклонность к Вам»³⁰³.

Л.М. Карахан утверждал, что «если бы китайские власти каким-либо образом оказывали содействие «белым бандитам», то советская армия уже находилась бы на территории Китая, чтобы защитить безопасность Советского Союза военной силой, также, как это было во Внешней Монголии в 1921 г.»³⁰⁴.

31 мая 1924 г. окончательный вариант китайско-советского договора был подписан чрезвычайным послом СССР Л.М. Караханом и министром иностранных дел Китайской Республики Веллингтоном Ку.

Таким образом:

³⁰⁰ У Пэйфу (1878–1939 гг.) – Военный правитель Центрального Китая и политический деятель. Один из лидеров чжилийской группировки северных милитаристов.

³⁰¹ *Chu Pao-chin, V.K. Wellington Koo*: Указ. соч., Р. 113.

³⁰² Янь Хуэйцин (1877–1950 гг.) – известный китайский дипломат и государственный деятель, неоднократно избирался председателем госсовета Китайской республики.

³⁰³ *Янь Хуэйцин*. Йилу, йао йулин йи, 134.

³⁰⁴ Советско-китайские отношения 1917–1957 гг. Сборник документов. М., 1959 г. С. 75.

1) Угрозы и ультиматумы Л.М. Карахана напоминали тактику давления, которую использовала Япония, чтобы заставить Китай принять «Двадцать одно требование», но советское правительство добавило новый интересный метод воздействия на государственные круги Китая, настроив китайское общественное мнение против Пекинского правительства;

2) После двух месяцев бесплодных переговоров Пекинское правительство наконец уступило китайскому общественному давлению, спонсируемому и поддерживаемому, главным образом, Советским Союзом, создавая тем самым «объединенный фронт», который возглавили две соперничающие в политическом отношении силы – КПК и Национальная партия Китая под руководством Чан Кайши. «Объединенный фронт» выступил в поддержку проекта соглашения.

Хотя в этом договоре было оговорено, что Внешняя Монголия является «неотъемлемой частью Китайской республики» и Советское правительство обещало уважать «суверенитет Китая в этой стране», в нем далее указывалось, что график вывода советских войск из Внешней Монголии должен быть определен на официальной китайско-советской конференции, которая должна была состояться через месяц. Однако Советское правительство отказалась отменить свои договоры с Внешней Монголией.

В отдельной декларации Пекинское правительство заявило, что оно «не признает и не признает» действительными никакие договоры, соглашения и т. д., заключенные между Россией со времен царского режима и любой третьей стороной или сторонами, затрагивающие суверенные права и интересы Китайской Республики. Хотя эта декларация подтвердила неодобрение Пекинским правительством советско-монгольских договоров 1921 и 1922 гг. и тем самым доказала китайской общественности, что она отстаивает интересы Китая, она не оказала никакого практического влияния на статус этих соглашений. За день до подписания этого китайско-советского договора

президент Китайской Республики Цао Кунь дал Веллингтону Ку полные полномочия подписать соглашение от имени Китая.

Чтобы оттянуть созыв китайско-советской конференции, Л.М. Карахан 28 июня 1924 г. настоял на том, чтобы официальная китайско-советская конференция была отложена, поскольку его «эксперты и секретари» еще не прибыли из Москвы. В конце своего письма Ку, Л.М. Карахан пригрозил дальнейшими задержками: он заявил, что достигнет договоренности с Ку о назначении конференции только «по получении инструкций от моего правительства». министр иностранных дел Ку напомнил Л.М. Карахану, что по условиям соглашения от 31 мая 1924 г., 30 июня является последней датой, когда может быть созвана официальная конференция³⁰⁵.

Китай зашел в дипломатический тупик: с одной стороны, Пекинскому правительству было нелегко заставить Москву начать китайско-советскую конференцию, а, с другой, Пекинское правительство не могло публично протестовать или привлекать другие иностранные державы для противодействия тактике затягивания переговоров со стороны СССР, поскольку это было бы равносильно публичному признанию слабости Пекинского правительства.

Наконец, как только первоначальный срок проведения китайско-советской конференции 30 июня 1924 г. пройдет без официального протеста Китая, протест против любых дополнительных задержек может просто поставить вопрос о том, почему Пекинское правительство так затягивало этот процесс.

Таким образом, СССР мог продолжать военное присутствие во Внешней Монголии, просто отложив китайско-советскую конференцию. Теперь, когда было подписано официальное соглашение, признающее трехсторонний договор 1915 г., советское правительство могло бы также взять на себя задачу укрепления своего контроля над Внешней Монголией. Таким образом, в течение следующих четырнадцати месяцев московские спецслужбы поддерживали переворот во Внешней Монголии, который полностью втянул ее в коммунистический блок,

³⁰⁵ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. P. 172.*

поставив Пекинское правительство перед свершившимся фактом, когда официальная китайско-советская конференция наконец состоялась в августе 1925 г.

Хотя Советский Союз признал, что Внешняя Монголия остается неотъемлемой частью Китая, без проведения китайско-советской конференции нельзя было установить крайний срок вывода Красной Армии из Внешней Монголии. Это означало, что законная власть СССР над Внешней Монголией получила теперь фактическое признание со стороны Китая. До тех пор, пока советско-китайская конференция не соберется, а если и соберется, то не сумеет договориться о новых условиях, Советский Союз сохранит свое особое положение во Внешней Монголии.

Внешнеполитическая стратегия, которую использовал НКВД СССР для удержания Внешней Монголии, была подмечена в мае 1924 г. американским вице-консулом в Калгане Эдвином Стэнтоном: «Нынешнее Советское правительство, действуя в качестве консультанта монгольского правительства, но фактически диктуя свою политику и свою администрацию, не намерено отказываться ни от политического, ни от экономического контроля над Внешней Монголией».³⁰⁶

Советский союз усилил свою власть над Внешней Монголией в сентябре 1924 г., когда была проведена чистка, организованная революционной молодежной лигой. Организация, «полностью подчинявшаяся Советским советникам и в особенности главе тайной полиции, подготовила казнь одного из главнокомандующих внешней монгольской армией, а также казнь пяти других видных монгольских вождей»³⁰⁷.

В начале сентября 1924 г. СССР оказал экономическое давление на последних оставшихся американских, европейских и японских бизнесменов во Внешней Монголии. Все они были в итоге арестованы и высланы из страны. Тем временем

³⁰⁶ *Campi Alecia J.*, *The Political Relationship Between the United States and Outer Mongolia, 1915–1927: The Kalgan Consular Records*. P. 202–203.

³⁰⁷ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 203.

СССР попытался разорвать прочные связи Китая с Внешней Монголией, так как все оставшиеся китайские купцы также были вынуждены уехать. К концу сентября 1924 г. почти вся несоветская внешняя деятельность во Внешней Монголии прекратилась, поскольку СССР поглощал политическую, экономическую и культурную жизнь Внешней Монголии в свою собственную. Политическая чистка позволила монгольской тайной полиции проложить «путь к полной советизации Внешней Монголии»³⁰⁸.

Монгольская Народная Республика основана 25 ноября 1924 г.: была обнародована новая конституция, название столицы изменено с Урги на Улан-Батор. Связи между Советским правительством и Внешней Монголией стали настолько тесными, что начиная с 1925 г. «сталинские ограничения, контроль и политическая радикализация разворачивались в Монголии с кажущейся неизбежностью, как раз тогда, когда они развивались в самом Советском Союзе»³⁰⁹.

Именно постоянное «оттягивание» созыва конференции до неопределенного срока вывода Красной Армии дало Советскому Союзу такую большую свободу действий в его политике в отношении Внешней Монголии. Как подметил известный историк, мощь Китая во Внешней Монголии была значительно преуменьшена: «отсутствие трехстороннего договора, подобного договору 1915 г., или прямой китайско-монгольской конвенции, должно было объяснить это»³¹⁰.

Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин подтвердил это более широкое толкование автономии Внешней Монголии в конце 1924 г.: «Мы признаем Монгольскую Народную Республику частью Китайской Республики, но мы признаем также его автономию в столь далеко идущем смысле, что считаем его

³⁰⁸ *Tang Peter S.H.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931. Durham, 1959. P. 388–389

³⁰⁹ *Pavlovsky Michel N.* Chinese and Russian Relations. 1949. Reprint, Westport, CT, 1981. P. 44.

³¹⁰ *Campi Alicia Jean.* Указ. соч. P. 90.

не только независимым от Китая во внутренних делах, но и способным самостоятельно проводить свою внешнюю политику»³¹¹.

Как только СССР полностью подтвердил свою политическую, военную и экономическую власть над Внешней Монголией, Л.М. Карахан объявил 6 марта 1925 г., что СССР решил вывести свои войска и что Красная Армия уже покинула Внешнюю Монголию. Но американские официальные лица в Калгане сообщили, что около 500 советских солдат фактически остались во Внешней Монголии и что эти войска помогли подготовить приблизительно 40 000–50 000 монгольских солдат³¹². То, что Советский Союз не имел намерения возвращать Внешнюю Монголию под контроль Китая, было подтверждено на встрече Чичерина с китайским консулом в Москве 7 мая 1925 г. В ответ на замечание консула о том, что Китай планирует ввести гарнизонные войска во Внешнюю Монголию для замены Красной Армии, Чичерин тут же предупредил, что если китайские войска будут направлены во Внешнюю Монголию, то монгольские войска будут уничтожены. Люди, конечно, будут сопротивляться, и Советский Союз не будет просто сидеть и смотреть, а сразу же поддержит их. Чичерин явно угрожал применить силу, если Китай вмешается во Внешнюю Монголию, что ставит под сомнение «независимый» статус Внешней Монголии.

Между тем фикция независимости Внешней Монголии поддерживалась тем, что все войска Красной Армии уже были выведены из Внешней Монголии. Фактически эти войска остались, но Китай не мог заставить СССР обсуждать график вывода войск, поскольку СССР теперь утверждала, что такой график больше не нужен.

Хотя переговоры о выводе Красной Армии из Внешней Монголии имели для Китая огромное значение, когда после четырнадцатимесячной задержки была созвана официальная советско-китайская конференция, этот вопрос даже не поднимался. На переговорах не только не обсуждался крайний срок вывода

³¹¹ *Tang Peter S.H.* Указ. соч. Р. 382.

³¹² *Campi Alicia Jean.* Указ. соч. Р. 218.

советских войск из Внешней Монголии, но и злополучный трехсторонний договор 1915 г., который так никогда и не пересматривался. Это означало, что, по крайней мере теоретически, трехсторонний договор 1915 г. оставался основой отношений Советского Союза и Китая с Внешней Монголией³¹³.

Линь Цзюнь, преподаватель Харбинского университета, так характеризует сложившееся положение: «Следует также отметить, что из-за задержки китайско-советской конференции, стороны отложили решение спорных территориальных вопросов. Конференция должна была быть проведена в кратчайшие сроки в соответствии с соглашением, и где должны были быть решены некоторые разумные требования китайской стороны, такие как: выкуп КВЖД, вывод войск из Внешней Монголии, плавание в Хэйлунцзяне, компенсация потерь китайцев, живущих за границей и т. д. Все эти вопросы «повисли в воздухе» и находились на рассмотрении в течение долгого времени, в итоге большинство из них фактически провалилось»³¹⁴.

Таким образом, Китай рассматривался российскими большевиками как важное поле битвы с империализмом из-за его размера и географической близости к России³¹⁵. НКВД СССР дипломатически переиграл Пекинское правительство, убедив его признать трехсторонний договор 1915 г. одновременно с тем, что обе страны согласились не применять его. Когда СССР отказался пересмотреть новый договор, у Китая не было иного выбора, кроме как признать, что Внешняя Монголия теперь стала частью возглавляемого СССР коммунистического блока.

По мнению американского историка Б. Эллемана, «Москва направила эти методы против более слабой, неразвитой страны – Китая, чьи интересы как она заявляла, отстаивает. Двумличие СССР представляет собой один из первых документально подтвержденных примеров того, как большевики проводили

³¹³ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 178.

³¹⁴ *Линь Цзюнь*. Указ. соч. С. 7.

³¹⁵ *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М., 2007. 17. С. 169.

свою экспансионистскую политику в слаборазвитой стране. Хотя советская пропаганда утверждала, что СССР борется за экономические и политические права Китая, никакая идеология не могла скрыть желания советских лидеров расширить свой контроль в пределах традиционных границ Китая»³¹⁶.

В этом отношении описание Робертом Такером стремления И.В. Сталина к тотальному контролю как «главной цели» СССР после Второй мировой войны, по-видимому, уходит своими корнями в 1920-е годы.

Это говорит о том, что решение СССР вести антиимпериалистическую пропаганду в начале 1920-х годов просто маскировало его собственные империалистические амбиции. В целом: «Советская политика в Китае формировалась в духе идеологии революционного интернационализма, которая предполагала приоритет задач китайской революции по сравнению с традиционными интересами России»³¹⁷.

СССР использовал приемы, применявшиеся двумя десятилетиями позже в других частях евразийского континента, – пропаганду «дружественного социализма», «высшего типа» демократии, «борьбы против мирового империализма», которые скрывали главную цель и суть – фактический военно-экономический контроль над ресурсами другого государства³¹⁸.

2) Как справедливо отмечает Г.Н. Пескова, советско-китайское соглашение 1924 г. заложило основу для дальнейшего развития отношений между СССР и Китаем и позволило впоследствии установить консульские отношения, создав разветвленную сеть советских консульских учреждений в Китае³¹⁹.

3) Внешняя Монголия оставалась неотъемлемой частью возглавляемого Советским Союзом коммунистического блока с 1924 по конец 1980-х годов – дольше, чем любой другой регион, за исключением Танну-Тувы, которая ранее

³¹⁶ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. P. 172.*

³¹⁷ *Сидоров А.Ю. Внешняя политика советской России на Дальнем Востоке (1917–1922). М., 1997. С. 132*

³¹⁸ *Dallin Alexander (ed.). Soviet Conduct in World Affairs. New York, 1960. P. 182.*

³¹⁹ *Гришаева Л.Е. От Версаля к войне... О «роли» «буферных» государств. С. 134.*

не входила в состав царской Российской империи. Хотя советское правительство восстановило свою власть над Внешней Монголией благодаря вмешательству Красной Армии в 1921 г., оно укрепило свои позиции с помощью своей дипломатии с Китаем с 1921 по 1925 гг.

2.2. Политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.): между Гоминьданом и КПК³²⁰

Общепринятое мнение о политике Первого³²¹ Объединенного Фронта (или альянса партии Гоминьдан³²² и КПК³²³) заключается в том, что Коминтерн предложил эту политику в 1920 г., примерно в то же самое время, когда формировалась Коммунистическая партия Китая. Согласно этой точке зрения, образование союза между КПК и Гоминьданом можно датировать с 1922 г. как результат поездки «доверенного лица» Московского Коминтерна Г. Маринга³²⁴. Такая датировка, как нам кажется, является не совсем оправданной, так как идея альянса у Советского государства возникла почти за три года до образования КПК. Фактически советская сторона впервые выступила за союз с Сунь Ятсеном летом 1918 г., еще до того, как в Китае появились первые коммунисты.

Коминтерн последовал этому примеру весной 1919 г., более чем за год до образования партии. Наконец при поддержке Коминтерна в январе 1921 г. Чэнь Дусю³²⁵ опубликовал в Кантоне статью, в которой высказывался за то, чтобы

³²⁰ Подробнее см.: *Герасимов Д.И.* Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // *Человеческий капитал.* 2022. Т. 1. № 5. С. 14–32.

³²¹ Первый Объединенный фронт – (союз между КПК и Гоминьданом) подвел черту под «эрой милитаристов» в Китае. Альянс был создан в 1920 г. и просуществовал неполных 7 лет, до момента, когда в 1927 г. националистический лидер Гоминьдана Чан Кайши изгнал коммунистов и союз перестал существовать.

³²² Если переводить дословно – «Национальная партия государства Китай». Создана 10 октября 1919 г., выражала и осуществляла консервативную политику.

³²³ Коммунистическая партия Китая. Основана 23 июля 1921 г. по инициативе революционера Чэнь Дусю и при активной поддержке Коминтерна. Выражала марксистско-ленинские принципы.

³²⁴ Хенк Сневлит (1883–1942 гг.) – нидерландский революционер, ставший одним из главных создателей КПК и организаторов первого съезда КПК летом 1921 г.; имел псевдоним Маринг.

³²⁵ Чэнь Дусю (1879–1942 гг.) – один из «отцов» КПК и ее первый Генеральный секретарь. После конфликта с Мао Цзэдуном в 1927 был смещен со всех постов.

партия Гомиьндан установила более тесные связи с Коминтерном и предложил политику «Объединенного фронта» для содействия и поддержки КПК. Если брать в расчет, что политика «объединенного фронта» была принята до основания КПК, то ее изначальной целью могло стать только объединение большевиков и «учителя Сунь Ятсена»³²⁶, а не КПК и Гомиьндана. Следует помнить, что Сунь Ятсен имел влияние и фактически контролировал южно-китайский город Кантон, который противостоял центральному правительству в Пекине. Таким образом, с точки зрения Советской России, союз с Кантоном мог оказаться полезным для другой внешнеполитической цели – дипломатических переговоров с Китаем.

В свою очередь, для Сунь Ятсена союз с Советской Россией был «политическим рычагом» давления на другие иностранные державы, союз с Советами мог оказать влияние на международное признание его оппозиционного правительства в Кантоне. Таким образом, как с политической, так и с практической точки зрения непосредственные выгоды, которые большевики и Сунь Ятсен могли бы получить, объединившись друг с другом, намного перевешивали любые другие выгоды, которые могли бы появиться, в случае объединения Гомиьндана с еще не существующей КПК. В этой главе будет показано, что СССР будет проводить как бы «двойственную» политику, поддерживая либо КПК, либо Гомиьндан, объединяя их в «единый фронт» или сталкивая между собой, чтобы направить китайское общественное мнение против Пекинского правительства и получить больший внешнеполитический контроль над Китаем. Если обратиться к тому же договору от 1924 г., которому была посвящена первая глава нашего исследования, то можно говорить о том, что советские дипломаты уже использовали этот рычаг влияния на Гомиьндан и КПК во время переговоров с Пекинскими чиновниками, что позволило Советскому государству закрепиться во Внешней Монголии, вернуть контроль

³²⁶ Сунь Ятсен (1866–1925 гг.) – китайский революционер и политический деятель. Основатель партии Гомиьндан.

над КВЖД и большую часть территориальных уступок, особых прав и привилегий царской России.

Такое понимание проблемы поможет нам объяснить последующий конфликт и раскол в Объединенном фронте, когда после смерти Сунь Ятсена в 1925 г. руководство Гоминьдана осознало, что они «невольны» продвигали национальные интересы Советского Союза, делая его влияние сильнее, а Китай слабее³²⁷.

Синьхайская революция 1911 г. и формальное отречение Пу И³²⁸ – последнего императора из династии Цин – в феврале 1912 г. создали почву для создания Первого Объединенного фронта, поскольку революция привела к созданию оппозиционного правительства в Кантоне под руководством Сунь Ятсена. Уже в ноябре 1911 г. секретная телеграмма из царской российской миссии в Пекине гласила: «Сила вещей может заставить иностранные державы, прежде всего в обеспечение финансовых интересов, именно платежей по займам, пойти далее деловых сношений с южными автономными властями и формально признать эти последние.., исходя из того основного факта, что в южном Китае у нас нет территориальных и прямых политических интересов, а лишь финансовые и отчасти торговые в долине Ян-цзе, признавал бы необходимым сделать все зависящее, чтобы установить с самого начала возможно дружеские отношения с южными властями. В данном случае было бы необходимым учесть неизбежный антагонизм между северным и южным Китаем, как только он станет независимым, — причем, в силу географических условий, наши трения с китайцами будут почти исключительно сосредоточиваться на севере, — и, следовательно, тот факт, что южане будут являться естественными нашими союзниками»³²⁹.

³²⁷ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 100.

³²⁸ Пу И (1906–1967 гг.) – последний представитель династии Цин в Китае. После отречения от престола попадет под влияние политических кругов в Японии и станет императором марионеточного государства Маньчжоу-Го.

³²⁹ «Красный архив». Том 18. М.-Л., 1926 г. С. 50.

Эта секретная телеграмма предполагала, что в конфликте между этим оппозиционным правительством и центральным правительством Китая в Пекине союзником России будет Кантон. Обоснование этого предложения было простым: существовавшие ранее разногласия по поводу Внешней Монголии и КВЖД исключали более тесные связи с Пекинским правительством, в то время как у России не было никаких территориальных конфликтов с Южным Китаем, что делало полезным союз с Кантоном против Пекинского правительства. Геополитические интересы России не изменилась и после Великой русской революции 1917 г., как и кадры, представлявшие внешнеполитическое ведомство.

Так, народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин семь лет проработал в Министерстве иностранных дел еще Царской России. Преемственность внешнеполитической линии царской и большевистской России в Китае, прослеживается, начиная с 1 августа 1918 г., когда Г.В. Чичерин направил письмо Сунь Ятсену с выражением надежды на улучшение отношений между Москвой и Кантоном: «Дорогой д-р Сун Ят-сен, Совет Народных Комиссаров дал нам почетное задание благодарить Вас, уважаемый Учитель, за приветствие, присланное несколько месяцев назад Рабоче-крестьянскому правительству от имени Южно-китайского парламента, и приветствовать Вас, как вождя китайской революции и как человека, который с 1911 г. в особенно трудных условиях продолжает идти во главе китайских трудящихся масс против поработителей – северо-китайской и иностранной буржуазии и империалистических правительств... У русской и китайской революции одни и те же цели и клонятся они к освобождению рабочих и к установлению прочного мира, основывающегося на признании общих интересов двух великих пролетариатов, русского и китайского»³³⁰.

³³⁰ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 39.

Чичерин даже обратился к Сунь Ятсену за помощью против капиталистических правительств, пытавшихся задуть русскую революцию: «На Дальнем Востоке распространяются лживые слухи нашими общими врагами через прессу, развращенную банками и капиталистами, слухи, цель которых – скрыть от китайского народа правду, что Рабоче-крестьянское правительство живет и ведет мощную и неустанную борьбу, теперь как и прежде, неся знамя победы пролетариата над мировой буржуазией и европейскими ворами и грабителями...В этот момент русские трудящиеся классы обращаются к их китайским братьям и призывают их к совместной борьбе»³³¹. Особо отметим еще раз, что в августе 1918 г. китайских коммунистов не было. Первым признанным сторонником большевиков в Китае был Ли Дачжао³³². Морис Мейснер, фундаментально занимавшийся этими вопросами, пришел к выводу, что, хотя «к середине 1918 г. Ли был душой и сердцем предан Октябрьской революции, его труды не дают никаких оснований предполагать, что он начал серьезно рассматривать марксистскую идеологию»³³³. Только в ноябре 1918 г., через четыре месяца после письма Г.В. Чичерина, Ли Дачжао опубликовал свою первую статью в марксистском ключе. Даже приезд Мао Цзэдуна в сентябре 1918 г. в Пекинский университет для изучения марксизма под руководством Ли Дачжао произошел только через месяц после письма Чичерина. Таким образом, на ранних стадиях развития советско-китайских отношений Советское государство не ставило задачу создания единого фронта между КПК и Гоминьданом. Союз мог существовать только между Москвой и Южным правительством Сунь Ятсена.

Письмо заместителя Наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахана от 4 декабря 1918 г., направленное Всероссийской чрезвычайной комиссии и совдепам подтверждает то, что предложение Г.В. Чичерина заключить союз с

³³¹ Там же. С. 40.

³³² Ли Дачжао (1888–1927 гг.) – революционер, политический деятель. Один из основателей КПК.

³³³ Meisner Maurice, Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. New York, 1977. P. 67, 72.

Сунь Ятсеном никак не зависело от существования КПК: «Необходимо разъяснить зависящим от вас органам, что китайские и других восточных стран граждане в России отнюдь не могут быть причисляемы к буржуазным классам и считаться, хотя бы в малейшей степени, ответственными за политику своих продажных правительств... Советское правительство делает все возможное для привлечения азиатской демократии к общей борьбе с империализмом. Большинство граждан восточных стран России образует из себя трудовые организации, стоящие на платформе Советского правительства»³³⁴.

Эти документы свидетельствуют о том, что к 1918 г. Советское правительство уже было заинтересовано в объединении с оппозиционным правительством Сунь Ятсена в Кантоне. Это предложение фактически как бы следовало за предложением царского российского консульства в 1911 г. заключить союз с Кантоном против Пекинского правительства, план которого был прерван Первой мировой войной. Вопреки советской историографии, этот ранний этап политики «объединенного фронта» не мог включать китайских коммунистов в качестве союзников, а тем более в качестве равноправных членов Объединенного фронта³³⁵.

С августа 1918 г., когда Г.В. Чичерин направил свое первое письмо Сунь Ятсену о формировании альянса с китайскими революционерами с целью вовлечения их в единый антиимпериалистический союз против капиталистических держав составляло важнейшую составляющую дальневосточной стратегии большевиков. Этому были и объективные причины. В то время как в июле 1921 г. КПК насчитывала всего 56 членов, партия Гомиьндан уже претендовала на членство свыше 200 000 человек³³⁶.

Впоследствии, летом 1919 г., в брошюре, написанной советским чиновником В.В. Виленским-Сибиряковым, говорилось, что революционный пожар в Южном Китае неизбежно должен переместиться на север. Тогда революционная

³³⁴ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 42–43.

³³⁵ *Elleman Bruce*. Diplomacy and Deception. P. 102.

³³⁶ Там же. С. 102.

Россия найдет себе надежного союзника в Китае против империалистических хищников³³⁷.

Советское правительство было даже готово выделить свои собственные скудные ресурсы³³⁸ на подготовку и финансирование китайских революционеров. В августе 1919 г. Л.Д. Троцкий направил в Центральный комитет большевистской партии секретное коммюнике, в котором подчеркивалось значение азиатских революций. Чтобы помочь зарождающемуся революционному движению, Л.Д. Троцкий даже предложил построить специальную революционную академию на Урале или в Туркестане, чтобы обеспечить все необходимые условия – подготовка лингвистов, переводческие подразделения, теоретическая закалка³³⁹.

Эти заявления В.В. Виленского-Сибирякова и Л.Д. Троцкого в 1919 г. являются первыми признаками того, что вскоре стало одной из важнейших внешнеполитических инициатив большевиков в 1920-е гг.: активное внедрение антиимпериалистических идей во всей Азии, обучение и финансирование революционеров «на местах». При этом вовсе не обязательно, чтобы эти революционеры были коммунистами или хотя бы знакомы с проблематикой марксизма. Представители Коминтерна впоследствии вели переговоры с большим числом «новоиспечённых» революционеров, имевших контакт с Сунь Ятсеном. Это свидетельствует о том, что советское правительство надеялось, что Сунь Ятсен станет главным советским «проектом» в Китае. Поскольку Сунь Ятсен был не только известным революционером, лидером Южно-китайского Кантонского правительства, но и имел общего противника в Пекинском правительстве, это делало союз между Москвой и Кантоном еще более ценным.

Прежде чем создать единый антиимпериалистический фронт с Сунь Ятсеном, большевикам необходимо было найти в Китае своих сторонников, готовых

³³⁷ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Китай и Советская Россия.... С.12.

³³⁸ Экономическое положение Советов после Гражданской войны было катастрофическим. Но деньги на революционную деятельность неизменно находились.

³³⁹ *Elleman Bruce.* Diplomacy and Deception. P. 103.

выступить посредниками. Этим «посредникам» было уготовано судьбой стать будущими лидерами КПК. Еще до официального создания КПК в июле 1921 г. Чэнь Дусю играл важную роль в оказании помощи коминтерновским чиновникам. К его заслугам можно отнести установление прочной связи между Сунь Ятсеном и Гоминьданом. Эти ранние попытки заключить союз Советского правительства с Кантоном показывают, что большевики продвигали идею создания Объединенного фронта не в интересах КПК, как позднее утверждала коминтерновская пропаганда, а в своих собственных. Однако тесному сотрудничеству зачастую мешала географическая удаленность Южного Китая. Во время обсуждения торгового соглашения между Россией и Кантоном, Сунь Ятсен возражал: «В настоящее время для меня по географическим условиям невозможно вступить в эффективные торговые отношения с Вами. Если Вы взгляните на карту Китая, Вы увидите, что территория, находящаяся под юрисдикцией моего правительства, лежит к югу от линии реки Янцзы и что между этой территорией и маньчжурскими и монгольскими «воротами», через которые только возможны торговые отношения, стоят поперек дороги Чжан Цзолинь³⁴⁰ и его союзники. Не существует и не может существовать никаких «ворот» *via*³⁴¹ китайский Туркестан, пока когда-нибудь не будет построена большая железнодорожная магистраль, включенная в проектируемую мною систему железнодорожных сообщений Китая»³⁴².

26 марта 1920 г. китайское консульство во Владивостоке зафиксировало прибытие на железнодорожную станцию эксперта по проблемам революционного движения в Китае, члена дальневосточного секретариата Коминтерна – Григория Войтинского³⁴³, в тот же день, когда был издан первый

³⁴⁰ Чжан Цзолинь (1875–1928 гг.) – один из известнейших представителей эры милитаристов в Китае. Последний лидер бэйянского правительства.

³⁴¹ Так в письме. От лат. «через».

³⁴² *Сунь Ятсен. Избранные произведения...* М., 1985. С. 299.

³⁴³ Войтинский Г.Н. (1893–1953 гг.) – В 1920—1927 — на работе в Исполкоме Коминтерна (ИККИ), занимал должность заведующего дальневосточным сектором восточного отдела. В 1920 г. ездил в Китай, встретился с Ли Дачжао и Чэнь Дусю.

манифест Л.М. Карахана, обещавший скинуть все «царские оковы», которые мешали развитию равноправных советско-китайских отношений. Своевременная публикация манифеста была явно направлена на то, чтобы помочь Войтинскому идеологически «подковывать» симпатизирующих ему китайских интеллектуалов для проведения политики «Объединенного фронта».

Войтинский прибыл в Пекин в апреле 1920 г., после чего Ли Дачжао познакомил его с Чэнь Дусю. Впоследствии Войтинский окажет глубокое влияние на Чэнь Дусю, который будет считать Советскую Россию «эталоном нового мира», государством, представляющим собой новую форму политики, путь, который так давно искал Китай.

Однако миссия Войтинского состояла не только в том, чтобы распространять революционные идеи в Китае, но и в том, чтобы создать просоветское китайское правительство.

Усилия Чэнь Дусю по развитию более тесного сотрудничества между Кантонским правительством и Москвой представляли собой важный шаг на пути формирования Объединенного фронта. Всего через девять месяцев после приезда Войтинского в Китай в газете была опубликована статья просоветской направленности. Это доказывало эффективность методов советской дипломатии – подготовка китайских посредников для установления контактов и развития более тесных связей с Сунь Ятсеном и его правительством давала первые результаты. 28 августа 1921 г. Сунь Ятсен написал Г.В. Чичерину письмо, в котором выражал интерес к идее создания Объединенного фронта: «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом, в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования. Я хотел бы знать все, что вы и другие можете сообщить мне об этих вещах, в особенности об образовании. Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения – тружеников завтрашнего дня»³⁴⁴. Г. Маринг в конце 1921

³⁴⁴ Указ. Соч.: *Сунь Ятсен. Избранные произведения...* С. 300.

г. встретился с Сунь Ятсеном, чтобы обсудить формирование политики «Единого фронта» в союзе с Китайской коммунистической партией. Советское правительство теперь было ближе к выполнению поставленной в 1918 г. цели – созданию союза с Сунь Ятсеном. Чем больше росло влияние Сунь Ятсена и его партии, тем выше была вероятность того, что революционные настроения смогут расползтись по всему Китаю. Поэтому мы можем предположить, что активная политика Коминтерна по созданию Объединенного фронта была задумана не только как прямой удар по капитализму, но и как средство усиления влияния СССР во всем Китае.

Хотя в публикациях Коминтерна подчеркивалось значение Объединенного фронта в борьбе Китая против капиталистических стран, в них также присутствовала важная дипломатическая составляющая, не представленная ни российской, ни китайской общественности. Как явствует из письма Советского посланника в Китае А.А. Иоффе к Г. Марингу от 18 сентября 1922 г. советское правительство надеялось, что Объединенный фронт побудит Сунь Ятсена активизировать внешнюю политику и вмешаться в дела центрального правительства в Пекине: «Из моего второго письма Суню Вы увидите, что для меня сейчас самым важным является то, чтобы Сунь вместе с У образовали правительство и примирились с Чжан Цзолинем, по крайней мере так, чтобы последний признал и поддержал правительство Сунь Ятсена — У Пэйфу. Прошу Вас поддержать эту мою политику и разъяснить Суню, что такое правительство сможет рассчитывать на поддержку не только России, но и всего Коминтерна. По моему мнению, создание такого правительства является наиважнейшим моментом нынешней китайской политики»³⁴⁵.

В том же письме Иоффе даже призвал Маринга заручиться помощью Сунь Ятсена в продолжающихся переговорах Советского государства с Пекинским правительством: «Было бы чрезвычайно важным, чтобы Сунь дал членам

³⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 985, л. 12–13.

парламента от Гоминьдана задание постоянно поднимать в парламенте русский вопрос. Попросите его об этом»³⁴⁶.

26 сентября 1922 г. в Шанхае состоялась беседа военного атташе в Китае А.И. Геккера с Сунь Ятсеном. Лидер китайских революционеров хотел заручиться поддержкой Советов в борьбе против правительств Центрального и Северного Китая: «Сунь ответил, что, во-первых, речь идет о принципиальном вопросе относительно готовности России поддержать его попытки осуществить объединение Китая и, во-вторых, о том, каким образом Россия могла бы помочь. Тов. Г. высказал мнение, что Россия в принципе готова оказать помощь в деле объединения Китая и что нет сомнения в том, что в Сунь Ятсене Россия видит человека, который может осуществить это объединение. Как уже указал тов. Иоффе, лучшим было бы выйти на связь с У Пэйфу и сделать все возможное для предотвращения новой гражданской войны, которая привела бы к дальнейшей интервенции иностранных держав и, может быть, к оккупации Пекина. Сунь сказал, что такая интервенция весьма вероятна, но он думает, что предотвратить новую войну между У Пэйфу и Чжан Цзолинем невозможно. Он ожидает, что победителем из этой войны выйдет Чжан Цзолинь. Тов. Геккер заявляет, что он сам видел военную организацию У Пэйфу и что, по его мнению, армия У намного сильнее, чем армия Чжан Цзолиня. О том хватит ли У финансовых средств, он, конечно, не может судить. У очень симпатизирует Сунь Ятсену и был бы согласен с правительством под руководством Суня. Он видит в У Пэйфу националиста, который борется за единство и независимость Китая»³⁴⁷.

Эти документы свидетельствуют о том, что одним из главных мотивов формирования объединенного фронта Коминтерна было стремление направить китайское общественное мнение в поддержку советских дипломатов в Пекине и это далеко не случайность.

³⁴⁶ Там же. Л. 12.

³⁴⁷ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. М., 1994. С. 126–127.

В Китае общественное мнение могло влиять на политические решения. Так еще в XIX веке Цы Си³⁴⁸ для проведения реформ использовала общественный гнев, чтобы «ругать власть», после чего принимались «спасительные» реформы³⁴⁹. Во время республиканского периода³⁵⁰ это стало еще более востребованным. В частности, волна недовольств во время советско-китайских переговоров в 1924 г. была направлена против Пекинского правительства и в поддержку внешнеполитических целей Советской России.

Вместе с тем во взглядах Сунь Ятсена также происходили кардинальные изменения. Это можно проследить на примере взглядов вождя на проблему территориальной целостности Внешней Монголии. До китайской революции 1911 г. китайский суверенитет над Монголией никогда и никем не оспаривался, в том числе царской Россией. Даже после 1911 г. международное сообщество продолжало признавать притязания Китая на Монголию. Но между 1912 и 1915 гг. Россия вынудила Китай признать автономию Внешней Монголии и объявила протекторат над этой территорией. До 1923 г. Сунь Ятсен открыто осуждал эти «империалистические действия» и утверждал, что Монголия является неотъемлемой частью Китая. Однако в январе 1923 г. Сунь Ятсен публично меняет свою позицию и считает, что Красная армия по праву находится на её территории.

Китайский лидер изменил свою позицию в результате формирования объединенного фронта с СССР. В начале 1920-х гг. Сунь Ятсен пытался добиться финансирования и признания со стороны США, Великобритании и Японии. Все эти страны отказались, объяснив это тем, что они продолжают признавать центральное правительство в Пекине, а финансирование Кантонского правительства лишь помешает объединению Китая³⁵¹. Союз с СССР был

³⁴⁸ Цы Си (1835–1908 гг.) – вдовствующая императрица Китая, сосредоточившая в руках верховную власть.

³⁴⁹ Чан Цзюнь. Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908. М., 2019.

³⁵⁰ Китайская Республика — государство в Восточной Азии, которое существовало с 1912 по 1949 гг.

³⁵¹ Делюсин Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921–1928 гг.). С. 56.

возможен только при том условии, что Южно-китайское правительство будет целиком и полностью поддерживать внешнеполитические цели Советской России, включая вопрос о Внешней Монголии. Так в беседе с представителем дипломатической миссии от СССР А.А. Иоффе, которая состоялась 27 января 1923 г. в Шанхае³⁵² Сунь Ятсен заявил, что «не находит немедленную эвакуацию русских войск из Внешней Монголии ни настоятельно необходимой, ни соответствующей действительным интересам Китая, особенно ввиду неспособности теперешнего Пекинского правительства предотвратить возобновление, вследствие такой эвакуации, интриг и враждебных действий со стороны белогвардейцев против России и возможности создания более тяжелой обстановки, чем та, которая сейчас существует»³⁵³.

Позиция Сунь Ятсена считалась особенно важной, потому что китайские дипломаты настаивали на том, что Красная армия должна сначала уйти из Внешней Монголии до подписания дипломатического договора и открытия официального представительства. В этой совместной декларации Сунь Ятсен фактически согласился на присутствие советских военных на территории, этот шаг можно смело назвать датой создания первого Объединенного фронта.

Это заявление предоставило советским дипломатам важнейшие рычаги влияния на Пекинское правительство, поскольку они теперь могли угрожать открыть советско-китайские дипломатические отношения с «дружественным Кантоном».

Если цели и методы советской дипломатии в переговорах с Сунь Ятсеном «открыто читаются», то согласие китайского лидера на все условия для создания объединенного фронта кажутся поспешными. Возможно, Сунь Ятсен не имел четкого представления о целях и задачах внешней политики Советского государства. Но логичнее предположить, что он так же, как и СССР вел свою внешнеполитическую игру, используя свой союз с СССР и Гомиьнданом. Сунь

³⁵² Осенью 1922 г. Сунь Ятсен был изгнан из Кантона и поселился в Шанхае.

³⁵³ Указ. Соч.: Советско-китайские...С.65.

Ятсен, возможно, рассчитывал, что сможет объединить китайское общественное мнение против Пекинского правительства и тем самым оказать давление на США и другие иностранные державы, ведь если Пекинское правительство не легитимно, то мировые державы должны будут признать Кантонскую республику³⁵⁴.

Когда же попытки использовать союз с большевиками в качестве рычага для давления на капиталистический мир потерпели неудачу, у Сунь Ятсена не было иного выхода, кроме как укреплять свои связи с СССР. Анализ исторических источников показывает, что в обмен на свою поддержку Сунь Ятсен требовал советских «специалистов»: военных и политических советников, оружие и боеприпасы, а также финансирование³⁵⁵. По нашему мнению, Сунь Ятсен хотел получить сначала советскую помощь, а союз с китайскими коммунистами был вынужденной уступкой. Л.П. Делюсин писал по этому поводу: «Коммунистов Сунь Ятсен надеялся использовать как посредников в связях с Москвой. Коммунистическая партия Китая в то время еще не приобрела авторитета среди рабочих и крестьян страны и не пользовалась их поддержкой. Ее политическое значение в глазах Гоминьдана определялось лишь наличием у нее прочных связей с Советским Союзом и Коминтерном.

Принятие их в Гоминьдан было своеобразной платой за помощь, которую он рассчитывал получить от Советской России. Союз с КПК Сунь Ятсен и другие лидеры Гоминьдана рассматривали не как равноправное сотрудничество, а как полное подчинение коммунистов руководству Гоминьдана. Это осложняло деятельность коммунистов»³⁵⁶. В результате с 1923 по 1927 гг. КПК была промежуточным звеном, тем самым посредником между Гоминьданом и СССР, но, когда и Гоминьдан, и СССР выполняют свои внешнеполитические задачи, КПК станет «третьим лишним», и это приведет к обрыву официальных дипломатических отношений между Китаем и СССР.

³⁵⁴ *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception. P. 116-117.*

³⁵⁵ Там же. 117.

³⁵⁶ Указ. Соч.: *Делюсин Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос...С. 55.*

Михаил Бородин³⁵⁷, главный советник Коминтерна в Китае, прибыл в Кантон в октябре 1923 г. с письмом от официального представителя СССР на дипломатических переговорах в Пекине Л.М. Карахана. В этом письме Л.М. Карахан просил Сунь Ятсена поддержать усилия СССР по установлению дипломатических отношений с Пекинским правительством: «В вашу страну меня прислал Союз Советских Социалистических Республик, искренне желая осуществления общих интересов двух наших стран и их оформления на твердой, незыблемой основе. Как бы ни мешали империалисты нашей дружбе, которой они враждебны, она станет фактом... Дорогой доктор, Вы старый друг новой России и на Вашу поддержку в моей ответственной работе по тесному сближению наших двух народов я рассчитываю. Дружба двух великих стран будет лучшим залогом их свободного и мирного развития»³⁵⁸.

Сунь Ятсен не мог остаться довольным уже самим фактом происходящих переговоров, поскольку они подразумевали, что Пекин является законным правительством Китая, а не Кантон. Но М.М. Бородин убедил главу Гоминьдана, что признание Пекинским правительством СССР «развяжет руки» Коминтерну и даст большую свободу в деле оказания помощи Гоминьдану, т. к. советские советники будут беспрепятственно приезжать в Китай³⁵⁹.

Деятельность Бородина в Кантоне в точности совпадала с переговорами Л.М. Карахана с Центральным правительством Пекина, и их частые контакты продолжали тесные рабочие отношения между агентами Коминтерна и советскими дипломатами в Китае.

В результате усилий М.М. Бородина Гоминьдан созвал партийный съезд и 23 января 1924 г. принял свою первую внешнеполитическую программу. Советское правительство сразу же отреагировало на это событие и выслало

³⁵⁷ *Бородин М.М.* (1884–1951 гг.) – советский государственный деятель, агент Коминтерна. Занимал должность политического советника ЦИК в Китае один из организаторов концепции «Первого Объединенного фронта».

³⁵⁸ Указ. Соч.: Советско-китайские...С.66.

³⁵⁹ *Elleman Bruce.* Diplomacy and Deception. P. 123.

поздравительную телеграмму. Сунь Ятсен 24 января 1924 г. направил ответную телеграмму из Шамяня³⁶⁰: «Цель конференции – продолжить и завершить начатую в 1911 г. революцию и добиться таким образом возрождения Китая, освободив его от угнетения милитаризмом и капитализмом... Конференция твердо рассчитывает на сочувствие всех народов я благодарен русскому народу, который первый выразил эти чувства»³⁶¹. Поддержка Гоминьдана в советско-китайских переговорах в конечном счете помогла советским дипломатам сохранить контроль над Внешней Монголией, восстановить контроль над КВЖД. Получается, что к 1925 г. СССР смог вернуть себе почти все «империалистические привилегии и уступки», от которых отказывался в 1919 и 1920 гг.

После подписания 31 мая 1924 г. советско-китайского договора китайское общественное мнение полностью поддерживало СССР. Советские чиновники быстро осудили капиталистические страны за то, что они не копируют внешне дружественные отношения СССР с Китаем. Возможно, что эти советские победы дались бы труднее или вовсе не случились, если бы не поддержка Сунь Ятсена. Перед смертью Сунь Ятсен оставил завещание, в котором провозгласил: «Мысли мои обращены сейчас к вам, обращены к моей партии и к будущему моей страны. Вы возглавляете Союз свободных республик... Опираясь на это наследие, народы, изнывающие под гнетом империализма, отстают свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии... Поэтому я завещаю Гоминьдану продолжать работу в области национально-революционного движения, чтобы Китай смог сбросить с себя ярмо, навязав которое, империалисты низвели его до положения полукOLONиальной страны. Ради этой цели я повелел партии и впредь укреплять сотрудничество с вами. Я глубоко убежден, что и ваше правительство

³⁶⁰ Остров, отделенный от Кантона узким проливом.

³⁶¹ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 77.

будет, как прежде, помогать моему государству»³⁶². После смерти Сунь Ятсена СССР провозгласит его величайшим националистическим лидером Китая, боровшимся против империализма и угнетения, рабства и капитализма... Деятельность Сунь Ятсена объективно и субъективно призвана была сыграть одну из ключевых ролей в успехах СССР, в том числе и во внешней политике.

Таким образом:

1) С 1918 по 1925 гг. мы наблюдаем эволюцию внешней политики Советского правительства в отношении Китая: от союза с Сунь Ятсеном и правительством Кантона до создания Первого Объединенного фронта под чутким руководством НКИД. При этом Коминтерн принимает самое непосредственное участие в создании КПК в качестве посредника в советско-китайских переговорах и даже активно финансирует ее, чтобы впоследствии объединить две партии, решая тем самым свои внешнеполитические цели.

2) Проведенное нами исследование показывает, что в советско-китайских отношениях в 1920-е гг. идеология была лишь «оберткой», «красным фантиком», которая была призвана прикрывать национальные и геополитические интересы Советского государства – создание КПК, помощь Гомиьндану, распространение марксистско-ленинских принципов среди китайского общества, наконец, создание Первого Объединенного фронта все это отвечало скорее национально-государственным интересам нежели идеологическим.

3) Решение Сунь Ятсена предоставить Москве свою общественную поддержку против международно-признанного правительства Китая в Пекине в итоге приведет к ослаблению Китая и расширению влияния СССР. Вместе с тем, хотя надежды СССР на социалистическую революцию в Китае рухнут вместе с развалом шаткого союза между КПК и Гомиьнданом, некоторые идеологические

³⁶² Указ. Соч.: *Сунь Ятсен*. Избранные произведения... С. 742.

«ростки» глубоко уйдут в почву и впоследствии расцветут в качественно новой революционной программе, но уже в 1940-х гг.

4) В проблемах статуса Внешней Монголии ее территориальной целостности и вопросе о КВЖД СССР переиграл Китай, создавая тем самым необходимый военно-политический плацдарм для выстраивания внешней политики в Китае и военно-политического соперничества с Японией в Маньчжурии, правда уже в 1930-е гг.

С 1921 по 1927 гг. КПК поддерживала советские усилия по возобновлению условий договоров, заключенных еще царской Россией. Тесная координация политики Коминтерна и Народного комиссариата иностранных дел в Китае в 1920-е годы поражает своей слаженностью и выдержанностью. Известный американский историк Адам Улам даже сравнил внешнеполитическую деятельность СССР в Китае с «акробатом, жонглирующим несколькими мячами в воздухе»³⁶³.

Это сотрудничество было особенно важно во время китайско-советских переговоров 1924 г., когда Коминтерн помог организовать в «единый удар» китайское общественное мнение в поддержку советских дипломатов в Пекине. Центральное место в успехе Советского государства занимало решение Коминтерна основать КПК в 1921 г., а затем его «просьба» вступить в союз с Гоминьданом в 1922 г., чтобы усилить возможности Сунь Ятсена и Гоминьдана мобилизовать китайское общественное мнение в поддержку советской дипломатии. Так, например, успехи СССР во Внешней Монголии были бы невозможны без полного сотрудничества Коминтерна и КПК. Вместо того чтобы встать на сторону Пекинского правительства и выступить против всех прежних китайско-российских неравноправных договоров, КПК поддержала Москву. Помимо принятия партийных резолюций в поддержку автономии Внешней Монголии, официальные журналы КПК публично призывали к созыву китайско-

³⁶³ *Ulam Adam B.* Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917–1967. New York, 1968., P. 344.

советско-монгольской конференции, на которой представитель Внешней Монголии будет рассматриваться как равный, что естественно не могло удовлетворить правительство Китая. Занимая такую позицию, КПК невольно поддерживала договор 1915 г., который по мнению тех же Советов, был «грабительским» и «неравноправным».

Вскоре после того, как Г. Маринг прибыл в Китай в апреле 1921 г., он вывел политику объединенного фронта на новый важный этап, создавая новую политическую силу – КПК, которая как нам уже известно, вместе с партией Гоминьдана, образует впоследствии сильный политический альянс.

Г. Маринг отправился в Шанхай в июне 1921 г., где предложил организовать партийный съезд. Этот план был воспринят с большим энтузиазмом, особенно молодыми членами марксистских организаций. Выступив на съезде, Г. Маринг убедил китайские коммунистические ячейки примкнуть к Коминтерну, что они и сделали в течение 1922 г. В конце 1921 г. нидерландский коммунист горячо убеждал членов КПК работать совместными усилиями с Гоминьданом.

В августе 1922 г. Г.Н. Войтинский отправил в ЦК ПК письмо с четкими указаниями дальнейших действий. Г.Н. Войтинский советовал молодым «братьям по партии» правильно участвовать в политической борьбе, укреплять и расширять коммунистические организации, откликаться на все имеющие политическое значение события в стране. Перед Китаем, по словам Войтинского, стоит как минимум две задачи – уничтожение дучзюната³⁶⁴ и проблема территориального федеративного устройства Китая³⁶⁵.

КПК становилась сильной политической организацией и готова была сама возглавить объединенный фронт в целях борьбы с милитаристскими режимами в Северном и Центральном Китае, но Коминтерн настоял на том, чтобы главную роль в этом союзе играла партия Гоминьдан. Возможно, на это решение оказал влияние Сунь Ятсен, отношения с которым советское правительство не желало

³⁶⁴ Дучзюнат – правление военных губернаторов

³⁶⁵ Указ. Соч.: ВКП(б), Коминтерн и Китай... С. 113.

портить, т. к. понимало, что его авторитет поможет решить другие внешнеполитические вопросы. В августе 1922 г. КПК было приказано войти в союз, возглавляемый Гоминьданом: «ИККИ рассматривает Гоминьдан как революционную партию, которая хранит заветы революции 1911 г. и стремится создать независимую китайскую республику. С целью выполнения задач коммунисты должны создать группы приверженцев в самом Гоминьдане и в профсоюзах. Из этих групп предлагалось сформировать пропагандистскую организацию, которая будет распространять идеи борьбы против иностранного империализма, за создание Китайской народной республики, за организацию классовой борьбы против иностранных и китайских эксплуататоров. Эта организация должна быть создана по возможности с согласия Гоминьдана, хотя она и должна сохранить полную независимость; так как Гоминьдан является ответственным за Южное правительство, пока он должен избегать столкновений с империалистическими державами»³⁶⁶.

Конфликт по поводу того, должна ли КПК присоединиться к Гоминьдану или же она должна продолжать свою борьбу в одиночку, продолжался еще долго после того, как Коминтерн дал указания о создании единого фронта. Стоит заметить, что политика объединенного фронта не пользовалась популярностью у руководства КПК и что она была принята лишь с большой неохотой³⁶⁷.

12 января 1923 г. Коминтерн направил в Китай телеграмму, в которой излагались резолюции четвертого конгресса Коминтерна о политике объединенного фронта. Хотя дискуссия была жаркой и многие делегаты все еще выступали против тесных отношений китайских коммунистов с Сунь Ятсеном³⁶⁸,

³⁶⁶ Коммунистический интернационал и китайская революция: Документы и материалы. М., 1986. С. 25–26.

³⁶⁷ *Elleman Bruce*. Diplomacy and Deception. P. 312.

³⁶⁸ На заседании Шиллер отстаивал позицию самостоятельности КПК и возражал тому же Марингу и Воцтинскому, утверждая, что коммунистическая партия не только должна иметь собственную организацию, но также должна быть действительно центральной и коммунистической организацией, что надо устранить то недоразумение, что партия должна быть лишь ячейкой в организации Гоминьдан.

съезд в конце концов согласился с тем, что объединенный фронт должен быть реализован, признав, что Гоминьдан является единственной серьезной национально-революционной организацией в Китае: «На последнем заседании Исполкома была образована комиссия по китайскому вопросу³⁶⁹, заседания ее, однако, не проводились. Но с тех пор было много дискуссий об отношениях Коммунистической партии Китая с партией Гоминьдан, результатом которых являются несколько тезисов об отношениях между партией Гоминьдан и коммунистической партией, в которых подчеркивается, что КПК останется в организации Гоминьдана, систематически развиваем рабочие организации, а при совместных акциях с националистической партией – как это уже было, например, 10 октября 1922 г., в годовщину основания Китайской республики в Ханькоу и Пекине — должны выдвигать собственные лозунги и демонстрировать свой собственный политический характер, что, таким образом, при угрозе классового расслоения в Китае, мы получаем возможность высказывать собственную точку зрения на националистических конгрессах и в будущем создать настоящую рабочую партию с коммунистическим содержанием»³⁷⁰.

Таким образом, эти быстрые изменения показывают, что еще в 1921 г. КПК считала себя лидером китайской революции, но к июлю 1922 г. ей была отведена второстепенная роль, поскольку только Коминтерн и стоявшее за ним советское руководство могло решать, кому возглавлять, создаваемое им оружие. По сути, в 1921–1924 гг. КПК была лишь игрушкой в руках советской дипломатии. Советское руководство «горячо переживало» проблемы раздробленности Китая и всячески старалось поддержать намерения и желания КПК, но лишь для того, чтобы в нужный момент использовать этот козырь во внешнеполитической игре. В этом не было ничего нового, это было логичное продолжение политики

³⁶⁹ В состав комиссии вошли: Коларов, Бухарин, Маринг, Войтинский, Мак Манус, Эберлейн, Шацкин.

³⁷⁰ Указ. Соч.: ВКП(б), Коминтерн и Китай... С. 172–173.

поддержки Гоминьдана, впервые предложенное еще Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом в 1918 г.

В этой главе мы уже разобрали эволюцию взглядов Сунь Ятсена и партии Гоминьдан по вопросу автономии Внешней Монголии. Далее мы постараемся взглянуть на эту проблему в разрезе отношений СССР и КПК. В рамках усилий России по продлению условий договора 1915 г. о предоставлении Внешней Монголии автономии КПК публично поддерживала неравноправные договоры России в статьях на китайском языке, опубликованных в ее официальных газетах, таких как «Авангард». КПК помогала советским дипломатам, наивно полагая, что после успеха коммунистической революции в Китае, Монголия будет возвращена Китаю³⁷¹.

Особое возмущение у китайских чиновников вызывало то, что СССР дислоцировал свои войска на территории Внешней Монголии. Пресса КПК прибегла к откровенному популизму, чтобы убедить китайскую общественность предоставить автономию Внешней Монголии. Так, Чэнь Дусю, прикрываясь экономическими аргументами, утверждал, что поскольку Китай и Внешняя Монголия представляют собой разнородные в экономическом смысле модели, а политическая организация определяется экономической ситуацией в регионе, то не следует тратить нервы, убеждая отсталую Монголию принять управление экономически развитого китайского правительства; это не соответствовало бы потребностям монгольского народа, поскольку Китай экономически и политически оказывал бы большое давление на монгольский образ жизни³⁷². Эти заявления также представляют интерес, если взглянуть на них с позиций СССР и ее разрушенной экономики после Гражданской войны в России.

³⁷¹ Последние надежды рухнут в 1943 г. после того, как И.В. Сталин распустит Коминтерн, вместе с которым уйдут в прошлое и обещания Коминтерна. После революции 1949 г. и образования Китайской Народной Республики СССР сохранит свое влияние на территории Внешней Монголии.

³⁷² *Elleman Bruce*. Diplomacy and Deception. P. 320.

Сразу же после подписания 31 мая 1924 г. советско-китайского договора все тот же Чэнь Дусю написал статью, в которой назвал людей, последовательно выступавших против автономии Внешней Монголии недалёковидными. Чэнь Дусю объяснял, это тем, что незначительная уступка СССР, не повредит Китаю, а, наоборот, позволит в союзе с СССР, выстроить самостоятельную внешнюю политику.

Земля буквально уходила из-под ног, а Китай не мог с этим ничего поделать. Во внешнеполитических решениях СССР напоминал большого паука, который пускал все новые и новые нити, заманивая жертву на обед. Все было бы хорошо, если бы этот паук однажды сам не угодил в собственную паутину.

Даже после того, как Коминтерн приказал КПК присоединиться к Гоминьдану, внутри КПК споры по этому решению продолжалась. Потребовалось некоторое время, чтобы решение Коминтерна было полностью принято. То, что СССР считал «целесообразным», китайские коммунисты считали, если не «концом света», то концом своей независимой политической деятельности точно и, надо признать, у них на это были все основания. Но поскольку КПК была членом Коминтерна, она была обязана следовать решениям этой организации, и китайские коммунисты неохотно вступали в Гоминьдан как частные лица.

Первый съезд Гоминьдана в январе 1924 г. призвал к строгой партийной дисциплине, интенсивному пропагандистскому наступлению, введению социальных гарантий, уравниению земель³⁷³, государственному контролю над капиталом и монополистическими отраслями промышленности, созданию армии для отражения нападений, как внутри страны, так и на внешних границах³⁷⁴.

Съезд передал всю верховную власть в руки национального конгресса Гоминьдана, сделав Сунь Ятсена пожизненным президентом партии и предоставив ему право вето на резолюции национального конгресса и Центрального Исполнительного Комитета. Хотя полномочия Сунь Ятсена

³⁷³ Речь идет о аграрной реформе 1924 г. в Китае. Уравниение земель не означало ее национализации.

³⁷⁴ *North Robert C. Kuomintang and Chinese Communist Elites. Stanford, 1952.*

казались практически монархическими, новая структура Гоминьдана была настолько сложной, что быстро вышла из-под его непосредственного контроля. Право вето, предоставленное вождю революции, сошло на нет, когда в июле 1924 г. был образован новый государственный орган, так называемый Центральный политический комитет. Этот новый комитет стал реальной властью в Гоминьдане и продолжал играть эту важную роль до июля 1926 г., когда его название было изменено на Центральную политическую конференцию и его обязанности уменьшились.

Особо подчеркнем, что решение наделить Сунь Ятсена правом вето, а не требовать от него согласия на любое решение, также имело значительные последствия. Ведь по мере увеличения рабочей нагрузки Сунь Ятсена, все больше и больше партийных решений принималось на более низких уровнях, что позволяло коммунистам чувствовать себя значительно увереннее, чем они могли ожидать. Впоследствии это станет одной из причин раскола Первого Объединенного фронта и приведет к провалу политики Коминтерна.

В июле 1924 г. Чэнь Дусю в письме к В. С. Войтинскому сообщал о нарастающей напряженности, между левыми и правыми фракциями Гоминьдана³⁷⁵: «Что касается нынешнего положения в Гоминьдане, то мы находим там только правых – антикоммунистов; если там есть некоторое число левых, то это Наши собственные товарищи. Сунь Ятсен и несколько других руководителей – центристы, а не левые (даже Дай Цзитао³⁷⁶ является только левым теоретиком), так что в настоящее время поддержка Гоминьдана – это лишь поддержка правых гоминьдановцев, ибо они держат в своих руках все органы партии. В их внутренней политике проявляются антирабочие тенденции, а во внешней политике – антирусские тенденции. Если поддержка будет оказываться и дальше в том же духе (помощь реакционерам), то это очень повлияет на революцию на

³⁷⁵ Т. е. между коммунистами и «старыми» членами партии Гоминьдан.

³⁷⁶ Дай Цзитао (1891–1949 гг.) – государственный деятель, один из главных идеологов партии Гоминьдан.

Дальнем Востоке. Это – серьезная проблема, требующая разрешения»³⁷⁷. Несмотря на все трудности, которые начинали возникать внутри партии Гоминьдан, советское руководство все еще теплило надежду на создание левого крыла – «бомбы замедленного действия», которая, во-первых, не позволила бы Гоминьдану прибрать всю власть к своим рукам и, как следствие отказаться от «братской коммунистической помощи», во-вторых, позволила бы проводить политику «разделяй и властвуй». Ввиду этих причин 18 июля 1924 г. М.М. Бородин направляет из Кантона письмо представителю КПК Цюй Цюбо³⁷⁸ в котором говорит: «Я еще имею надежду на возможность организации левого движения в Гоминьдане. Правда, в этом мы сталкиваемся с громадными трудностями, но это необходимо сделать. Я думаю, что вся наша линия должна быть в сторону собирания и организации левого крыла Гоминьдана. Повторяю, что необходимо иметь скорей газету, которая должна стать центром, вокруг которого будет группироваться все, что есть левого в Гоминьдане. Но это не все. Наши товарищи думают сейчас чересчур много о возможности выхода из Гоминьдана и потому мало занимаются вбиванием клина между правыми и левыми. В Кантоне наши почти что не выступали в Гоминьдане с какими-либо политическими предложениями и резолюциями. Естественно, что не было случая испытать левых на деле. Наши должны, не боясь конфликтов и трений в Гоминьдане, выступать вполне определенно с предложениями и резолюциями по всем вопросам местного, национального и международного характера»³⁷⁹.

Этот конфликт между китайскими коммунистами и старой гвардией Гоминьдана был временно урегулирован в августе 1924 г., когда вновь созданный центральный политический комитет предложил, чтобы особая работа коммунистов состояла в том, чтобы отвечать за пролетариат внутри Гоминьдана.

³⁷⁷ Указ. Соч.: ВКП(б), Коминтерн и Китай... С. 458.

³⁷⁸ Цюй Цюбо (1899–1935 гг.) – государственный деятель, писатель. Один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая на ранних этапах ее существования.

³⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 514, оп. 1, д. 82, л. 5.

Он также предложил создать новый комитет из трех человек, в состав которого вошли бы один член из партии Гоминьдан, один член Коммунистической партии Китая и один член Коминтерна, для разрешения всех подобных конфликтов. Центральный Исполнительный комитет Гоминьдана одобрил этот план. Это решение позволило укрепить позиции КПК внутри Гоминьдана и особенно среди рабочего движения, поскольку члены КПК и Коминтерна легко могли переиграть одинокого представителя Гоминьдана³⁸⁰.

Революционная интенсификация в Китае была частью постепенного смещения тактики Советской России из Европы в Азию, поскольку советское правительство начало осознавать, что местом следующего мирового конфликта может стать Дальний Восток. Безусловно, отправной точкой внутриполитического кризиса в Китае и вместе с тем, вынужденного поворота внешней политики СССР следует считать год смерти Сунь Ятсена 12 марта 1925 г. Оказалось, что слишком много зависело от авторитета китайского вождя – он являлся неким символом революционной борьбы, как для Гоминьдана, так и для КПК. Коминтерн больше не мог удерживать хрупкий союз двух партий, что рано или поздно привело бы к расколу и постепенной потере влияния СССР в Китае. С одной стороны, смерть Сунь Ятсена грозила разрушить союз Гоминьдана с КПК, но с другой развязывала руки Коминтерну, который получил долгожданную возможность решительно повернуть Гоминьдан против влияния иностранных держав в Китае.

Еще до смерти, Сунь Ятсен был одним из лидеров так называемого левого крыла Гоминьдана. Ван Цзин Вэй³⁸¹, взявший номинальный контроль в свои руки, изгнал из рядов ЦК более трехсот человек, чтобы устранить тех, кто не был верным Гоминьдану. Чтобы укрепить Первый Объединенный фронт,

³⁸⁰ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 327.

³⁸¹ Ван Цзинвэй (1883–1944 гг.) – государственный деятель Китая, принадлежавший к левому крылу Гоминьдана. Являлся соратником Чан Кайши в начальный период становления диктатуры. Во время Второй мировой войны возглавлял коллаборационистское правительство в Нанкине (1940–1944 гг.), но фактически проживал в Японии, где и умер.

просоветски настроенные члены Гоминьдана организовали публикацию завещания Сунь Ятсена, существует даже версия, что Ван Цзин Вэй был фактическим автором этого завещания, а Сунь Ятсен просто одобрил его до своей смерти.

Оказав помощь в организации, финансировании и руководстве революционным движением Гоминьдана в Китае, СССР имел большие шансы полностью втянуть Китай в советский лагерь. Особенно важно было продвигать китайскую революцию из-за протяженной китайско-советской границы, если бы Китай присоединился к социалистическому лагерю, то это увеличило бы размеры советского блока на четыреста миллионов человек. Коминтерн временно поддерживал ведущую роль Гоминьдана в китайской национальной революции, но затем явно надеялся осуществить социалистическую революцию в Китае под руководством рабочего движения и силами КПК.

К маю 1925 г. и Коминтерн, и Наркоминдел были готовы вывести китайскую революцию на новый уровень активности. В середине мая смерть бастующего китайского рабочего вызвала «движение тридцатого мая». Антикапиталистическое движение, начавшееся в Шанхае, быстро распространилось на Кантон, где 20 июня 1925 г. началась забастовка в британской концессии на острове Шамян. КПК и Гоминьдан организовали массовую демонстрацию, и 23 июня 1925 г. тысячи китайских студентов, рабочих и простых граждан прошли маршем по острову Шамян, что спровоцировало конфликт с англичанами. Только после этих инцидентов революционное движение Гоминьдана стало по-настоящему заметным. С подъемом Гоминьдана статус КПК также вырос с 1000 членов в январе 1925 г., до 30 тыс. в июле 1926 г., а затем удвоилось до максимума – 57 900 членов весной 1927 г.

Когда в Москве распространились слухи о демонстрациях тридцатого мая в Китае, Г.Е. Зиновьев немедленно опубликовал статью, в которой назвал Китай самым важным участником колониальных революционных движений. Это

значительно отличалось от его анализа, сделанного шесть месяцев назад, где Китай занимал третье место после Персии и Турции. Ближайшей целью китайской революции, как пояснял Зиновьев, были два «хищника» – Англия и Япония, причем Соединенные Штаты обвинялись в поддержке двух других стран. Зиновьев уверенно заявил, что ситуация в Китае сложилась так, что если бы британские и японские империалисты попытались ее подавить, то это было бы все равно, что подлить «масла в огонь». Зиновьев также обещал, что «требование шанхайских рабочих о выводе империалистами своих военных кораблей из Китая будет встречено мощными отголосками не только из Москвы и Ленинграда, но и во всем мире»³⁸². Пекинское правительство в связи с этими событиями направило ноту, в которой говорится: «Вопреки ожиданиям, убийства в Шанхае продолжают, арестованные освобождены. Согласно имеющимся сведениям, жертвы расстрелов ранены в спину, что доказывает необоснованность стрельбы. В дипломатических кварталах иностранные власти целиком ответственны за это, и мы вынуждены еще раз заявить самый решительный протест. Мы должны настаивать, чтобы консулам были срочно посланы инструкции о прекращении расстрелов»³⁸³.

В результате движение, начавшееся с простой экономической забастовки, перешло на более широкую арену политической борьбы, заставив столкнуться лицом к лицу с теми самыми угнетателями китайского народа – иностранными империалистами. 17 июня Коминтерн попытался расширить антикапиталистический конфликт в Китае, включив в него пролетариат всего мира, как в Европе, так и в Соединенных Штатах. В телеграмме, направленной коммунистическим партиям Франции, Италии, США и других стран, Коминтерн приказал местным коммунистам организовать митинги протеста: «В связи с развивающимися событиями в Китае и все большим наступлением империалистов, главным образом английских и японских, выливающимся в

³⁸² Зиновьев, Г.Е. Всемирно-историческое значение шанхайских событий // Правда. № 150. 7 июня 1925.

³⁸³ Известия. № 128. 7 июня 1925.

открытую вооруженную интервенцию, Президиум Коминтерна и Профинтерна, помимо ряда других шагов помощи борющемуся народу Китая, постановил обратиться ко II Интернационалу и Амстердаму для совместных выступлений с целью разоблачения империалистов и предупреждения дальнейшего наступления на Китай. Президиум предлагает вам принять все необходимые меры для привлечения широкого общественного мнения рабочих масс к борьбе китайского народа за свою независимость, стремясь организовывать митинги протеста и сборы средств совместно с социалистами и беспартийными рабочими, предлагая социал-демократам и амстердамцам единые выступления»³⁸⁴.

Кроме того, Коминтерн советовал использовать следующие лозунги:

- 1) вывести империалистов из Китая;
- 2) отменить печально известные неравные договоры Китая;
- 3) отменить экстерриториальность;
- 4) удовлетворить бастующих рабочих;
- 5) немедленно судить виновных в расстреле рабочих и студентов в Шанхае, Ханькоу, Циндао и других местах³⁸⁵.

Лозунги с требованием отмены капиталистами неравноправных договоров и экстерриториальности были особенно важны для стратегии Коминтерна в Китае, так как подчеркивалось, что главная надежда Востока – это позиция СССР: «во главу угла всей политики Коммунистического Интернационала по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариата и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии. Ибо только такое сближение гарантирует победу над капитализмом, без которой невозможно уничтожение национального гнета и неравноправия»³⁸⁶.

³⁸⁴ Указ. Соч.: Коммунистический интернационал и китайская революция...С.53.

³⁸⁵ Там же. С. 53.

³⁸⁶ Там же. С. 7.

Тем временем волнения рабочих распространились и на сам Гонконг. Этот антибританский бойкот должен был продлиться целый год, и он стал ключевым моментом в продолжающихся попытках СССР подорвать и разрушить британское экономическое положение в Китае.

События в Азии были настолько важны для СССР, что они были поставлены впереди революционных событий в Европе, как заявлял Зиновьев, Азия представлялась теперь особенно важным регионом. В то время как, Великобритания оказалась обездвиженной Гонконгской забастовкой, росло влияние другого мирового лидера – Соединенных Штатов Америки.

Таким образом:

1) За время сотрудничества с Гоминьданом и СССР и активного участия в массовом антиимпериалистическом движении, организуя классовые выступления рабочих и крестьян, КПК приобрела ценный опыт работы в массах и сформировалась организационно и политически.

2) Во многом благодаря «опыту» СССР, а также легальной деятельности, КПК достигла больших успехов, чем Гоминьдан, прежде всего в области партийного строительства, в организационной и пропагандистской работе, как внутри Гоминьдана, так и вне его.

3) Помощь ВКП(б) и Коминтерна, включая финансовую поддержку и обучение революционных кадров в высших учебных заведениях СССР, способствовала становлению КПК как политической партии³⁸⁷.

2.3. Гражданская война в Китае в оценках Советского государства: крах политики китайского Объединенного фронта

При поддержке Сталина и Бухарина, а также в противовес Л.Д. Троцкому и Г.Е. Зиновьеву, Северная экспедиция КПК началась летом 1926 г. К концу осени армия двинулась на север к реке Янцзы, взяла важный в стратегическом отношении город Ухань и осадила Шанхай. Столкнувшись с быстро

³⁸⁷ Панин Е.В. Известия Саратовского университета. // Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2-2. С. 72–79.

ухудшающимся положением в Китае, Министерство иностранных дел Великобритании 30 сентября 1926 г. выпустило заявление, в котором предупреждало, что Великобритания готова защищать свои интересы в Китае «от пиратов и грабителей, которые своими действиями представляют угрозу жизни и имуществу британских подданных»³⁸⁸.

Великобритания пыталась убедить Соединенные Штаты вмешаться в Китай, но ее усилия ни к чему не привели. Убежденный в моральной правильности притязаний Китая на равное обращение, Государственный секретарь США Келлог телеграфировал в американское консульство в Пекине 29 ноября 1926 г. заявление, в котором он отклонил просьбу об использовании американских военно-морских сил для защиты иностранной таможни в Ханькоу от нападения: «китайская морская таможня была создана правительством Китая. Это Китайская Национальная служба; она действует по приказу и находится под защитой правительства Китая, и иностранцы, занятые в ней, являются служащими этого правительства. Если это правительство желает уничтожить таможенную администрацию или, если китайцы хотят уничтожить правительство Китая и созданную им таможенную администрацию, то трудно понять, на каком основании это правительство может вмешаться, чтобы предотвратить достижение любой из этих целей. Вследствие этого я не вижу ясного пути для «открытия» таможни в Ханькоу и, тем более, выступаю против высадки вооруженных сил в сотрудничестве с другими державами»³⁸⁹.

Соединенные Штаты решили на своем примере продемонстрировать свою «открытую систему». Решение госсекретаря Келлога не вмешиваться в дела Китая было основано на его твердом убеждении, что китайский народ осуществляет свое естественное право выбирать собственное правительство. Он, вероятно, не пришел бы к такому выводу, если бы не показательное равенство в советско-китайских отношениях, именно этот факт придавал видимость

³⁸⁸ The Daily Telegraph, September 30, 1926.

³⁸⁹ *Carter Vincent John. The Extraterritorial System in China. Cambridge, 1970, P. 10.*

моральной легитимности поддерживаемому Советским Союзом революционному движению в Китае.

В течение 1926 и 1927 гг. Коминтерн заявлял, что революция в Китае обещает расширить мировую революцию в Азии и нанесет капитализму «смертельный удар». Об интенсивном интересе СССР к Китаю лучше всего можно судить по огромному количеству материалов, посвященных будущему китайской революции: например, в 1927 г. тридцать одна из пятидесяти одной редакционной статьи, опубликованных в «Коммунистическом Интернационале», были посвящены Китаю.

10 декабря 1926 г. ведущая редакция Коммунистического Интернационала призывала к началу «новой фазы» революции в Китае, в которой «борьба за гегемонию между пролетариатом и буржуазией определит дальнейшее направление революции». В этой редакционной статье говорилось, что Китай находится на пересечении двух дорог:

1) Полная независимость Китая путем объединения с Советским Союзом против империализма с конечной целью социализма;

2) «Половинчатая» независимость Китая путем достижения компромисса с империалистическими державами и выхода на капиталистический путь развития. Кроме того, Коминтерн подвел некоторые итоги взаимодействия с КПК и констатировал, что почти все партии Коммунистического Интернационала развили недостаточную энергию в борьбе за поддержку английской стачки и китайской революции. Необходима самая решительная борьба против интервенционистских планов империализма, против попыток вооруженных интервенций Англии в Китае, против дальнейшего существования неравноправных договоров с Китаем, против антисоветских военных договоров и тайных конвенций и т. д. Такие

выступления являются известной проверкой того, что может сделать партия в случае постановки гораздо более трудной задачи — задачи борьбы с войной³⁹⁰.

Особо подчеркнем, что успех так называемой «северной экспедиции» привел к долгожданному признанию иностранными державами партии Гоминьдан. С началом дипломатических переговоров между Гоминьданом и британскими переговорщиками в 1926 г. и заключенным в начале 1927 г. Гоминьдан-британским соглашением была достигнута главная цель, которая первоначально побудила Сунь Ятсена присоединиться к Первому Объединенному фронту. С точки зрения Гоминьдана, политика единого фронта, а вместе с ней и КПК, теперь были ненужными компонентами, механизмами в громадной бюрократической машине, без которых вполне можно было прожить.

Мартовская резня иностранцев в Нанкине подорвала прежнее решение Соединенных Штатов оставаться в стороне и побудила американские, британские, французские, итальянские и японские военные корабли бомбардировать Нанкин 24 марта 1927 г. В ответ большевики призвали рабочие организации всего мира не допустить новой мировой войны в Китае и в срочном порядке отозвать все иностранные войска. СССР также обвинил иностранцев в поддержке Пекинского правительства, назвав ответные действия против Нанкина «вмешательством во внутреннюю борьбу в Китае и это не может рассматриваться иначе, как активная помощь северянам с целью дать им возможность пробиться через окружение националистических войск».

В этот решающий момент Коминтерн вновь призвал к активизации революции в Китае: «с одной стороны, это ускорит опасность интервенции, которая фактически уже началась... В этот трудный момент международный пролетариат должен собрать все свои силы, чтобы нанести удар с тыла по хищному империализму»³⁹¹.

³⁹⁰ Указ. Соч.: ВКП(б), Коминтерн и Китай... С. 87.

³⁹¹ Указ. Соч.: Известия. 27 марта 1925.

Цель КПК состояла в том, чтобы взять под контроль китайскую националистическую революцию и превратить ее в социалистическую революцию. Но 7 марта 1927 г. Чан Кайши выступил с речью, в которой ясно дал понять СССР, что они не должны пытаться взять под контроль китайскую революцию. Говоря о «просоветской» политике, Сунь Ятсена, Чан Кайши сказал: «наш президент хотел свободы и равенства, и поскольку Россия была готова относиться к нам на равных, вполне естественно, что мы должны были сделать СССР нашим союзником. Пока Россия ведет себя с нами в том же ключе, мы не откажемся от просоветской политики»³⁹².

Вскоре после того, как Чан Кайши выступил с речью, осуждающей Советский Союз, левое крыло Гоминьдана и КПК укрепили контроль над Центральным Комитетом Гоминьдана. 13 марта Центральный комитет лишил Чан Кайши его председательства в политическом комитете, Постоянном комитете и военном совете. Его единственной официальной должностью оставался пост командующего экспедиционными силами.

Эта акция оказалась полной победой Коминтерна, так как многие китайские коммунисты смогли заполучить высшие посты в партии Гоминьдан. Влиятельные левые лидеры Гоминьдана, такие как Джордж Хсу Чиен, Сун Фо, Тен Енда, Юджин Чен и Сонг, также получили большую власть. Но эти действия вызвали немедленную реакцию, поскольку правая фракция Гоминьдана осудила решения Центрального комитета и агитировала за отстранение товарища Бородина³⁹³.

Через некоторое время и сам Чан Кайши потребует, чтобы Коминтерн отозвал Бородина. Новое государство не собиралось ждать, и в 1927 г. политический комитет в Ухане лишил Бородина должности официального представителя в Китае.

³⁹² North China Herald, March 7, 1927.

³⁹³ Там же. March 18, 1927

События накалялись. 6 апреля 1927 г. солдаты армии Чжан Цзолина и китайской полиции совершили вооруженное нападение на помещение военного атташе советского Посольства в Пекине и квартиры сотрудников Посольства, о чем сообщал новый полпред в Китае Черных в телеграмме Г.В. Чичерину. Сотрудники Посольства были избиты и арестованы, квартиры и канцелярия военного атташе были обысканы, ограблены и частью сожжены. Ряд сотрудников были арестованы и избиты. Фамилии всех арестованных не представляется возможным установить, т. к. вооруженные солдаты и полиция Чжан Цзолина не пропускали никого во двор, где находились квартиры военного атташе и сотрудников.

В связи с инцидентом, 9 апреля 1927 г. была направлена нота протеста народного комиссара иностранных дел СССР Г.В. Чичерина поверенному в делах Пекинского правительства в СССР. Согласно этому источнику, СССР выдвигал следующие требования:

- 1) Китайский военный отряд и полиция должны быть немедленно удалены из помещений военного атташе, сотрудников посольства и торгпредства.
- 2) Все арестованные служащие советского посольства и советских хозяйственных учреждений должны быть немедленно освобождены.
- 3) Все документы, изъятые в здании военного атташе, должны быть немедленно возвращены.
- 4) Имущество в виде денег, вещей, домашней обстановки, книг и проч., разграбленное и взятое полицией и военным командованием ангоцзюна³⁹⁴, должно быть немедленно возвращено владельцам³⁹⁵.

Отношения Пекинского правительства с СССР были нарушены якобы «открытым участием» советских представителей в китайских народных движениях. Первый шаг против официальных советских учреждений в Китае был направлен против посольства в Пекине маршалом Чжан Цзолином 6 апреля

³⁹⁴ Военный штаб, созданный Чжан Цзучаном и Сун Чуанфаном при содействии Чан Кайши, для проведения совместных операций силами провинций Цзянси и Аньхой.

³⁹⁵ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 117–118.

1927 г. Ряд избличающих документов, которые, как утверждается, были найдены в офисе советского военного атташе, были впоследствии опубликованы властями Пекинского правительства. Китайское правительство утверждало, что советские агенты использовали посольство в качестве штаб-квартиры для активной коммунистической пропаганды. СССР объявил документы поддельными и отозвал советского временного поверенного из Пекина. После этого Россия поддерживала только консульские и торговые отношения с Китаем.

Затем, 6 апреля 1927 г., Чан Кайши приказал второму и шестому отрядам двинуться на север к Нанкину, чтобы отрезать Ухань от коммунистов в Шанхае. На совещании в Ухане 7 апреля 1927 г. М.М. Бородин рекомендовал левому правительству Гоминьдана быстро двинуться в Нанкин, чтобы победить там Чан Кайши, но было уже слишком поздно, так как Чан Кайши лично вошел в Нанкин 9 апреля и укрепил свой контроль³⁹⁶.

18 апреля 1927 г. Чан Кайши установил новое правительство в Нанкине под контролем правого крыла Гоминьдана. С окончанием Объединенного фронта Советские военные советники были вынуждены уехать в СССР.

Однако известие о перевороте Чан Кайши заняло несколько дней. Чтобы добраться до Москвы этого не хватило, и поэтому в своей речи на четвертом съезде Советов 18 апреля 1927 г. Рыков продолжал настаивать на том, что Китай и Советский Союз являются «главными узловыми точками в международных делах сегодня»³⁹⁷. Это было отчасти потому, что обе страны вместе составляли одну треть населения мира, но более важной причиной было то, что на конфликт в Китае был направлен фокус «колониальной политики» и исход китайской революции определил бы, по мнению советского руководства, «будущее империализма», по крайней мере будущее империализма в тех формах, в которых он развивался в течение последних десятилетий.

³⁹⁶ *Elleman Bruce*. *Diplomacy and Deception*. P. 342

³⁹⁷ Там же. P. 342

Всего лишь за месяц до указанных событий, К.Б. Радек предупредил капиталистические страны, что «в случае необходимости пролетариат Советской России без колебаний поддержит китайское революционное движение»³⁹⁸.

Однако 25 апреля 1927 г. советский военачальник Климент Ворошилов доложил, что Красная Армия очень слаба, особенно в современном тяжелом техническом оснащении, авиация малочисленна и зависима от иностранной промышленности и ресурсов.

Фактически военная слабость Советского Союза означала, что он не мог позволить себе вмешиваться в дела Китая. Отказавшись прийти на помощь своим коммунистическим союзникам в Китае, Советское правительство обрекло КПК на одностороннюю борьбу против Гоминьдана, борьбу, которую китайские коммунисты неоднократно предлагали Коминтерну с 1921 по 1927 год, но каждый раз получали отказ, как в идеологическом смысле, так и в материальном. Как только это стало необходимостью, СССР отвернулся от Китая, предпочтя государственные интересы своим заверениям в прессе и тем более идеологическим положениям и доктринам.

В том же месяце после пекинского рейда на советское посольство последовала чистка против коммунистов в Шанхае, который уже был оккупирован войсками Гоминьдана под командованием Чан Кайши³⁹⁹. Решительная установка Сталина на то, чтобы избежать открытого разрыва с националистическим правительством, была осуждена Троцким как «меньшевистская политика» союза с Чан Кайши и Ван Цзинвэйем⁴⁰⁰.

В апреле 1927 г. в Шанхае были ликвидированы все коммунистические ячейки, арестованы лидеры КПК, произведены чистки внутри партии Гоминьдан. 25 октября 1927 г. произошел аналогичный рейд на советское

³⁹⁸ Там же. Р. 343.

³⁹⁹ Цзян Чжунчжэн (1887–1975 гг.) (общеупотребительное – Чан Кайши) – военный и политический деятель Китая, возглавивший партию Гоминьдан в 1925 г. после смерти Сунь Ятсена; президент Китайской Республики, маршал и генералиссимус.

⁴⁰⁰ *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001 г. Ч. VI. С. 265–293.

консульство в Шанхае. Чан Кайши, принимавший непосредственное участие в тех событиях, так вспоминал произошедшее: «На внеочередном заседании Центральной контрольной комиссии, состоявшемся 2 апреля 1927 г. в Шанхае под председательством Цай Юаньпэя⁴⁰¹, У Цзинхэн⁴⁰² представил новые доказательства подрывной деятельности и предательства коммунистов. Другие члены комиссии доложили о том, что происходило в провинциях Хунань, Хубэйя. Цзянси, Чжэцзян и Аньхой, где коммунисты, по приказу Коминтерна, организовывали беспорядки, саботируя тем самым дело национальной революции и подрывая общественный порядок. Вырисовывавшаяся картина вызвала у членов комиссии глубокое беспокойство. А потому комиссия единогласно постановила предложить Центральному исполнительному комитету принять чрезвычайные меры безопасности, арестовав в качестве превентивной меры всех коммунистических главарей. В то же время, со своей стороны, Политический совет Центрального комитета рекомендовал очистить ряды Гоминьдана от коммунистов. 5 мая 1927 г. члены Постоянного комитета ЦИК и заведующие отделами на совместном заседании утвердили основные принципы приведения в жизнь этого мероприятия. Для его осуществления была создана специальная комиссия, которая со всей тщательностью выполнила свою задачу в Нанкине⁴⁰³, Шанхае и Кантоне. Таким образом, были обеспечены закон и порядок, и Юго-Восточные провинции избежали угрозы стать экспериментальным полем коммунизма, а мы – очередной жертвой, приносимой на алтарь внутрипартийной склоки в Москве»⁴⁰⁴.

За несколько дней до того, как Чан Кайши разоружил шанхайский пролетариат и разгромил его революционные организации, между лидером левого крыла

⁴⁰¹ Цай Юаньпэй (1868–1940 гг.) – государственный деятель, известный педагог. В 1912 г. занимал должность Министра Просвещения Китайской республики.

⁴⁰² У Цзинхэн – член Центральной контрольной комиссии Гоминьдана.

⁴⁰³ После вышеописанных событий, исполнив завет д-ра Сунь Ятсена, 19 апреля 1927 г. Постоянный комитет ЦИК Гоминьдана и Государственный совет Национального правительства провозгласил Нанкин столицей.

⁴⁰⁴ Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. С. 66–67.

Гоминьдана и Китайской Компартией была осуществлена попытка заключить соглашение, которое должно было нормализовать отношения между партиями и предотвратить разгром. Однако заключенное соглашение не дало никаких гарантий представителям КПК, и Чан Кайши выбрал наиболее верный для себя вариант. Он негласно заключил союз с высшими слоями города, что, во-первых, укрепило его авторитет среди буржуазии, а во-вторых, он смог избавиться от своих самых опасных и ненадежных друзей по партии – коммунистов⁴⁰⁵.

Л.М. Карахан, который благодаря выработанному доверию и личным дружественным отношениям с Г.В. Чичериным и И.В. Сталиным обладал некоторой самостоятельностью в работе НКВД и мог самостоятельно транслировать указания партии и конструировать советско-китайские отношения в 1923–1926 гг., был отозван в Москву и в Китай больше не возвращался. Возможно это произошло из-за конфликта между наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и заместителем Наркома по иностранным делам М.М. Литвиновым. В письме от 18 января 1928 г. К.Е. Ворошилову Г.В. Чичерин косвенно упоминает о нападках М.М. Литвинова не только в свою сторону, но и в отношении Л.М. Карахана, которого тот обвинял в самостоятельной дипломатической деятельности, не согласованной с официальным курсом НКВД: «С Караханом я вполне сработался (он моя единственная опора во враждебном стане коллегии НКВД), у нас все сообща, его деятельность есть моя деятельность, и литвиновское бешеное вранье против Карахана имеет целью бить меня. Не могу больше. Если этот тип Вам нравится, держите его, но отпустите меня куда угодно, — в Сибирь, в Соловки, — лишь бы уйти от Литвинова»⁴⁰⁶. Другая возможная причина – болезнь Г.В. Чичерина и последующий отъезд в Европу на лечение с ноября 1926 г. по июнь 1927 г.⁴⁰⁷

⁴⁰⁵ Виленский-Сибиряков В.Д. Где корни предательства Чан-Кай-Ши. С. 56.

⁴⁰⁶ Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 17.

⁴⁰⁷ Л.М. Карахан был отозван в Москву в сентябре 1926 г., а М.М. Литвинов был фактически главой НКВД только с момента отъезда Г.В. Чичерина в Европу, т.е. с ноября 1926 г.

Тем временем, в столь запутанной, сложной ситуации СССР по личному указанию И.В. Сталина берет курс на образование независимых советских режимов в Китае путем восстаний представителей КПК. Для приведения этого плана в жизнь он направил в Китай «профессиональных коммунистов» – В.А. Неймана⁴⁰⁸ и В.В. Ломинадзе⁴⁰⁹. На «совещании 7 августа»⁴¹⁰ 1927 г. под руководством В.В. Ломинадзе китайские коммунисты приняли текст «открытого письма» ко всем членам партии, в котором защищали сталинскую «Резолюцию о Китае», которая была утверждена на 8-м пленуме Исполкома Коминтерна. Эта Резолюция от 20 мая 1927 г. ставила главной целью достижения социализма любыми, в том числе и вооруженными методами: «Жертвуя своими лучшими борцами во имя торжества конечной цели – социализма, Китайская коммунистическая партия неудержимо растет и с каждым днем завоевывает прочный авторитет в широких трудящихся массах. Грандиозные задачи, стоящие перед вашей партией, еще никогда не были столь ответственны, как в настоящий момент. Грандиозное развитие рабочего и крестьянского движения в Китае, вызвавшее отход от революции значительных слоев буржуазии во главе с изменником Чан Кайши, означает, что китайская революция перешла на высшую ступень. Завершение буржуазно-демократической революции против феодализма и против империализма может реализоваться лишь в борьбе с китайской буржуазией, ставшей контрреволюционной. Вовлечение в русло революционной борьбы все новых и новых пластов рабочих и крестьян, укрепление рабоче-крестьянского блока, установление гегемонии пролетариата в национально-освободительной революции, всемерное развязывание аграрной революции»⁴¹¹. Ввиду проваленных восстаний в Шанхае, Ухани, Хунани, Хубэе,

⁴⁰⁸ Гейнц Нейман (1902–1937 гг.) – немецкий коммунист, член Коминтерна.

⁴⁰⁹ Ломинадзе В. В. (1897–1935 гг.) – крупный советский партийный работник.

⁴¹⁰ Интересно, что именно после этого совещания КПК направила в город Чаншу для организации восстаний Мао Цзэдуна. Подробнее см.: *Галенович Ю.М.* Сталин и Мао. Два вождя. М., 2009.

⁴¹¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. II. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927. В 2 ч. Ч. 2. М., 1996. С. 731.

Чэнь Дусю ушел в отставку 12 июля 1927 г., потеряв пост генерального секретаря ЦК КПК, а Тань Пиншань⁴¹² был и вовсе осужден как «оппортунист». Вместо них возглавить новую «волну социалистической революции» были призваны Цюй Цюбо⁴¹³, Сян Чжунфа⁴¹⁴ и Ли Лисань⁴¹⁵, которые были введены во Временное Политбюро ЦК – первые двое членами, а последний – кандидатом в члены.

«Попытки компартии создать новую территориальную базу революции, сохранить и сплотить вокруг себя вооруженные силы бывшей национально – революционной армии, оставшиеся верными резолюции»,⁴¹⁶ привели к Наньчанскому восстанию.

Наньчанское восстание⁴¹⁷ началось в ночь с 31 июля на 1 августа 1927 г. в городе Наньчан под руководством Хэ Луна⁴¹⁸, Е Тина, Чжу Дэ⁴¹⁹ и Чжоу Энньлая⁴²⁰. В результате восставшим удалось захватить здание Центрального банка, посеять смуту в торговых и жилых районах города, а также арестовать многих членов Гоминьдана. Чан Кайши вспоминает об этих событиях следующим образом: «1 августа бунтари расклеили прокламацию от имени

⁴¹² Тань Пиншань (1886–1956) – китайский политический и государственный деятель, член КПК. В будущем будет занимать пост директора Комиссии народного контроля государственного административного совета КНР (1949–1954 гг.).

⁴¹³ Цюй Цюбо (1899–1935 гг.) – Общественный деятель, выступавший за распространение марксистских идей в кругах молодежи. Один из основателей и руководителей Коммунистической партии Китая на ранних этапах ее существования.

⁴¹⁴ Сян Чжунфа (1880–1931 гг.) – государственный и политический деятель Китая. В 1928–1931 гг. занимал должность Генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Китая. В 1931 г. – расстрелян гоминьдановцами за подрывную деятельность и организацию рабочих восстаний.

⁴¹⁵ Ли Лисань (1899–1967 гг.) – коммунист, один из основателей КПК. После революции 1949 г. занимал пост министра труда. Во время культурной революции в Китае покончил жизнь самоубийством, не выдержав травли.

⁴¹⁶ *Кара-Мурза Г.С.* Кантонское восстание. С. 18.

⁴¹⁷ Восстание в городе Наньчан в литературе чаще называют, как «восстание 1 августа».

⁴¹⁸ Хэ Лун (1896–1969 гг.) – китайский военный деятель, один из руководителей Наньчанского восстания, впоследствии станет маршалом Народно-освободительной армии Китая.

⁴¹⁹ Чжу Дэ (1886–1976 гг.) – китайский военный, государственный и политический деятель, лидер китайской революции 30–40 гг. XX века. Один из наиболее близких соратников Мао Цзэдуна.

⁴²⁰ Чжоу Энньлай (1898–1976 гг.) – политический деятель Китая, дипломат. После революции 1949 г. будет занимать должность Председателя Государственного Совета КНР.

фиктивного «Революционного комитета Гоминьдана». В числе членов президиума этого «комитета» был назван, в частности, Чжан Факуй⁴²¹... Не прошло и четырех дней, как этот обман коммунистов оказался раскрыт, а войска Чжана вместе с частями Чжу Пэйдэ⁴²² двинулись против бунтовщиков... Бунтовщики бежали в Шаньтоу, захватив который, разграбили его, а затем ушли в восточную часть Гуандуна на соединение с Пэн Баем⁴²³, командиром местных коммунистических отрядов»⁴²⁴.

Несмотря на провалившееся восстание в Наньчане, Коминтерн направил директиву членам КПК, в которой указывалось организовать городское восстание в Кантоне. Руководство восстанием должен был осуществлять Гейнц Нейман. Стоит отметить, что восстание в Кантоне, в отличие от некоторых других городов, хоть и было организовано КПК по руководству Советского правительства, однако почва для этого восстания уже была подготовлена. Мы выделяем несколько причин:

- 1) Кантон уже в 1926–1927 гг. стал одним из очагов непрекращающихся стачек пролетариата (стачки моряков, шоферов, почтовиков, телеграфистов)⁴²⁵.
- 2) В Кантоне, достаточно крупном городе Южного Китая, кроме сотен тысяч кантонских рабочих еще находились десятки тысяч рабочих из Гонконга.
- 3) Город обладал достаточной развернутой профсоюзной системой.
- 4) 19 октября 1929 г. были разогнаны рабочие демонстрации, организация которых, была никак не связана с Коминтерном и КПК.
- 5) Кантонскому восстанию благоприятствовал раскол, происходивший в лагере Гоминьдана. В этот период во всем Китае происходили стычки различных

⁴²¹ Чжан Факуй (1896–1980 гг.) – военный деятель Гоминьдана. За свою долгую карьеру успел поучаствовать в столкновениях с северными милитаристами, японской императорской армии и коммунистами в различные годы своей военной карьеры.

⁴²² Чжу Пэйдэ (1888–1937 гг.) – один из командиров гоминьдановских войск.

⁴²³ Пэн Бай (1896–1929 гг.) – один из лидеров Коммунистической партии Китая на начальных этапах ее существования, лидер крестьянского движения в Китае в 1920-х гг. В 1929 г. по приказу Чан Кайши был схвачен и казнен.

⁴²⁴ Цзян Чжунчжэн (*Чан Кайши*). Советская Россия в Китае... С. 73.

⁴²⁵ *Кара-Мурза Г.С.* Кантонское восстание... С. 14.

милитаристских объединений. А в самом Кантоне и во всей Гуандунской провинции также образовывались противоборствующие блоки⁴²⁶.

7 ноября 1927 г. Гуандунский комитет компартии выносит решение о подготовке кантонского восстания. Главным лозунгом восставших стали слова «Вся власть советам». Появляется манифест о вооруженном восстании⁴²⁷. Была организована краевая гвардия. Нелегально создается Ревком.

Восстание началось в ночь на 11 декабря 1927 г., по заранее составленному плану. Вместе с рабочими отрядами красной гвардии, нелегально созданными кантонским комитетом коммунистической партии, выступил учебный полк. Вооружение восставших было скудным. В момент восстания по намеченному заранее плану красная гвардия, разделенная на семь отрядов, заняла отдельные участки города. Отряды почтовиков, моряков, строителей захватывали намеченные пункты. Заранее был мобилизован весь транспорт. Автомобили сыграли огромную роль в восстании, на них происходила переброска частей. В первые же часы восстания из тюрьмы было освобождено свыше 2 тысяч политических заключенных, которые влились в ряды восставших. Рабочие отряды заняли почту, радиотелеграфную станцию, казармы, центральное помещение полиции и полицейские участки, помещение провинциального комитета Гоминьдана и все важнейшие в военном отношении пункты города. В 5 часов утра в Кантоне была официально объявлена советская власть⁴²⁸.

Руководство восстанием осуществлялось из стен советского консульства, а принимал в нем участие учебный полк армии 2-го фронта. Этот полк был сформирован из курсантов Уханьской военно-политической школы и учащихся курсов крестьянского движения. Среди них было много коммунистов и комсомольцев. Их лозунги «хлеб – рабочим», «земля – крестьянам» были

⁴²⁶ Генералы Чжан Факуй и Хуан Цисян готовили милитаристский союз против бывшего кантонского наместника Ли Тисина, выгнанного Чжан Факуем из Кантона за месяц до Коммуны.

⁴²⁷ Подробнее см. *Хуан Пин*. «Кантонское восстание и его подготовка (воспоминания)» // Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1929 г. С. 59–61.

⁴²⁸ *Кара-Мурза Г.С.* Кантонское восстание... С. 16.

позаимствованы из арсенала большевистской революции. Кроме того, у них имелся «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». 13 декабря 1927 г. войска Гоминьдана под командой Ли Фулиня⁴²⁹, форсировали реку, ворвались в Кантон из Хэнани⁴³⁰. Срочно был развернут и направлен в Кантон 4-й корпус под командованием Сюэ Юэ⁴³¹. Не продержавшись и трех дней, коммуна пала, а восставшие были жестко наказаны»⁴³².

Восстание провалилось сразу по нескольким причинам:

Объективные причины:

1) Несмотря на уверения некоторых советских историков и заявления официальных партийных лиц, пролетариат был разобщен и действовал достаточно локально. Во многом это вина Совета рабочих делегатов, не сумевшего объединить разрозненные группы.

2) Кантонские и гонконгские рабочие практически не взаимодействовали друг с другом.

3) Армия Гоминьдана значительно превосходила восставших как по силе, так и по организации. Практически все военачальники остались верны своему генералу и главнокомандующему – Чан Кайши.

Субъективные причины:

1) Восстание не сопровождалось всеобщей забастовкой.

2) Не было достаточно умелой организации, которая могла бы позволить мобилизовать массы во время восстания.

3) Численность промышленных рабочих в Кантоне была мала.

4) Крестьянство не поддержало восставших⁴³³.

⁴²⁹ Ли Фулинь (1874–1952 гг.) – командир 5-го корпуса НРА.

⁴³⁰ Хэнань – предместье Кантона, отделенное от города рукавом реки Чжуцзян.

⁴³¹ Сюэ Юэ (1896–1998 гг.) – китайский военачальник, один из лучших командующих из числа воевавших на стороне Чан Кайши.

⁴³² Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши) – Советская Россия в Китае... С. 74.

⁴³³ Подробнее см. Ден Чжун-ся. «Китайская коммунистическая партия в Кантонском восстании» // Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов. М.-Л., 1929 г. С. 40–42.

12 апреля 1927 г. репрессии Гоминьдана переросли в полномасштабную чистку, которая продолжалась до 1928 г. и в итоге привела к гибели тысяч коммунистов. Считается, что именно городским рабочим пришлось принять на себя самые тяжелые удары реакции, восторжествовавшей после поражения революции 1925–1927 гг. По далеко не полным данным, за 8 месяцев 1928 г. было убито около 100 тыс. рабочих и крестьян, из них 27 тыс. человек были приговорены к смертной казни. В одном Кантоне после подавления Кантонской коммуны погибло 6 тыс. рабочих⁴³⁴.

Сразу же после Кантонской Коммуны китайское правительство в Нанкине проинформировало Москву 15 декабря 1927 г. о том, что все советские консульства и торговые агентства в Китае должны быть закрыты: «Советский вице-консул и его помощник активно участвовали в Кантонском восстании и были схвачены с поличным на месте. Обнаруженные в процессе следствия секретные документы доказывали, что советское консульство и торгпредство в Кантоне были центрами шпионажа и подрывной деятельности, в которых разрабатывались планы восстания. Эта капля переполнила чашу терпения, и 14 декабря Национальное правительство разорвало дипломатические отношения с СССР, издав распоряжение о немедленном закрытии всех советских дипломатических и торговых представительств на территории Китая»⁴³⁵.

Однако русские консульства и торговые агентства не были закрыты на территории, все еще находившейся под юрисдикцией Пекинского правительства. Они оставались открытыми и после того, как националисты захватили Север. Националистическое правительство, которое объединило Китай в июне 1928 г., тоже имело натянутые отношения с Россией. Когда в июле 1928 г. Чан Кайши, Чжан Сюэлян и Сунь Фо⁴³⁶ встретились в Пекине, ходили слухи, что было принято решение о полном захвате КВЖД. Однако не было

⁴³⁴ Советы в Китае: Сборник материалов и документов. М., 1934. С. 9.

⁴³⁵ Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае... С. 75.

⁴³⁶ Сунь Фо (1891–1973 гг.) – старший сын Сунь Ятсена и его жены Лу Мучжэнь. Стал известным китайским политиком, занимал пост премьер-министра.

никаких доказательств, подтверждающих этот слух, за исключением того, что 22 декабря 1928 г. китайцы завладели телефонной системой Харбина, которую обслуживала железная дорога, стоимостью 3 000 000 долларов.

Ненадежные дипломатические отношения, которые существовали между правительством Пекина и Советской Россией в течение четырех лет, несмотря на разрыв дипломатических связей, оставались практически теми же, когда Гомиьндан стал лидером на всей территории Китая. Пока не произошел непоправимый инцидент 1929 г.

В результате китайская социалистическая революция закончилась, не успев начаться, и лишь едва звучное ее эхо доносилось теперь до Советского государства.

Таким образом:

1) Объединенный фронт был призван стать лидером китайской националистической революции. Советская дипломатия не хотела терять контроль над этой организацией, поэтому, когда лидеры КПК просили разрешить им выйти из Объединенного фронта, СССР отказывался.

2) Внутри советской партийной организации также не было единства по вопросу взаимодействия с КПК. Некоторые большевики поддерживали попытки Чэнь Дусю покончить с Объединенным фронтом, но они подверглись резкой критике со стороны руководства партии. Так, активная поддержка Троцким политической независимости КПК впоследствии сыграла свою роль в его изгнании из партии в 1927 г.

3) В ходе своего исследования можно сделать вывод, что Коминтерн, который находился под защитой Советского государства, сыграл значительную роль в создании Объединенного фронта, но к 1925 г. управлять этой организацией стало все труднее, поэтому, после того как организация распалась, Коминтерн переложил ответственность за свою неудавшуюся политику в Китае на КПК и Гомиьндан, сославшись на плохое руководство Чэнь Дусю. Эту позицию отстаивает и советская историография, однако некоторые источники заставляют

нас прийти к противоположным выводам. Политика Коминтерна была крайне непопулярна в КПК даже в самых высших кругах. Кроме того, советский советник в Китае М.М. Бородин (пожалуй, самый главный сторонник и представитель политики Коминтерна) признавал, что Коминтерн осудил Чэнь Дусю за его неоднократные попытки выйти из Гоминьдана еще до того, как Объединенный фронт распался.

Внешняя политика, проводимая СССР в Маньчжурии и Внешней Монголии, не всегда соответствовала заявлениям советских дипломатов. Осуждая империалистическую политику Запада, СССР продолжал продвигать свою внешнеполитическую линию, которая расходилась с заявлениями Коминтерна – для этого достаточно вспомнить проблему Внешней Монголии. Сравнение пропагандистских мер и дипломатических шагов СССР в Китае показывает, что между деятельностью Коминтерна и Наркоминдела существовали тесные связи. В то время как агенты Коминтерна в Китае продвигали линию «автономии Внешней Монголии», советские дипломаты работали над тем, чтобы, так называемые «империалистические договоры» между СССР и Китаем продолжали действовать.

Глава 3:

Л.М. Карахан и кризис на КВЖД

(1924–1929 гг.)

3.1. Советско-китайское соглашение 1924 г. по КВЖД

После Октябрьской революции СССР удалось восстановить контроль над большей частью территории стратегически располагавшейся в районах Китайской Восточной железной дорогой (Далее – КВЖД), которая проходила через Маньчжурию. КВЖД – являлась важнейшим козырем в рукаве советской дипломатии. Даже в момент кризиса и эскалации политических отношений по вопросу КВЖД в 1926 г. Н.И. Бухарин, выступая на июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с докладом о решениях ПБ в связи со стачкой английских рабочих, так определял важность КВЖД: «У нас был вопрос о КВЖД, о железнодорожной линии, которая является главной стратегической жилой, которая является нашим революционным пальцем, запущенным в Китай. Со стороны товарищей из оппозиции мы слышали предложение о том, что нам нужно скорее разделаться с КВЖД, сдать ее, что это есть «мозоль» на нашей ноге [...] Но с каких это пор мы должны отказываться от революционных возможностей только потому, что они сопряжены с трудностями?»⁴³⁷.

Подписав секретные соглашения: первое – с Пекинским правительством 31 мая 1924 г., а второе – с правительством Чжан Цзолиня в Маньчжурии 20 сентября 1924 г., СССР тем самым, определил для себя дальнейший вектор внешнеполитического развития. Эти секретные соглашения были подписаны несмотря на заявления и обещания Советского правительства никогда не прибегать к «закулисным» методам дипломатии. СССР также возобновил контроль над персоналом – китайскими рабочими, которые были заняты на железной дороге, несмотря на Советский манифест 1919 г., направленный Л.М. Караханом китайскому правительству в Пекине, который, возможно, обещал,

⁴³⁷ Письма И.В. Сталина – В.М. Молотову 1925–1936 гг. (Сборник документов). М., 1995. С. 77.

что эта железная дорога будет передана Китаю без всякой компенсации. Чтобы укрепить свое влияние на КВЖД, СССР подписал 20 января 1925 г. конвенцию с Японией. Согласно договору, Южно-Маньчжурская железная дорога признавалась сферой влияния Японии, в обмен на согласие Японии на полный советский контроль над КВЖД.

Все эти события заставляли менять и определенным образом эволюционировать советскую пропаганду, которая неоднократно призывала отказаться от неравноправных договоров западные страны, заявляя, что великие державы последуют примеру СССР и откажутся от своих уступок в Китае. Даже подчеркивалось, что КВЖД оценивается более чем в полмиллиарда золотых рублей и была единственной крупнейшей иностранной железнодорожной концессией в Китае, протянувшейся более чем на 1073 миль железнодорожного пути, через сердце стратегически важной территории – Северной Маньчжурии. Но с того момента, как Советское правительство впервые пообещало вернуть железную дорогу в июле 1919 г. и до подписания им соглашения с Японией в январе 1925 г. прошло более 5 лет. За это время Советское правительство постепенно перешло к новой тактике, постепенного отказа от деклараций заместителя народного комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана в 1919–1920-х гг.

Последним шагом в трансформации этой политики послужило соглашение от 26 февраля 1925 г., когда советский посол в Китае Л.М. Карахан, признал обоснованность «двадцати одного требования» Японии. Кроме того, в течение мая 1925 г. Советское правительство требовало, чтобы Пекинское правительство передало контроль над более чем 250 000 акрами территории, которая составляла бывшие российские концессии, косвенным образом связанные с КВЖД. Все эти действия советского правительства держались в секрете от китайской общественности. Даже во время массовых митингов, где разрасталось национальное движение против вмешательства иностранных держав в течение 1925 г., гнев был направлен главным образом на Великобританию, Японию и

Соединенные Штаты, но только не на СССР. Долгосрочные последствия «дипломатической игры» СССР в Китае были весьма значительны.

Популярность КПК во многом базировалась на вере в то, что Советский Союз относился к Китаю лучше, чем другие державы. В значительной степени именно это утверждение побудило китайскую интеллигенцию к формированию КПК в течение 1921 г.⁴³⁸ Позиция СССР, после заключения договора в 1924 г. вполне понятна и объяснима – необходимо было продолжать поддерживать китайское коммунистическое движение через революцию 1949 г.

25 июля 1919 г. заместитель Народного комиссара иностранных дел Л.М. Карахан направляет декларацию, которая обещает Китаю отмену всех неравноправных договоров, аннулирование выплат компенсационного характера из-за боксерского восстания, но самым главным обещанием Л.М. Карахана было вернуть права на КВЖД Китаю на безвозмездных условиях. Советское правительство восстанавливает территориальную целостность без всяких сборов, компенсаций, а также передает все концессии на полезные ископаемые, леса, золото и прочее, что было изъято у них царским правительством, правительством Керенского, а также «белыми» – Семёновым, Колчаком и другими бывшими генералами. Л.М. Карахан закончил свой манифест заверениями Китаю, что советское правительство единственные «союзники и братья» в борьбе за свободу от империализма.

Декларация Л.М. Карахана была попыткой обратить внимание китайского народа на дипломатически изолированный большевистский режим, а также была первым шагом в открытии дипломатических отношений с Пекинским правительством. В дальнейшем споры между СССР и Китаем вращались вокруг именно содержания декларации Л.М. Карахана. Дело в том, что когда этот документ от 25 июля 1919 г. был опубликован в советской печати под заголовком «Обращение Советской России к Китаю», прошел практически месяц и 26

⁴³⁸ Надо отметить, что столь противоречивая позиция КПК переживет Вторую мировую войну и революцию 1949 г.

августа 1919 г. в «Известиях» уже не содержалось решающего предложения о возвращении КВЖД без компенсации. Впоследствии советские дипломаты смогли этим воспользоваться и уже во втором манифесте Л.М. Карахана потребовали оплату за КВЖД, а потом и вовсе отказались возвращать свой участок КВЖД.

Но в дополнение к первоначальной Советской телеграмме была опубликована брошюра В.Д. Виленского-Сибирякова⁴³⁹ – в 1919 г. советского чиновника при Наркомате иностранных дел, в котором содержался возможно первоначальный вариант декларации Л.М. Карахана, с обещаниями вернуть КВЖД бесплатно.

Этот вопрос в историографии остается дискуссионным, мы не станем утверждать, что бюллетень, который действительно содержит пункт «О безвозмездной передаче КВЖД Китаю», является доказательством того, что Советский Союз изначально предлагал вернуть КВЖД Китаю без компенсации в первой декларации Л.М. Карахана. Дело в том, что, возможно, это была дипломатическая уловка, которую использовал НКВД для привлечения внимания, в сложной дипломатической ситуации и изначально не хотел передавать КВЖД Китаю. Однако возможно и другое объяснение этих событий. Так, американский исследователь Аллен Уайтинг, объяснял это тем, что решения диктовались военной обстановкой во время Гражданской войны летом 1919 г. Если следовать брошюре Виленского – в июле 1919 г., казалось, что советское правительство уже не сможет удержать контроль над КВЖД, но уже в середине августа – Красная армия нанесла поражение большинству «белых сил» в Сибири. Если следовать интерпретации Уайтинга⁴⁴⁰, вторую версию декларации Л.М. Карахана можно объяснить событиями Гражданской войны: изменение соотношения сил в Сибири резко заставило сменить вектор внешней политики НКВД, который решил, что теперь контроль над КВЖД становится реальной

⁴³⁹ *Виленский-Сибиряков В.Д.* Китай и Советская Россия.

⁴⁴⁰ *Whiting Allen.* Soviet Policies in China 1917-1924. Stanford, Calif, 1968.

возможностью. Выводы Уайтинга фактически подтверждает и китайская историография.

Другой известный американский профессор – Соу-Тенг Леонг фактически повторяет выводы Уайтинга, однако приходит к другому выводу – советские внешнеполитические деятели были разделены на два лагеря – «реалисты» и «идеалисты»⁴⁴¹. Л.М. Карахан, как утверждает Лян Цинтин (не приводя никаких доказательств – *автор*), относился именно к «идеалистам», которые и приняли решение сделать предложение о возврате КВЖД Китаю без компенсации. Их цель состояла в том, чтобы укрепить союз с Китаем, не потеряв приобретения царского правительства в Китае. По словам Леонга, эти «идеалисты» считали, что союз с «революционным Китаем» следует заключить любой ценой и на любых условиях, в то время как «реалисты» старались сохранить контроль над КВЖД. Мы не находим никаких документальных подтверждений версии Леонга, как в опубликованных источниках, так и архивных материалах, поэтому ставим эту версию развития событий под сомнение.

Брюс Эллеман, считает, что раскрыть эту проблему позволит внимательный анализ соглашения 1924 г. Он считает, что Советское правительство целенаправленно составило две версии декларации Л.М. Карахана – одна версия для идеологического соответствия пропагандистским требованиям, нацеленная на быстрое заключение соглашения между Советами и Пекинским правительством в Китае. Другая – для более продолжительного урегулирования дипломатических отношений с большими государственными выгодами. НКВД выбрал наиболее соответствующий его целям манифест и начал выстраивать внешнеполитическую парадигму.

Основная задача обещания Советского правительства вернуть КВЖД была в том, чтобы убедить Пекинское правительство открыть дипломатические

⁴⁴¹ *Leong Sow-Theng. Sino-Soviet diplomatic relations, 1917- 1926/ [by] S.T. Leong. Canberra; Honolulu, 1976, P. 131-133.*

переговоры с большевиками, эта цель была достигнута в 1921 г.⁴⁴² Но, кроме того, советскому правительству удалось повлиять и на китайскую интеллигенцию путем внедрения марксистско-ленинских постулатов, которые привели к организации КПК, в том же 1921 г.⁴⁴³

Существовало ли «без вести пропавшее» заявление Л.М. Карахана, или же оно является историографическим наслоением более позднего времени - неясно. Так или иначе, декларация Л.М. Карахана стала важной ступенькой для достижения главной цели – возвращению контроля над большей частью важной железнодорожной линии.

Первым шагом к решению проблемы КВЖД в 1920 г. было возобновление дипломатических отношений с международно-признанным китайским правительством в Пекине. В ответ на первый манифест Л.М. Карахана Пекинское правительство в сентябре 1920 г. разорвало отношения с чиновниками Временного правительства Керенского, которые все еще продолжали исполнять функции представительства МИД Российской империи в Китае. Стоит отметить, что «заявление Л.М. Карахана, которое носило чисто номинальный характер, т. к. железная дорога фактически не находилась под российским контролем, вероятно, было скорее приманкой, чем подлинным жестом доброй воли»⁴⁴⁴.

Генеральный директор КВЖД Ван Цзиньчжун написал письмо министру иностранных дел Янь Хуэйцину, советуя Китаю воспользоваться этим преимуществом – временной слабостью России в разрешении имущественных споров вокруг КВЖД: «Сегодня появилась единственная и самая неожиданная возможность для некоторых подвижек в решении проблемы КВЖД, ибо впервые за много лет Россия и Япония действительно находятся в состоянии конфликта,

⁴⁴² Пескова Г.Н. Становление дипломатических отношений между советской Россией и Китаем. С. 115.

⁴⁴³ Elleman Bruce A. The Soviet Union's Secret Diplomacy Concerning the Chinese Eastern Railway, 1924-1925 // The Journal of Asian Studies, Vol. 53, No. 2 (May 1994), P. 462.

⁴⁴⁴ Tang, Peter S.H. Указ. соч. P. 137.

в то время как другие державы не в состоянии вмешаться, как это происходило ранее». Но Ван Цзиньчжун предупредил, что в дальнейшем может возникнуть конфликт из-за этой железной дороги: «Маньчжурия уже дважды была полем битвы в последние годы, и будет яблоком раздора нового международного конфликта, если сегодняшние государственные деятели не смогут уладить дела таким образом, чтобы нормализовать советско-китайские отношения, ведь КВЖД играет наиболее важную роль в маньчжурском вопросе»⁴⁴⁵.

2 октября 1920 г. Л.М. Карахан встретился с китайской военной миссией в Москве и представил им совершенно новую программу⁴⁴⁶, по которой советское правительство было бы готово установить новые отношения с Китаем, но на других условиях.

В основном новый манифест Л.М. Карахана повторял декларацию 1919 г. – все царские русско-китайские договоры должны быть отменены, отказ от контрибуции за боксерское восстание, возвращение Китаю без компенсации всех российских концессионных зон, отмена экстерриториальных прав для русских, проживающих в Китае. В то время, как все эти обещания оставались по существу такими же, как и прежде, появилось новое интересное предложение, касающиеся КВЖД: «Российское и Китайское правительства соглашаются заключить специальный договор о порядке пользования Китайской Восточной железной дорогой для нужд РСФСР, причем в заключении договора, кроме Китая и России, участвует также и Дальневосточная Республика... Отношения между двумя великими народами не исчерпываются изложенным выше соглашением, и представители обоих государств должны будут урегулировать в дальнейшем в специальных соглашениях торговые, пограничные и железнодорожные, таможенные и другие вопросы»⁴⁴⁷. Как мы видим, РСФСР хотела сохранить некоторый контроль над железной дорогой.

⁴⁴⁵ Bruce A. Elleman. *The Soviet Union's Secret Diplomacy Concerning the Chinese Eastern Railway, 1924–1925*. P. 463.

⁴⁴⁶ Указ. Соч.: Советско-китайские... P. 51-53.

⁴⁴⁷ Там же. С. 53.

Хотя предложения Л.М. Карахана все еще выглядели достаточно щедрыми, они меняли конфигурацию отношений по вопросам, связанным с КВЖД. Благодаря достаточно расплывчатым формулировкам касательно вопроса КВЖД, НКВД смог убедить Пекинское правительство начать переговоры.

После того, как прибыл первый официальный дипломат Советского правительства А.К. Пайкес в Китай в 1921 г., начался новый этап отношений между Китаем и РСФСР по вопросу КВЖД. А.К. Пайкес заявил о «непонимании» Китаем первого манифеста Л.М. Карахана, заявив, что не стоит обращать внимания на различные доводы.

Когда А.А. Иоффе сменил А.К. Пайкеса в 1922 г., он также старался убедить китайских чиновников в том, что КВЖД должна управляться совместно СССР и Китаем. На возражения китайской стороны о несоответствии первым обещаниям советской стороны, Иоффе показал манифест от 25 июля 1919 г., который находится в распоряжении полномочной миссии, где никаких обещаний, касающихся КВЖД не содержалось. Однако о совместном управлении железной дорогой договориться так и не удалось.

НКВД решил назначить Л.М. Карахана полномочным представителем Советского Союза. После прибытия в Пекин, Л.М. Карахан выступил с речью, в которой повторил, что Советское правительство надеется сохранить дружественные отношения с СССР. 18 января 1924 г. состоялась беседа между министром иностранных дел Китая Гу Вэйцзюнем и Л.М. Караханом. Из неофициального разговора, Л.М. Карахан перечислил четыре причины, по которым СССР не может безвозмездно передать КВЖД Китаю:

- 1) Советские граждане потеряют свои капиталовложения;
- 2) В Китае продолжают существовать партия Гоминьдан, а также независимое правительство в Кантоне – это говорит о том, что Китай еще не объединен и поэтому не может единолично управлять всеми районам КВЖД, так как это ставит под угрозу советских граждан;

3) Часть территории все еще находится в руках белых – врагов советского правительства;

4) После возвращения КВЖД Китаю, мы подвергаем опасности Пекинское правительство, так как оно может стать жертвой Японии, которая захочет получить контроль над КВЖД.

На самом деле, первая причина не являлась серьезной проблемой, так как большая часть капитала на строительство КВЖД принадлежала иностранным инвесторам и фактически, советские граждане ничего не теряли, а те, кто действительно вкладывал деньги, были уже высланы из страны и находились, в том числе на территории самого Китая.

Спор о том, кому принадлежал, КВЖД осложнялся также тем, что в то время французские инвесторы владели шестьюдесятью процентами акций компании. Акции Русско-Азиатского банка – организации, которая фактически построила железную дорогу – перестал функционировать, однако теперь, Советское правительство считало, что кредиты должны быть возвращены.

Что же касается второго пункта, то не будем забывать, что Коминтерн также внес свою лепту в развитие и активно поддерживал Гоминьдан, финансируя правительство Гоминьдана, в том числе и в Кантоне, так что довод о том, что КВЖД должен остаться под советским контролем из-за существования Кантонского правительства, не являлся реальной причиной.

В-третьих, хотя белые и имели некоторое влияние на КВЖД, Л.М. Карахан, по нашему мнению, сильно преувеличивал их военную мощь и знал, что какую бы опасность они не составляли – они не смогли бы оказать хоть какого-то серьезного сопротивления в 1924 г.

И, наконец, страх Л.М. Карахана по вопросу взаимоотношений с Японией был действительно важным аргументом, что и покажет дальнейшее развитие отношений. Но этот аргумент был опасен, как для Китая, так и для СССР.

Таким образом, хотя все эти четыре причины были сомнительными, у Пекинского правительства не было никакой возможности опровергнуть или заставить Л.М. Карахана изменить эти требования, кроме войны.

Веллингтон Ку решил, что, если СССР отказался от этого обещания, официальная политика Пекинского правительства должна быть направлена на установление равноправного договора по владению КВЖД и только потом решать вопрос о компенсациях.

Но 27 февраля 1924 г. Л.М. Карахан заявил о внезапной готовности к взаимному обмену. Отступая от своего прежнего предложения о совместном управлении дорогой Китаем и СССР, Л.М. Карахан теперь согласился с тем, что Китай будет иметь полную власть над КВЖД, а также над территорией вдоль железнодорожной линии. Он также заявил, что Китай мог бы выкупить железную дорогу у Советского правительства в обмен на продолжение использования КВЖД для перевозки грузов из Маньчжурии во Владивосток, временное совместное проживание, управление железной дорогой будет принадлежать специальному органу – Совету директоров: «Правление или Совет состоят из 10 членов: 5 назначенных нами и 5 китайцев. Кворум 6 человек. Это не имеет существенного значения. Следует обратить внимание на то, что Ревизионный комитет состоит из 5 членов, из которых трое наших. Управляющий дорогой наш. Китайцы очень настаивали на равномерности замещения должностей, причем как Вы видите, здесь сказано, что равномерность устанавливается принципиально, но, чтобы не дать никакого вредного для нас толкования путем обмена письмами, мы устанавливаем, что эта равномерность имеет в виду лишь одинаковые права и что всякая должность может с одинаковым успехом заниматься и китайцем, и русским, если он имеет необходимые для данной должности квалификации»⁴⁴⁸. В соответствии с этим соглашением, совет директоров должен был определять основные стратегии, которые исполнял бы главный управляющий. Однако Совет, где для кворума

⁴⁴⁸АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9. Л. 49.

было необходимо семь человек, а решения не могли вступить в силу без согласия шести, мог быть — и фактически был — подчинен советскому главному управляющему простым способом: русские члены отказывались от участия в заседаниях или воздерживались от голосования⁴⁴⁹.

Как мы выяснили во второй главе, СССР смог убедить Сунь Ятсена и членов партии Гоминьдан оказать поддержку в прессе: «В этом пункте я буду иметь на своей стороне общественное мнение и в особенности профессуру и студенчество, они вынуждены были согласиться...Пункт этот имеет для нас, конечно, громадное значение, ибо порядок расходования, на котором я буду настаивать, будет заключаться в том, чтобы наш представитель принимал участие в каком-нибудь комитете, который будет распределять и распоряжаться контролировать расходование этих сумм. Это даст нам возможность, во-первых, создать ряд китайских просветительских учреждений с нашим влиянием, куда мы сможем привлечь наших преподавателей к изучению русского языка и вообще на эти средства можно создать орудие нашей пропаганды, орудие нашей культурно-просветительской деятельности в Китае»⁴⁵⁰.

Объединенный фронт, поддержав совместное советско-китайское руководство КВЖД, не оставил министру иностранных дел Гу Вэйцзюню вариантов дальнейших действий – предложение Л.М. Карахана было принято.

Как только Гу Вэйцзюнь согласился на это решение, Л.М. Карахан и Ван быстро составили проект соглашения к 1 марта 1924 г. Л.М. Карахан в письме народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину так описывал вопрос о КВЖД в этом проекте: «Статья седьмая касается вопроса о КВЖД. Я думаю, Наркомфин может быть вполне удовлетворен этой статьей, так как раз Сокольников настаивал на выкупе дороги, как на одном из возможных способов

⁴⁴⁹ *Pichon P.-Y. Loh. Sino-Russian diplomatic relations and the effects upon China, 1919–1929 // Dissertation submitted the faculty of the division of the social sciences in candidacy for the degree of Master of Arts. Chicago, 1951. P. 148.*

⁴⁵⁰ АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8.П. 6. Д. 9. Л. 52–53.

разрешения. Статья эта вызвала наибольшие споры. Об этом я напишу особо после того, когда мы соглашение подпишем. Сейчас я хочу лишь отметить, что она собственно Китаю ничего не дает. Формально она означает наше согласие на досрочный выкуп КВЖ, но, во-первых, на конференции должна быть определена цифра выкупной суммы, которая, конечно, на основании исчисления наркомфина дойдет до 600-700.000.000 золотых рублей, затем оговорка, что выкуп должен быть произведен на национальные средства Китая, также лишает возможности Китай когда-либо этот выкуп произвести, ибо при теперешнем финансовом положении, когда кризис кабинета сплошь и рядом зависит от того, что министр финансов не может достать 1-2 млн, чтобы расплатиться с чиновниками, конечно исключена возможность уплатить такую большую сумму, а мы, само собой понятно будем настаивать на том, что дорога может быть передана только после того, когда вся эта сумма будет полностью выплачена русскому правительству. Пункт о том, что мы берем на себя ответственность перед акционерами и кредиторами до 1 февраля 1917 г. никого не должен страшить, ибо единственными кредиторами являемся мы сами. По пункту 8-му этого контракта мы имеем право транзитной отправки войск и военных материалов по этой железной дороге... Мы определяем бюджет дороги, а это есть основное орудие нашего давления на китайцев, на служащих, на все судьбы дороги»⁴⁵¹.

Кабинет Министров Пекинского правительства собрался 13 марта и согласился с основными положениями Соглашения. Однако в письме от 24 марта 1924 г. Л.М. Карахан сообщал о давлении со стороны Японии, США и особенно Франции, которая отправила официальную ноту протеста: «Вы знаете по телефону о ноте французского посланника, где он протестует против решения вопроса о КВЖД без участия Франции. Несомненно, это нота является попыткой не допустить соглашения. Незачем говорить, что юридические основания этого

⁴⁵¹ АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9. Л. 47–53.

протеста чрезвычайно сомнительны. На основании документов, которыми мы располагаем, можно сказать, что Франция и Русско-Азиатский⁴⁵² банк не имеют никаких прав на КВЖД»⁴⁵³. Китайские чиновники явно проигнорировали этот французский протест, когда Ван Чжэнтин подписал проект договора от 14 марта 1924 г. и даже несколько писем китайского Министерства внутренних дел опровергли тот факт, что это иностранное вмешательство оказало какое-либо влияние на продолжающиеся китайско-советские переговоры. После почти двухмесячной задержки китайско-советский договор был подписан в мае того же года. Основными положениями, касающимися КВЖД были:

- 1) КВЖД – коммерческое предприятие.
- 2) Правительство СССР соглашается на выкуп при посредстве Китайской Республики.
- 3) Все вопросы, касающиеся выкупа – размер и условия выкупа будут решены на предстоящей конференции.
- 4) СССР ответственен за все претензии по акциям и облигациям кредиторов, возникшие до революции 9 марта 1917 г.
- 5) Будущее КВЖД будет определено без участия какой-либо третьей стороны.
- 6) До подписания дополнительного договора КВЖД управляется совместно.
- 7) До решений предстоящей конференции контракт от 27 августа 1896 г. на постройку и управление КВЖД сохраняется в силе⁴⁵⁴.

Фактически, окончательный договор включал в себя все проекты от 14 марта 1924 г. – договор дословно, плюс семь заявлений, которые включали изменения к оригинальному тексту.

Но, пожалуй, самая важная информация содержится в преамбуле девятой статьи: «Правительства обеих Договаривающихся Сторон соглашаются

⁴⁵² Русско-Азиатский банк – самый крупный коммерческий банк Российской империи. Был образован путем слияния Русско-Китайского банка и Русского северного банка, учрежденных имперской Россией, с участием французских монополий 14 (27) декабря 1917 г. На основании декрета «о национализации банков» был национализирован.

⁴⁵³ АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9. Л. 54–55.

⁴⁵⁴ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 84.

урегулировать на вышеупомянутой конференции вопрос о Китайской Восточной железной дороге в соответствии с принципами, указанными ниже»⁴⁵⁵. Эта преамбула является ключом к пониманию дальнейших событий, связанных с КВЖД. Указание о предстоящей конференции позволили впоследствии НКЖД «оттягивать» ее созыв, а значит и решение проблем, связанных с КВЖД.

Необходимо отметить, что соглашение с Пекинским правительством не было признано Чжан Цзолинем – представителем Фэнтъянской⁴⁵⁶ клики, на что немедленно среагировало НКЖД, готовый предпринять самые решительные меры. Л.М. Карахан встретился 14 июня 1924 г. с министром иностранных дел Веллингтоном Ку. Свой разговор он описывал следующим образом: «В конце концов он признался, что действительно Мукден отказывается признавать Пекинское Соглашение, что туда послана делегация и он просит меня несколько дней подождать... Я спросил, имеет ли намерение китайское правительство принудить Чжан Цзолиня подчиниться? Не получив ответа на мой вопрос, я заявил ему, что есть два выхода. Один выход – если китайское правительство меня заверит, что оно заставит Чжан Цзолиня признать Соглашение и не остановится перед военными мерами. Если же оно такого заверения не может дать, то тогда, я думаю, что правительство мое предпочтет подписать соглашение с Мукденом, чтобы не осложнять дело»⁴⁵⁷. Однако противником этого соглашения выступил Г.В. Чичерин, что заставило НКЖД сделать шаг назад, но все также «оттягивать» конференцию: «Теперь, когда Вы против соглашения в Мукдене и вопрос о КВЖД должен быть решен с центральным правительством, я думаю, что, тем более не стоит открывать конференции до тех пор, пока вопрос о КВЖД не будет решен...Раз договор подписан, договор должен быть исполнен»⁴⁵⁸.

⁴⁵⁵ Указ. Соч.: Советско-китайские...С. 84.

⁴⁵⁶ Фэнтъянь (кит.) – известный больше, как Мукден (маньчж.) – один из крупнейших городов на северо-востоке Китая.

⁴⁵⁷ АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9. Л. 151–152.

⁴⁵⁸ АВП. РФ. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9. Л. 216.

В конце июня 1924 г. конференция должна была открыться. В разговоре между Веллингтоном Ку и Л.М. Караханом 28 июня 1924 г. Л.М. Карахан настаивал на своем, заявляя, что открытие конференции было простой формальностью, а не содержанием договора, поскольку серьезные дискуссии не могли начаться до осени по объективным причинам. Кроме того, СССР был убежден, что открывать конференцию не следует до тех пор, пока не будет выполнено условие совместного управления КВЖД, прописанное в договоре 1924 г. Л.М. Карахан даже заявил, что люди могут посмеяться над ним, если они будут сидеть на конференции, когда старые обязательства еще не были выполнены⁴⁵⁹

Веллингтон Ку не стал обвинять Л.М. Карахана в нарушении советско-китайского договора, но лишь заметил, что был бы рад узнать, что «вы получили необходимые инструкции от вашего правительства и что вы находитесь уполномоченным немедленно приступить к работе конференции»⁴⁶⁰.

Тем временем, Г.В. Чичерин изменил свою позицию по поводу правительства Чжан Цзолия, взвесив все «за» и «против»: «Инстанция находит в высшей степени желательным соглашение с Мукденом, но нельзя подписывать по одному и тому же предмету один договор с центральным правительством, а совсем другой договор с провинцией, это подорвет уважение к нашей подписи и к нашей ратификации. Надо поэтому подписать с Мукеном договор такого же содержания, как Пекинский, поместив в приложения сокращение срока концессий на 20 лет и уточнение вопроса о судоходстве»⁴⁶¹. В этой ситуации советское правительство начало переговоры с Чжан Цзолинем. Они велись с ведома Пекинского правительства и закончились 20 сентября 1924 г. подписанием «Соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Автономных Трех Восточных провинций Китайской Республики». С советской стороны его подписал Н.К. Кузнецов, с китайской – Чжэн Цян, Люй Жунхуан и Чжун Шимин.

⁴⁵⁹ *Elleman Bruce A. The Soviet Union's Secret Diplomacy Concerning...* P. 472.

⁴⁶⁰ Там же. С. 472.

⁴⁶¹ АВП РФ. Ф. 0179. Оп. 8. Д. 7. П. 6. Л. 71.

Соглашение состояло из 7 статей. В основном оно повторяло положения Соглашения по КВЖД: чисто коммерческий характер дороги, право ее выкупа китайской стороной (правда, с дополнением – по справедливой цене на национальные деньги Китая). Изменялся срок (с 80 до 60 лет), по истечении которого китайское правительство вступало бесплатно во владение дорогой (ст. I, п. 2). В течение ближайших 4 месяцев контракт 1896 г. должен был быть полностью пересмотрен (ст. I, п. 5.). Совершенно новой была статья о пропаганде, которая была направлена как против антисоветской деятельности белоэмигрантских организаций, так и против возможной коммунистической агитации со стороны советских служащих дороги (ст. V.). В итоге переговоров были подписаны две декларации: первая – о передаче правительству СССР всех консульских зданий, принадлежавших в Маньчжурии царскому правительству; вторая – о запрещении службы в различных правительственных учреждениях обеих стран как китайцев, так и бывших подданных России. Эта последняя декларация на практике реализована не была⁴⁶².

Таким образом, с советской стороны подписание Мукденского соглашения было продиктовано желанием исполнения договоренностей 31 мая 1924 г., которые Пекинское правительство осуществить не могло. 17 марта 1925 г. Пекинское правительство сообщило советским дипломатам об утверждении Мукденского соглашения в качестве приложения к соглашениям 31 мая 1924 г.⁴⁶³. Чжан Цзолинь, реальный хозяин положения в Маньчжурии, действовал, видимо, не только под нажимом иностранных держав, но и из соображений реальной экономической выгоды и личного престижа. В историографии существуют различные причины, заставившие СССР пойти на подписание соглашения с Чжан Цзоином. Г.С. Кретина считает, что советское правительство стремилось таким образом покончить с положением, когда КВЖД служила базой

⁴⁶² Указ. Соч.: Советско-китайские...С. 94–98.

⁴⁶³ ДВП СССР. Т. 7. С. 710–711.

контрреволюции⁴⁶⁴. Р.А. Мировицкая указывает, что при заключении соглашения 20 сентября 1924 г. руководство СССР учло совет Сунь Ятсена, высказанный им в беседе с А.А. Иоффе в январе 1923 г.: о необходимости выслушать мнение Чжан Цзолиня по поводу совместного советско-китайского управления дорогой⁴⁶⁵. Н.Е. Аблова считает, что советское правительство руководствовалось прежде всего желанием поскорее вступить в управление дорогой, чтобы затем решать и все остальные проблемы⁴⁶⁶.

3.2. Нарастание напряженности в советско-китайских отношениях

(1925–1927 гг.)

В мае 1925 А.Н. Иванов, русский генеральный директор Китайско-Восточной железной дороги, хотел инициировать массовые увольнения белых русских эмигрантов. Чжан Цзолин немедленно отправил войска в Харбин и, очевидно, запугал Иванова, чтобы тот отменил свой приказ.

Затем 10 ноября 1925 А.Н. Иванов издал приказ о том, что с 1 декабря 1925 г. китайские войска не будут переправляться через Китайско-Восточную железную дорогу в кредит, поскольку правительство Мукдена уже должно железной дороге более 11 млн долларов США за передвижение войск. На заседании правления КВЖД, состоявшемся в Харбине 30 ноября 1926 г., китайские члены протестовали против этой акции и получили неохотное согласие русских управляющих на то, что китайские железнодорожные охранники могут продолжать ездить без предоплаты. Однако это не решило основной проблемы, и спорный вопрос был снова поднят, когда генерал Го Сунлин поднял восстание в Маньчжурии в январе 1926 г.

21 января 1926 г., военнослужащим Чжан Цзолиня не разрешили сесть в поезд на участке Чанчунг-Харбин, поскольку плата за проезд не была внесена заранее. Китайские солдаты захватили поезд и принудили его работников везти

⁴⁶⁴ Каретина Г.С. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. С. 51.

⁴⁶⁵ Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20-30-е годы). С. 28.

⁴⁶⁶ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае... С. 156.

военнослужащих, что привело к тому, что Иванов прекратил все регулярные перевозки на линии. Поскольку проведенная в Харбине конференция оказалась бесполезной, генерал Чан Хуансян выполнил приказ Чжан Цзолиня и арестовал Иванова и трех русских членов Совета. На тот момент Китайско-Восточная железная дорога была уже захвачена китайскими военными и работала за счет белых русских эмигрантов. Временным главным управляющим вместо Иванова был назначен потенциальный враг советского режима – белый генерал⁴⁶⁷. В тот же день Л.М. Карахан, русский посол в Пекине, поставил трехдневный ультиматум Пекинскому и Мукденскому правительствам, требуя освобождения заключенных, восстановления порядка на железной дороге и исполнения обязательств по Соглашению.

А 24 января 1924 г. Г.В. Чичерин направил телеграмму китайскому правительству, в которой указывалось, что «этот неслыханный поступок харбинских властей произошел после того, как в течение пяти дней систематически нарушалось советско-китайское соглашение о КВЖД и управление фактически устранялось от исполнения своих функций военными властями, которые притом потворствовали нарушениям порядка на железной дороге и организовали захват поездов воинскими чинами. Мы ожидаем от китайского правительства принятия необходимых мер для мирного разрешения вопроса, не уклоняясь от расследования нарушений договора о КВЖД как с той, так и с другой стороны, и требуем, чтобы в трехдневный срок было достигнуто полное восстановление порядка на КВЖД, осуществление договора и освобождение Иванова»⁴⁶⁸. Далее Г.В. Чичерин даже угрожал военным вмешательством: «В случае, если по каким-нибудь причинам Китайское правительство окажется не в состоянии обеспечить в мирном порядке разрешение этих вопросов и указаний в срок, Советское правительство просит Китайское правительство разрешить СССР собственными силами обеспечить

⁴⁶⁷ Указ. Соч.: *Pichon P.-Y. Loh. Sino-Russian diplomatic relations...* P. 150.

⁴⁶⁸ Указ. Соч.: советско-китайские... С. 112.

осуществление договора и защитить обоюдные интересы Китая и СССР на КВЖД»⁴⁶⁹.

Надо отметить, что именно жесткая позиция СССР вынудила Чжан Цзолина пойти на переговоры. 24 января 1926 г. в Мукдене генконсул СССР Краковецкий и комиссар китайского МИД Гао Цинхэ подписали соглашение об освобождении А.Н. Иванова, о восстановлении нормального сообщения на железной дороге и о производстве китайских военных перевозок по ранее существовавшим правилам (за половину нормального тарифа и в кредит за счет доли прибыли с КВЖД Китайской стороной)⁴⁷⁰. Вскоре после этого заключенные были освобождены, а статус-кво — восстановлен. Для Пекинского и Мукденского правительств это было дипломатическим поражением или ошибкой руководства.

Однако положение Чжан Цзолия в вопросе о Китайско-Восточной железной дороге укрепилось, когда мятеж Го Сунлина был подавлен в 1926 г., и его превосходство сохранялось до смерти генерала 21 июня 1928 г.

В это время новым главным управляющим был назначен М. Емшанов. Емшанов назначил много персонала, в основном как «белых», так и «красных» русских, для технических работ на линии. Он заказывал необходимые материалы у русских групп и компаний. Китайцев дискриминировали при покупке товаров для железной дороги. В ответ Чжан Цзолин предпринял серию агрессивных действий после того, как его позиция в Маньчжурии была укреплена. В феврале 1926 г. китайские власти попытались отделить земельный вопрос от вопроса о железнодорожной администрации и закрыли функционировавшие конторы, регистрировавшие земельные сделки.

Переговоры по урегулированию нерешенных вопросов были открыты в Харбине в начале 1926 г., а затем перенесены в Мукден. Г.В. Чичерин в телеграмме Л.М. Карахану от 5 февраля 1926 г. указывал на следующие трудности: «Теперь мы стоим перед новой проблемой: какую занимать линию

⁴⁶⁹ Там же. С. 112.

⁴⁷⁰ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае...С. 166.

виду независимости Маньчжурии...Трудность заключается в том, что фактическое признание нового маньчжурского правительства будет облекаться в такие формы, которые будут одиозными для национального китайского движения»⁴⁷¹. Что же касается конфликта на КВЖД и путей его урегулирования, Г.В. Чичерин высказывал следующие мысли: «Создание комиссии по поводу КВЖД, причем на основании договора, это должна быть советско-китайская комиссия, между тем, Чжан Цзолинь хочет советско-маньчжурской комиссии. Наше участие в такой комиссии будет признанием отдельности маньчжурского государства и будет серьезнейшим образом использоваться против нас во всем Китае»⁴⁷².

Эти переговоры бессистемно продолжались до их провала 5 июня 1926 г.: «Переговоры, которые мы вели до сих пор, полностью показали, что при нынешней обстановке мы, конечно, сможем создать какой-то модус-вивенди, но ценой полного отказа от защиты наших существенных интересов на КВЖД и отдачей на произвол китайцев наших организаций и граждан... Вести переговоры в составе таких людей, которые имеются сейчас в Мукдене, совершенно недопустимо»⁴⁷³. После переговоров посол Л.М. Карахан, ставший персоной нон-грата для властей Пекинского и Мукденского правительств, после сильного давления был, наконец, заменен на А.С. Черных. А.С. Черных был назначен временным поверенным в делах России в Китае. Он оказался более приемлемым для китайцев.

В Маньчжурии продолжались трудности. 31 августа 1926 г. флот рек Сунгари и Амура, принадлежавший Китайско-Восточной железной дороге, был захвачен Китаем. Примерно в то же время, система образования Китайско-Восточной железной дороги была передана властям Китая. Это было сделано по приказу Чжан Цзолина на том основании, что школы использовались для

⁴⁷¹ АВП РФ. Ф. 0179. Оп. 9. П. 10. Д. 6. Л. 10.

⁴⁷² АВП РФ. Ф. 0179. Оп. 9. П. 10. Д. 6. Л. 10.

⁴⁷³ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М., 2008. С. 426.

распространения коммунистической пропаганды в нарушение Соглашения 1924 г. В такой ситуации народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин выразил официальный протест из Москвы: «Союзное правительство заявляет, что оно не может допустить действия автономного правительства Трех Восточных провинций, нарушающих существующие договоры и лишаящих СССР закрепленных соглашением прав на КВЖД. Союзное правительство ожидает немедленной отмены указанных выше требований к правлению КВЖД и требует передачи рассмотрения этих вопросов в ведение нормально действующих дипломатических органов обоих правительств»⁴⁷⁴.

Тот факт, что большая часть доходов железной дороги находилась в Дальбанке, а не в китайских банках, несомненно, являлся источником постоянного раздражения. Уже в августе 1925 г. китайские власти Харбина распорядились провести проверку счетов банка. Несмотря на протесты, проверка была проведена. Китайцы утверждали, что половина депозитов железной дороги должна быть передана китайским банкам. В итоге они воплотили свои планы в жизнь, и в 1927 г. половина средств была депонирована в «Банк Трех Восточных провинций» Чжан Цзолина. Ненависть Чжан Цзолина к Советскому правительству, возможно, была обусловлена его убеждением, что восстание одного из его лучших генералов, Го Сунлина, в ноябре 1925 г., было вызвано советскими махинациями, а также убеждением, что его заклятый враг, Фэн Юйсян, получал финансовую и иную помощь от Советского правительства⁴⁷⁵.

Надо отметить, что в отношении КВЖД Чжан Цзолин на протяжении последних лет применял извилистые пути административного воздействия и использования самых разнообразных сил для того, чтобы китаизировать⁴⁷⁶

⁴⁷⁴ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 115.

⁴⁷⁵ Указ. Соч.: *Pichon P.-Y. Loh. Sino-Russian diplomatic relations...* P. 152.

⁴⁷⁶ Печерица В.Ф. отмечает, что вопрос гражданства всех жителей КВЖД мог быть решён тремя способами: принять советское гражданство, китайское (самый значительный процент работающих на КВЖД) или не принимать ни того, ни другого гражданство – такие граждане были уволены с КВЖД с 1 июня 1925 г. См. Подробнее: *Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999. С. 276.*

КВЖД и закрепить эту железнодорожную магистраль за собою. Согласно распоряжению из ставки Чжан Цзолина, по всей линии на протяжении ряда лет шел административный нажим, который имел целью дать почувствовать русскому населению КВЖД, что хозяева этой дороги – китайцы; что самое лучшее русским убраться «по-добру, по-здорову» с этой дороги, и т. д. Следуя своим методам военного управления, Чжан Цзолин первым делом ввел на КВЖД китайскую военную охрану, которая привлекала на китайскую службу русских эмигрантов, используемых маньчжурской администрацией в качестве удобной силы, способной в неблагоприятных условиях служить китайцам и быть проводниками китайских интересов на КВЖД. Наряду с этим, шел процесс замены русских служащих и рабочих китайцами. Генерал Чжан Хуансян, в своём докладе Чжан Цзолину еще в 1924 г. сообщал: «Мы должны также развить свою деятельность по отношению к так называемым беженцам (русским), которые очутились здесь в крайне критическом положении. Многие из них, по всей вероятности, поступят к нам на службу, которая при легкой сравнительно работе обеспечит им сравнительно сносное существование. Мы можем их использовать в качестве наших агентов и защитников наших интересов среди русского общества и среди правящих кругов КВЖД оставаясь в то же самое время сами за кулисами»⁴⁷⁷.

Обстановка в Маньчжурии сильно беспокоила правительство СССР. 31 августа 1926 г. Г.В. Чичерин направил полпредам СССР в ведущих европейских странах телеграмму, в которой сообщалось, что: «Подлежащие органы союзного правительства на КВЖД довели до вашего сведения, что маршалом Чжан-Цзо-Лином предъявлены к Правлению КВЖД требования, которые в корне нарушают соответствующие постановления соглашения между СССР и Китаем от 31 мая 1924 г., дополненного впоследствии соглашением между СССР и автономным правительством Трех Восточных провинций Китая от 20 сентября 1924 г. Первое требование сводится к требованию одностороннего захвата всех судов,

⁴⁷⁷ Виленский-Сибиряков В.Д. Чжан-Цзо-Лин: Маньчжурская проблема. М-Л., 1925 г. С. 39–40.

принадлежавших КВЖД, а второе – к требованию ликвидации учебного отдела КВЖД и передачи всех школ КВЖД управлению народного просвещения при главноначальствующем особом районе Трех Восточных провинций Китая...Союзное правительство ожидает немедленной отмены указанных выше требований к правлению КВЖД и требует передачи рассмотрения этих вопросов в ведение нормально действующих дипломатических органов обоих правительств»⁴⁷⁸.

Несмотря на протест Чичерина от 31 августа 1926 г., китайские корабли под командованием адмирала Шена и командующего сунгарийским флотом Ин Зуина 2 сентября 1926 г. захватили флотилию КВЖД. При этом дела и имущества отдела судоходства КВЖД были направлены в отдел Северо-Восточного государственного пароходства⁴⁷⁹. А еще через 2 дня, по приказу Чжан Цзолина, был закрыт Учебный отдел КВЖД, несмотря на то, что большая часть обучающихся в этих школах, была детьми советских граждан. Так или иначе, школы были переданы под юрисдикцию Управления народного образования Объединенных Республик Восточных Провинций (Далее – ОРВП)⁴⁸⁰. Председатель Правления КВЖД с китайской стороны – Лю Шанцин, в знак протеста даже подал в отставку, а на его место был назначен бывший главноначальствующий в Харбине Юй Чунхан⁴⁸¹.

Ввиду этих событий, 7 сентября 1926 г. Г.В. Чичерин был вынужден направить еще одну ноту, поверенному в делах Китайской Республики в Москве, выражающую официальный протест, чтобы уже тот довел до сведения Китайской Республике: «2-го сентября китайскими властями в Харбине был произведен насильственный захват всех судов и всего относящегося к судоходству имущества Китайско-Восточной железной дороги, причем этот захват сопровождался удалением из учреждений служащих Китайско-Восточной

⁴⁷⁸ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 115.

⁴⁷⁹ «Амурская правда», 1926, 17 сентября, № 1932.

⁴⁸⁰ Там же. 10 сентября., № 1927.

⁴⁸¹ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае...С. 168.

железной дороги и заменой их другими лицами, с судов же были сорваны флаги Китайско-Восточной железной дороги и взамен их подняты флаги китайского военно-морского ведомства. 4 сентября этими же властями был произведен новый незаконный акт в виде насильственного удаления служащих Китайско-Восточной железной дороги из помещений учебного отдела и опечатания помещения этого отдела... Союзное правительство выражает твердую уверенность, что Китайское правительство в интересах сохранения и дальнейших нормальных взаимоотношений обоих государств не замедлит своим ответом и принятием необходимых мер в целях ликвидации конфликта с СССР»⁴⁸².

В 1927 г. Чан Кайши организовал «Контрреволюционный переворот 12 апреля». После этого события «функционировало», как минимум 3 центра, претендовавших на объединение Китая:

1) Пекинское правительство

Пекинское правительство оставалось единственным официально признанным государственным центром Китая в мире. Но к апрелю 1927 г. реальной властью оно не обладало, так как фэнтъянско-шаньдунская группа войск, находившаяся на территории правительства, выполнила указания своих генералов – Чжан Цзолиня, Чжан Цзунчана.

2) Национальное правительство.

Под контролем Уханьского правительства левого крыла Гоминьдана находилось несколько провинций Центрального Китая – Хубэй, Хунань, Цзянси. Уханьское правительство было непрочной государственной организацией, поэтому оно надеялось на сотрудничество с КПК и СССР.

3) Нанкинское правительство.

Правительство Гоминьдана представляло собой соединение правого крыла партии (наиболее консервативный сегмент) и антикоммунистических организаций – цзянсучжэцзянская группировка, гуандун-гуансийская и др. с

⁴⁸² Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 116.

новой милитаристской верхушкой – военных лидеров Северного и Северо-Восточного Китая, таких как Фэн Юйсян, Янь Синань, Чжан Сюэлян. Настоящим лидером партии по-прежнему оставался Чан Кайши.

После того, как Чан Кайши смог осуществить государственный переворот, революционная ситуация в Китае изменилась. Чан Кайши и Ван Дагао выступали против революции, в то время как советские большевики продолжали вести в Китае активную революционную пропаганду⁴⁸³. Тем временем, по приказу Чжан Цзоля, советский пароход «Память Ленина» был задержан в районе Пукоу войсками шаньдунского генерал-губернатора Чжан-Цзунчана. Вся команда парохода (три советских дипкурьера и жена советского военного советника Ф.С. Бородин) были арестованы и попали в тюрьму в г. Цзинань). «Дипломатическая почта была вскрыта, флаг парохода сорван, а пароход превращен в военное судно. Впоследствии, когда кантонские войска начали приближаться к Нанкину, отступающие северные войска затопили пароход. Команда парохода находилась до конца года в тюрьме без всякого суда, а над нашими курьерами начался суд в Пекине, и 12 июля⁴⁸⁴ 1927 г. они судом были освобождены ввиду не нахождения в их деле элементов преступления»⁴⁸⁵. Команда и вовсе выйдет на свободу только в 1928 г. Советский пароход «Память Ленина», так и не был возвращён СССР.

Когда наметилось относительное равновесие во взаимоотношениях между нами и Мукденом на почве делового контакта и заинтересованности обеих сторон удавалось даже заключать соглашения, регулирующие отношения на КВЖД. Так, например, 20 июня 1927 г. между Союзом ССР и мукденским правительством было заключено соглашение о постройке телефонных линий на дальнейшее расстояние между Харбином и Владивостоком. Хабаровском и Читой за

⁴⁸³ С этого момента и вплоть до начала войны с Японией в 1937 г. советские СМИ в Китае не могли работать свободно. Число собственных корреспондентов ТАСС сократилось до двух человек: в Шанхае остался Ловэл, а в Пекине – Слепак. (Подробнее см. *Чжао Юнхуа*. Русская пресса в Китае (1898–1956). М., 2017. С. 143.

⁴⁸⁴ В тексте ошибочно – декабрь.

⁴⁸⁵ ДВП СССР. Том X. 1927 г. М., 1965. С. 585.

счет прибылей КВЖД. Затем был урегулирован вопрос о хранении наличности КВЖД путем подписания 13 августа между советской и китайской частями Правления КВЖД особого соглашения. 1 декабря 1927 г. заключено соглашение по спорному школьному вопросу на КВЖД⁴⁸⁶.

После подавления Кантонского восстания, было разгромлено советское консульство, а сотрудники были арестованы. Кроме того, пять советских дипломатов – вице-консул А.И. Хассис, П.П. Макаров, В.А. Уколов, К.С. Иванов, Ф.И. Попов после допросов были расстреляны. В Шанхае с 15 по 18 декабря 1927 г. были закрыты все советские учреждения, в том числе и представительство КВЖД. 14–16 декабря нанкинское правительство вручило генконсулам СССР в Шанхае и Ханькоу ноты о разрыве дипломатических отношений. 17 декабря 1927 г. Генконсульство в Шанхае передало ответную ноту правительства СССР. Защиту интересов советских граждан на юге Китая взяло на себя германское правительство⁴⁸⁷.

Все события, которые происходили в 1927–1928 гг. (междоусобная война в Китае⁴⁸⁸, разрыв советско-китайских отношений, шаньдунский вопрос⁴⁸⁹) создавали сложный фон для осуществления совместного управления КВЖД СССР и Китаем. Но вопрос о КВЖД касался не только СССР и Китай. Свою лепту в споре о КВЖД пытались внести Франция, в связи с отказом Правления КВЖД от договора с Международным обществом спальных вагонов⁴⁹⁰, и Япония, которая была обеспокоена событиями на КВЖД летом 1928 г., связанных с восстанием монголов-бургутов, живших на территории Барги. Японское правительство начало активную антисоветскую пропаганду в прессе, обвиняя попутно СССР в убийстве Чжан Цзолиня, мукденских взрывах,

⁴⁸⁶ Указ. Соч.: ДВП СССР. Том X. С. 586–587.

⁴⁸⁷ Указ. Соч.: ДВП СССР. Том X. С. 588.

⁴⁸⁸ Имеется в виду война нанкинского правительства против объединения северных милитаристов, связанных с Японией – Чжан Цзолинем, Чжан Цзунчаном, Сунь Чуаньфана. Война приведет к взятию Пекина войсками Гоминьдана в июне 1928 г.

⁴⁸⁹ В мае 1928 г. Япония воспользовалась выгодной геополитической ситуацией, и силами квантунской армии захватила Шаньдун.

⁴⁹⁰ ДВП СССР. Том XI. 1928 г. – М., 1966. С. 77, 149.

коммунистических заговорах и, само собой, в намерении СССР захватить КВЖД⁴⁹¹. СССР был вынужден ответить теми же действиями: «Нами это истолковывается как стремление известных кругов провоцировать беспорядки и смуту в Маньчжурии. Укажите на неизбежность обостренной в советской прессе контркампании и на усиление подозрения к планам японской военщины»⁴⁹².

С момента заключения советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г. и до событий 1929 г. происходила эскалация дипломатических отношений между СССР и Китаем. Вопрос о совместном управлении КВЖД стал одним из наиболее сложных для решения, что обуславливалось множеством факторов, которые мы уже охарактеризовали выше.

Таким образом, основными итогами совместного управления КВЖД за период 1928–1928 гг. были:

1) КВЖД стала сложным узлом противоречий, распутать который стремилось сразу четыре актора внутривосточной борьбы в Китае. Образовались четыре соперничающих между собой блока – Правительство Трех Восточных Республик, Правительство Пекина, Гоминьдан с центром в Нанкине и СССР с различными целями, взглядами и методами контроля над КВЖД.

2) КВЖД оставалась важной социально-экономической артерией, однако из-за провокаций, дезорганизации работы, как с советской, так и с китайской стороны, КВЖД понесла значительные материальные и экономические убытки.

3) Непрерывающаяся борьба советской части правления и китайских властей привела к перманентным нарушениям советско-китайских договоров 1924 г., обесценивая и нарушая эти соглашения, стороны всё чаще находили возможным применить методы физического воздействия и даже военную силу. Этот фактор неизбежно должен был привести к военным действиям, что и произошло в 1929 г.

⁴⁹¹ Указ. Соч.: ДВП СССР. Том XI. С. 399.

⁴⁹² Там же. С. 399.

3.3. Военно-политический кризис на Дальнем Востоке: конфликт на КВЖД 1929 г.

В мае 1929 г. Люй Жунхуань, Председатель Правления КВЖД, заметил растущую напряженность в Маньчжурии. Он предложил русскому вице-президенту В.Г. Чиркину обсудить все спорные вопросы для того, чтобы предотвратить открытый разрыв. Переговоры 1929 г. могли завершиться компромиссом, который устранил бы почву возникновения последующего конфликта. Переговоры продолжались в течение некоторого времени, однако стороны не смогли достичь какого-либо соглашения. В историографии не устоялось определенного мнения о причинах провала этой конференции. Китайская историография целиком и полностью винит в этом советскую делегацию⁴⁹³. Однако В.М. Крюков и М.В. Крюков – специалисты по данной проблеме – считают, что виновата прежде всего, китайская сторона и выделяют сразу несколько причин:

1) Настаивая на осуществлении принципа паритета, она выдвинула неприемлемый способ ограничения прав Управляющего дорогой и упорно отстаивала его, вопреки здравому смыслу. Если бы советская сторона согласилась на предложение, чтобы вся документация Управления дорогой обретала законную силу лишь после того, как под ним появятся подписи Управляющего и его китайского помощника, обладавшего правом вето, это неизбежно привело бы, как на то резонно указывали советские члены Правления, к превращению оперативного органа дороги в дискуссионный клуб и полностью парализовало бы всю жизнедеятельность КВЖД.

2) Если советская сторона выражала свое несогласие с предложением о предоставлении китайскому помощнику Управляющего права вето, то китайская сторона категорически отвергала требование предоставить гарантии того, что впредь не будут применяться противоправные «захватные» методы решения

⁴⁹³ Хэ Ханьвэнь. История китайско-российских дипломатических отношений. Шанхай, 1935 г. С. 392.

спорных вопросов. При этом советская сторона приводила определенные доводы в пользу своей точки зрения относительно права вето, тогда как китайская сторона нежелание отказаться от силовых методов вообще никак не аргументировала.

3) Обсуждение этих проблем на заседаниях Правления было прервано отнюдь не из-за того, что советские представители «наотрез отвергли предложения китайской стороны». Чиркин передал этот третий вариант в Москву и еще не получил ни положительного, ни отрицательного ответа, когда в Харбине был предпринят очередной акт произвола китайских властей, выразившийся в демонстративно грубом нарушении международного права⁴⁹⁴.

27 мая 1929 г. китайская полиция в Харбине по приказу командира Ми Чуньлин, провела рейд на советское консульство, взломав и тщательно осмотрев помещения, а также арестовав всех советских граждан, которые были обнаружены в здании. Генеральный консул СССР в Харбине Б.Н. Мельников в срочной телеграмме заместителю наркома иностранных дел писал: «Сегодня, 27-го, за полчаса до окончания занятий в консульство внезапно ворвался наряд полиции, который произвел обыск. Я и сотрудники консульства были задержаны в течение шести часов. В отношении вице-консула Знаменского применено физическое насилие. Арестовано в помещении консульства около сорока советских граждан и сотрудников советских хозяйственных организаций, находившихся в этот момент в консульстве. Обыск продолжался шесть часов. Полиция ушла только в восемь часов вечера. Я категорически отказался подписать протокол обыска и заявил протест»⁴⁹⁵. Причина, озвученная китайским правительством в Нанкине, заключалась в том, что, согласно секретным отчетам, ВКП (б) планировала организовать публичную конференцию Третьего Интернационала в подвале консульства СССР в Харбине 27 мая с 12:00 до 15:00. Кто являлся доносчиком так и осталось неизвестным, но

⁴⁹⁴ Крюков В.М., Крюков М.В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. С. 137.

⁴⁹⁵ ДВП СССР. Том XII. 1929 г. М., 1967. С. 326.

ясно одно, что он был в курсе происходивших дел в Северо-Маньчжурском комитете ВКП (б).

К.К. Каваками приводит другую причину китайского налёта на Харбинское консульство. Согласно его точке зрения, в начале 1929 г. Чжан Сюэлян выдвинул требования к СССР, которые включали следующее:

1. Русский начальник Торгового Департамента Китайско-Восточной железной дороги, совершавший все покупки для железной дороги, должен был быть заменен китайцем.

2. Системы телефона и телеграфа должны быть полностью отделены от железной дороги и контролироваться Мукденом.

3. Главой Департамента Бухгалтерского Учета должен быть китаец.

4. Все земли, которые до этого контролировались железной дорогой, но касаясь которых нельзя обосновать, что они абсолютно необходимы для содержания железной дороги, должны быть возвращены под контроль Китая.

5. Месторождения полезных ископаемых – руд и леса, эксплуатируемые железной дорогой в соответствии с первоначальными соглашениями, должны быть переданы китайцам.

Возможно, именно крайняя серьезность этих требований побудила советского генерального консула в Харбине Б.Н. Мельникова созвать конференцию в Харбине 27 мая 1929 г., и что именно эта конференция в консульстве Харбина была подвергнута рейду китайцев на том основании, что там велись тайные переговоры, которые могли бы навредить китайскому народу⁴⁹⁶.

Независимо от конечной цели этого рейда, факты оставались неизменными: были задержаны 41 человек, участвовавших в заседании - служащие консульства, которые были переданы в распоряжение консула; а также 40 человек посторонних лиц, которые были отправлены в Полицейское Управление для дознания, одному из которых удалось скрыться. Среди участников был

⁴⁹⁶ Kawakimi K.K. The Russo-Chinese Conflict in Manchuria. // Foreign Affairs. 1929. Vol. 8. № 1. P. 52-68.

замечен генеральный консул СССР в Мукдене С.М. Кузнецов, а также три главных руководителя Северо-Маньчжурского комитета: Цимбаревич – главный управляющий Советского Дальневосточного Правления, Станкевич – агент коммерческой части Управления КВЖД и Таранов – инспектор советского торгового флота.

Большинство будут приговорены к тюремному заключению на срок от двух до девяти лет с исправительными работами. Консул Кузнецов из Мукдена и генеральный консул Мельников из Харбина были задержаны в резиденции начальника полиции. Мельников был уведомлен о том, что рейд был направлен не на консульство, а на коммунистическую организацию Третьего Интернационала⁴⁹⁷.

Утверждалось, что в консульстве было обнаружено большое количество компрометирующих документов, раскрывающих антикитайский заговор, планы убийства ведущих китайских чиновников и т. д. Ряд документов был частично сожжен, потому что, когда китайская полиция ворвалась в консульство, советские агенты поспешно уничтожили бумаги. Среди захваченных документов были следующие:

1) 20 января 1929 г. – из Харбина через Владивосток на заседание Третьего Интернационала в Москве – запрос большого количества китайских, русских и корейских террористов.

2) 23 января 1929 г. – из Москвы через Владивосток в Харбин – согласие предоставить дополнительные средства на сумму до 350 000 руб.

3) 18 января 1929 г. – из Третьего Интернационала через системы телефонной и телеграфной связи Китайско-Восточной Железной дороги агенту Третьего Интернационала – запрос информации о возможном терроре и указание продолжать работу до тех пор, пока она не будет полностью прервана.

4) 10 января 1929 г. – из Москвы через Владивосток в Харбин — необходимо производить дальнейшую реализацию следующих пунктов: признать лидерство

⁴⁹⁷ Крюков М.В. КВЖД... С. 138–139

Советской России; пропагандировать значение китайской революции; расширить работу Третьего Интернационала; устранить иностранных капиталистов, чтобы Китай был свободен; конфисковать землю помещиков и раздать ее крестьянам, и т. п.⁴⁹⁸.

Уже 6 июня 1929 г. состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждался вопрос об ответных мерах советского правительства и возможном военном вмешательстве. В ходе заседания разразились жаркие споры. К.Е. Ворошилов так описывал это заседание в письме Г.К. Орджоникидзе: «На последнем заседании ПБ у меня с Бухариным разыгралась довольно скверная история. Обсуждался вопрос о Китайских делах. Были высказаны мысли о необходимости военной демонстрации на границе Маньчжурии. Бухарин резко выступил против этого. Я в своем слове упомянул о том, что в свое время Бухарин отождествлял Китайскую революцию с нашей настолько, что гибель первой мыслил только с нашей гибелью. Бухашка отвечая, заявил, – что все мы кое-что говорили, но вот, мол, только ты Ворошилов один стоял за поддержку Фына и Чан Кайши, которые в то время резали рабочих. Эта беспардонная чепуха меня так взорвала, что я потерял самообладание и выпалил в лицо Николашке — лжец, сволочь, дам в рожу»⁴⁹⁹.

В тот же день, 6 мая 1927 г. заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР М.М. Литвинов дал обширное интервью в связи с обыском в советском полпредстве в Пекине. Кроме прочего, М.М. Литвинов заявлял о том что «если обстановка налета и обыска была такова, что совершенно не гарантировала возможности появления в числе захваченных материалов подложенных писем и документов, то немногие сведения, проникшее уже в печать, о содержании некоторых из этих документов, позволяют уже установить с полной несомненностью, что в данном случае мы имеем дело с широко задуманным планом опорочения путем подлогов деятельности советских

⁴⁹⁸ *Pichon P.-Y. Loh. Sino-Russian diplomatic relations... P. 157–158.*

⁴⁹⁹ Указ. Соч.: Письма И.В. Сталина... С. 123–124.

агентов в Китае и попыткой порчи отношений между СССР и другими державами, в частности с Японией. Я уверен, что по мере дальнейшего опубликования заглавий или самих документов это станет ясно всякому беспристрастному человеку»⁵⁰⁰.

И советская⁵⁰¹, и современная российская⁵⁰² историография указывает на несостоятельность обвинений китайского правительства по нескольким причинам:

1) Налет на консульство, взламывание закрытых дверей, арест граждан СССР в консульском помещении (советская территория) – грубейшее нарушение международного права.

2) Заявления и доклады во время дознания, расследования, суда противоречили друг другу. Китайская сторона так и не нашла достоверных доказательств того, что 27 мая 1929 г. в здании консульства происходило собрание как таковое и если оно гипотетически происходило, то доказать, что это было собрание Третьего Интернационала просто невозможно, как невозможно выяснить то, какие вопросы на нем обсуждались.

3) Литература, которая находилась в консульстве, изъятая, а затем задержанная в рамках следствия могла находиться на территории посольства, т. к. здание посольства – советская территория.

4) Непонятны последующие обвинения Чжан Сююэляна, судя по которым советские агенты должны были взорвать КВЖД, якобы для того, чтобы отомстить за обвинения Китая в узурпации ее участков КВЖД.

5) Вина Управляющего КВЖД и его советского заместителя даже не рассматривалась. Однако впоследствии, это не помешало правительству Китая

⁵⁰⁰ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 121.

⁵⁰¹ Подробнее см.: *Войтинский Г.* КВЖД и политика империалистов в Китае. М., 1930 г.; *Пескова Г.Н.* Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 гг. *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. И др.

⁵⁰² Подробнее см.: *Писарев А.А.* Советско-китайский конфликт 1929 г.: причины и последствия // *Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации.* Сб. статей. М., 2013.

сместить их с занимаемых служебных постов, объясняя эти действия вовлеченностью этих лиц в «инциденте 27 мая»⁵⁰³.

Ван Чжэнтин, китайский министр иностранных дел, занял примирительную позицию: он отрицал, что правительство Пекина было связано с рейдом в Харбине, и предложил провести тщательное расследование этого вопроса.

2 июня 1929 г. появилось сообщение еще об одном инциденте. Это был арест советского генерального консула в Мукдене, советского вице-консула в Харбине и одного из русских директоров Китайско-Восточной железной дороги на пограничной станции Маньчжоули в тот момент, когда они направлялись из Маньчжурии в Москву. «В обращении сообщалось, что причиной ареста советских служащих была их вовлеченность в пропаганду коммунистических идей, и выражалась надежда, что русское население города с должным пониманием отнесется к произошедшим переменам на железной дороге»⁵⁰⁴.

СССР понимал всю серьезность и необратимость ситуации. И.И. Спильванек – исполняющий обязанности консула СССР в Пекине в срочной телеграмме от 25 июня 1929 г. сообщал, что «вокруг нас настроения сгущаются. Дипломатические круги интересуются положением владений нашего посольства в случае разрыва. МИД пытается установить мнение дипломатического корпуса о возможности занятия китайцами части этих владений. Удеидейк⁵⁰⁵ относится к этому отрицательно. Наблюдение за нами усиливается. Дипломатические круги склоняются к тому, что в харбинском инциденте китайцы уступят с целью маскировки своей агрессивности в вопросе о КВЖД, захват которой не исключается. В этом отношении подталкивающей силой являются японцы»⁵⁰⁶.

После неудачной конференции с русским вице-президентом Совета, 10 июля Люй Жунхуань издал приказ, в котором указывалось следующее: чтобы вступить в силу, любой документ или приказ Китайско-Восточной Железной дороги

⁵⁰³ Крюков М.В. КВЖД... С. 152–153.

⁵⁰⁴ Там же. С. 190.

⁵⁰⁵ Посланник Нидерландов в Китае.

⁵⁰⁶ Указ. Соч.: ДВП СССР. Том XII. 1929 г... С. 365.

должен иметь подпись главного управляющего (русского), а также его заместителей (китайца и русского). Несколько отделов железной дороги должны быть доверены китайским работникам.

Именно в этот момент Чан Кайши отправился на северо-запад и договорился с Чжан Сюэляном и Ван Чжэнтином. Центральное правительство и руководство Маньчжурии после конференции согласовали политику в отношении Китайско-Восточной железной дороги. Их целью было возвращение Китайско-Восточной железной дороги под контроль Китая, и они уполномочили президента Совета директоров Люй Жунхуаня использовать свои полные права в соответствии с Соглашением 1924 г. независимо от возможности нежелательных инцидентов⁵⁰⁷.

В тот же день Люй Жунхуань выпустил публичный меморандум о том, что из-за неоднократных нарушений соглашения 1924 г. Советским Союзом, властям Китая пришлось предпринять эти шаги. «Советская сторона в течение пятилетнего срока проявила действия, противоположные принципам заключенного в свое время соглашения. До сих пор не урегулирован вопрос о правах и обязанностях Управляющего дороги, его помощника, вопрос о паритете служащих, нарушены действующие правила и прочее. Нарушение с советской стороны соглашения должно было повлечь расторжение договора. Однако вследствие миролюбия китайского народа и его представителей соглашение остается в силе до сих пор»⁵⁰⁸.

Когда А.И. Емшанов, русский главный управляющий, и А.А. Эйсмонт, русский вице-главный управляющий, отказались принять «незаконное требование» разделить управление железной дорогой с лицами, назначенными Люй Жунхуанем, они были немедленно уволены 11 июля 1929 г. Временно исполняющим обязанности менеджера был назначен Фань Цигуан 1929 г., китайский заместитель главного управляющего. Одновременно с этим, 10 июля 1929 г. китайские власти в Харбине арестовали более ста должностных лиц и

⁵⁰⁷ *Pichon P.-Y. Loh. Sino-Russian diplomatic relations... P. 159–160.*

⁵⁰⁸ *Крюков М.В. КВЖД... С. 191.*

сотрудников Китайско-Восточной железной дороги на том основании, что против них были найдены улики в документах, изъятых китайскими властями во время рейда 27 мая 1929 г. Некоторые из арестованных были немедленно выдворены, в том числе А.И. Емшанов⁵⁰⁹.

Генерал Чжан Цзинхуй, губернатор Харбинского района, отдал приказ о дальнейших решительных действиях. Вся система телеграфа Китайско-Восточной железной дороги была захвачена, Союз Русских Железнодорожных Работников был распущен, а офисы Советского Торгового Флота, Дальневосточной Организации Государственной Торговли и синдиката «Нафта» были закрыты⁵¹⁰.

14 июля 1929 г. Советское правительство передало китайскому поверенному в делах Ся Вейсуну через вице-комиссара по иностранным делам Л.М. Карахана протест, включавший трехдневный ультиматум. В ноте указывалось, что право назначать и увольнять должностных лиц принадлежит всему Совету директоров: «Вышеуказанные действия представляют собой самое очевидное и самое грубое нарушение прямых и недвусмысленных постановлений существующих договоров между СССР и Китаем, и эти решения не становятся менее вопиющими от того, что дубань дороги в своем объявлении сам ссылается на обязанность представителей сторон на КВЖД строго соблюдать договоры, пытаясь замаскировать своей ссылкой незаконные действия»⁵¹¹.

Действия, предпринимаемые Люй Жунхуанем без какого-либо совета с вице-президентом Правления, противоречили положениям соглашения 1924 г. Советское правительство требовало соблюдения следующих пунктов:

⁵⁰⁹ *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае... С. 202–203.

⁵¹⁰ Более 200 советских железнодорожников были арестованы и брошены в тюрьму, среди них 85 человек на станции Хайлар и 60 на станции Покоту, а около 60 советских граждан, в том числе управляющий КВЖД Ермашев, высланы из Китая. Всего число арестованных советских железнодорожников возросло до 2 с лишним тысяч человек. Подробнее см.: *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. С. 84.

⁵¹¹ Указ. Соч.: Советско-китайские... С. 126.

1. Немедленный созыв конференции для урегулирования вопросов, связанных с Китайско-Восточной железной дорогой.

2. Китайские власти должны немедленно отменить все незаконные приказы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги.

3. Все арестованные советские граждане должны быть немедленно освобождены, а китайские власти должны были прекратить все преследования советских граждан и советских учреждений.

Если эти пункты не будут выполнены в течение трёх дней, Советское правительство «будет вынуждено прибегнуть к другим средствам защиты законных прав СССР»⁵¹².

Нота Л.М. Карахана спутала Ван Чжэнтину все карты. Принять условия ультиматума он не мог. Для Национального правительства это означало бы потерю лица, для министра – утрату того преимущества перед советской стороной, которое он так удачно только что получил. Но отклонение выдвинутых Москвой условий, в свою очередь, привело бы к тому, что перспектива переговоров с позиции силы для Нанкина становилась в высшей степени призрачной⁵¹³.

Через два дня китайское правительство вынуждено было дать ответ. 17 июля Ся Вэйсун отправил ноту на имя Л.М. Карахана, в которой выдвигались следующие условия нормализации отношений:

1) СССР обязан освободить всех арестованных Государственным политическим управлением китайских граждан и предоставить им возможность возвратиться на родину, не включая сюда тех, кои освобождены по поручительству Посольства и консульств с разрешением проживать в пределах СССР.

⁵¹² Там же. С. 129–130.

⁵¹³ Крюков М.В. КВЖД... С. 198.

2) Если всем нашим гражданам, торговцам и обществам будет гарантирована должная и необходимая защита, то в подходящий момент будет дано соответствующее отношение ко всем опечатанным советским учреждениям.

«Одним словом, Правительство Китайской Республика я его народ относятся к Советскому Правительству и его народу с надеждой, что Советское Правительство само сознательно исправит свои неправильные действия, совершенные в прошлом времени, а в отношении данного дела необходимо, чтобы Советское Правительство с уважением относилось к суверенитету Китая и его законам и не делало предложений, отрицающих существующие факты»⁵¹⁴.

Союзное правительство, как и ожидалось, посчитало ноту китайского правительства неудовлетворительной по содержанию и лицемерной по тону. СССР вынужден был признать, что все средства урегулирования конфликта исчерпаны, а спорные вопросы и конфликты на КВЖД дипломатическими средствами решить не получится. Поэтому СССР был вынужден пойти на крайние меры:

1. Отзыв всех дипломатических, консульских и торговых представителей с территории Китая.
2. Отзыв всех лиц, назначенных правительством СССР на Китайско-Восточную железную дорогу, с территории Китая.
3. Приостановка всего железнодорожного сообщения между Китаем и СССР.
4. Предложить дипломатическим и консульским представителям Китайской Республики в СССР немедленно покинуть территорию СССР.

В то же время правительство СССР заявило, что оно сохраняет за собой все права, вытекающие из Пекинского и Мукденского соглашений 1924 г.⁵¹⁵

Все, что происходило летом 1929 г. легко объяснить, если взглянуть на проблему с позиции историзма. Совершенно понятно желание внешнеполитического ведомства и правительства Китая вернуть КВЖД в свое

⁵¹⁴ Указ. Соч.: ДВП СССР. Том XII. 1929 г... С. 391–392.

⁵¹⁵ Указ. Соч.: Советско-китайские...С. 133.

лоно, пусть и никогда до советско-китайского договора 1924 г. Китай не распоряжался всей дорогой самостоятельно. Да и договор 1924 г. заключал в себе много трудностей и был, скорее, победой советской дипломатии, чем Китая. СССР, в конкретных исторических условиях 1929 г., не мог передать КВЖД безвозмездно, он рассчитывал получить значительные дивиденды, чтобы покрыть расходы на сооружение КВЖД Российской империей. Хотя и правительство Советов откращивалось от царской России, внешняя политика действовала согласно старым государственным принципам и применялись, в сущности, одни и те же методы в дипломатии, только в новой «идеологической обертке» и новым бюрократическим ресурсом.

По прибытии в Шанхай, Ван Чжэнтин сделал заявление 19 июля, в котором он заявил, что использование советскими агентами Китайско-Восточной железной дороги в качестве базы для коммунистической пропаганды против правительства Китая, существующих социальных институтов и порядка, дает Китаю полное право для того, чтобы предпринять превентивные и чрезвычайные меры, чтобы захватить контроль над железной дорогой, а также ее телеграфной и телефонной сетями. Китайское правительство особенно подчеркивало, что не желало разрыва дипломатических связей с СССР и продолжает учитывать советские интересы на КВЖД.

На государственном совещании 19 июля 1929 г. было принято решение отозвать весь дипломатический персонал, обратиться к Германии с просьбой представлять интересы китайских эмигрантов в СССР и, вместо ответа на советскую ноту, направить обращение в Лигу Наций и правительствам всех стран, подписавших пакт Келлога. В этом обращении перечислялись все претензии к советскому правительству и объявлялось, что решение Китая национализировать КВЖД – это нормальный, логичный ответ на недопустимые действия СССР.

Таким образом, разрыв дипломатических отношений между правительством Советской России в Москве и правительствами Нанкина и Мукдена в Китае был завершен.

В конце лета 1929 г. советско-китайские отношения со всей скоростью двигались к цели, которая еще в 1924 г. без ведома СССР или Китая была определена огромным количеством проблем, в том числе, связанных с КВЖД. Этой «целью» была пропасть, к которой медленно, но, верно, скатывались два государства. Ответственность за подобное развитие событий советская⁵¹⁶ и современная российская⁵¹⁷ историография возлагает на Китай. Однако, по нашему мнению, противоречия были заложены в советско-китайских отношениях еще в 1924 г. События, которые так стремительно развивались в 1929 г., шли к логичному завершению. Накануне военного конфликта уже поступали «тревожные звоночки»:

1) Сосредоточенные у советской границы китайские войска с августа по ноябрь 1929 г. совершали постоянные нападения и обстрелы советской территории, наиболее активное участие в этом принимали хунхузы, пограничные войска и белогвардейские отряды. 20 июля, после призывов Чан Кайши к войне с СССР, провокации регулярной китайской армии стали иметь не эпизодический, а систематический характер⁵¹⁸.

2) Китайские власти проводили жесткую репрессивную политику в отношении проживавших в Харбине по отношению к советским гражданам.

3) Постоянное обострение обстановки происходило из-за действий Гоминьдана и лично Чан Кайши. Он пользовался военным опытом советских

⁵¹⁶ Подробнее см.: *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае...

⁵¹⁷ *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М., 1999.

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений.

⁵¹⁸ Подробнее см.: *Советско-китайский конфликт 1929 г.:* Сб. документов. М., 1930.

военных специалистов⁵¹⁹, но был решительным противником как советской внешней политики, так и коммунистической идеологии вообще⁵²⁰.

СССР должен был принять ответные меры, и он это сделал. 6 августа все вооруженные силы, расположенные на Дальнем Востоке, были объединены в «Особую Дальневосточную армию» во главе с В.К. Бдюхером. Столь долгая, запутанная и противоречивая история советско-китайских отношений в 1920-е гг. закончилась почти в один миг. 17 ноября 1929 г. ОДВА перешла границу с Китаем. 18 ноября был занят Чжанайлор. 20 ноября г. Маньчжурия. Лян Чжуцзян – командующий Северо-Западным фронтом был взят в плен вместе со своим штабом, офицерами и больше, чем 9 тысяч солдат⁵²¹.

Таким образом, итоги советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г. были следующими:

1) Военное вмешательство СССР поставило окончательную точку в советско-китайских отношениях в 1920-е гг. СССР смог «сохранить лицо» и упрочить международный авторитет, восстановив деятельность КВЖД на принципах Мукденского и Пекинского соглашений, прекратить преследования советских граждан в Маньчжурии и провокации белых отрядов.

2) Урегулирование ситуации на КВЖД не привело к нормализации дипломатических отношений между СССР и Китаем. Чан Кайши неоднократно намеревался сорвать переговоры Чжан Сюэляна с советскими представителями, пытаясь создать «смешанную комиссию» по расследованию обстоятельств конфликта с председателем нейтральной стороны в надежде добиться участия западных держав, но эти попытки не увенчались успехом. Так или иначе, Чан Кайши отказался признать Хабаровский протокол.

⁵¹⁹ Юркевич А.Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е гг.). // Вестник Российского университета дружбы. 2009.

⁵²⁰ Подробнее см.: Jay Taylor. The Generalissimo: Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Harvard University Press, 2009. P. 97–141.

⁵²¹ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае...С. 211–212.

3) Международное сообщество крайне неоднозначно восприняло инцидент 1929 г. С одной стороны, западные державы выражали недовольство тем, что СССР, присоединившись к пацифистскому пакту Бриана-Келлога, применил военную силу для защиты своих государственных интересов. С другой стороны, они осудили маньчжурские власти, которые военным путем пытались захватить чужую собственность. Просьба Чжан Сюэяна рассмотреть вопрос в Совете Лиги Наций была отклонена. Л.М. Карахан в письме К.Е. Ворошилову от 10 августа 1929 г. так характеризовал международные последствия для СССР: «Пока в межд[ународном] отношении мы выиграли: 1) мы решительно реагировали на захват дороги и показали этим нашу силу; 2) мы оказались пацифистами; 3) мы, это признано всем миром, являемся правой стороной в конфликте; 4) китайцы проявляют малодушие, забегают, просят начать переговоры, а мы спокойно настаиваем на удовлетворении некоторых предварительных условий; 5) наконец, мы всколыхнули весь мир и привлекли всеобщее внимание к СССР, что очень неплохо»⁵²².

В целом, конфликт на КВЖД нанес большой ущерб миру и безопасности на Дальнем Востоке, советско-китайские противоречия значительно облегчили агрессивным силам Японии вторжение в Китай, которое, в свою очередь, заставило в корне перестраивать и корректировать советскую внешнюю политику в 1930-е гг.⁵²³. Появилась еще одна трещина в послевоенной системе мирного урегулирования, правда в этот раз, далеко на Востоке⁵²⁴.

⁵²² Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. С. 20.

⁵²³ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Том VII. Китайская Республика (1912–1949). М., 2017. С. 284.

⁵²⁴ Гришаева Л.Е. От Версаля к войне... О «роли» «буферных» государств.

Глава 4

Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на японском направлении

(1920-е – первая половина 1930-х гг.)

4.1. Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана по разрешению внешнеполитических проблем в советско-японских отношениях

(1920-е гг.)

После того, как 30 декабря 1922 г. возникло новое союзное государство – СССР, Япония и Советское государство столкнулись с необходимостью установления дипломатических отношений, т.к. все договоренности перестали существовать после включения в ноябре 1922 г. ДВР в состав РСФСР.

Неудавшаяся интервенция в Россию (1918–1922 гг.) вынудила правительство Японии искать финансовую поддержку у своих союзников – Великобритании и США, т.к. в первой половине 1920-х годов экономические позиции Японии в Азии были ослаблены отчасти из-за ужесточения конкуренции со стороны иностранного капитала, который вытеснял Японию из зоны КВЖД, проходившей через Маньчжурию. Л.Н. Кутаков отмечает, что «объем японской торговли в Тихоокеанском регионе сократился со 180 миллионов иен в 1920 году до 97 миллионов иен в 1923. Японский импорт в Соединенные Штаты, в частности шелка-сырца и шелковых тканей промышленного производства, также резко сократился. На фоне возросшей напряженности в отношениях с Вашингтоном и Лондоном зависимость от американского рынка заставила японское деловое сообщество, особенно тех, кто присматривался к российскому Дальнему Востоку и северо-восточному Китаю, заинтересоваться развитием отношений с СССР, который они рассматривали как рынок сбыта, так и источник сырья»⁵²⁵. Этот вывод подтверждает письмо Л.М. Карахана в Политбюро ЦК РКП (б) в связи с намерением японцев приобрести Северный Сахалин:

⁵²⁵ Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962. С. 15–16.

«Отношение к России и возобновление сношений с нами является в настоящее время центральным вопросом, который волнует японские общественно-политические и торгово-промышленные круги... это говорит о том, что японское правительство испытывает сильнейшее давление и вынуждено искать контакта с нами, вынуждено торопиться с возобновлением переговоров или по крайней мере создать иллюзию, что оно предпринимает необходимые шаги для возобновления сношений с Россией»⁵²⁶. Однако Л.М. Карахан подмечает, что Япония боится идти на официальные переговоры, потому что как только будет созвана официальная конференция, переговоры станут достоянием гласности, что может отрицательно сказаться на взаимоотношениях Японии с Великобританией и США, которые официально не признали СССР, поэтому японское правительство старалось закулисным образом договориться с СССР по всем спорным вопросам, особенно это касалось вопроса о принадлежности Северного Сахалина, т.к. японская военная аристократия не оставляла надежды на экономическое и политическое проникновение на территорию Северного Сахалина. Этот вывод подтверждается письмом о целесообразности возобновления переговоров с Японией, которое было отправлено Г.В. Чичериным И.В. Сталину 15 декабря 1923 г.: «Тов. Карахан предлагает ввиду открытия японского парламента обратиться с официальной нотой к японскому правительству и запросить в ней последнее, согласно ли оно на официальную конференцию и когда именно... Мы питаем весьма мало надежд на начало переговоров с Японией, так как после землетрясения ее зависимость от великих держав чрезвычайно усилилась и державы не позволят ей заключить с нами договор. Брюскирование в форме постановки в упор вопроса не поможет делу, ибо яп[онское] правительство] всегда найдет возможность как-нибудь увильнуть»⁵²⁷.

⁵²⁶ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 156.

⁵²⁷ Там же. С. 231.

Экономические проблемы усугубило так называемое «Великое землетрясение Канто», произошедшее 1 сентября 1923 г., и последовавшее за ним цунами, унесшее более 100 тыс. жителей. Л.М. Карахан в письме наркому иностранных дел СССР Г.В. Чичерину так описывал последствия землетрясения для японской экономики: «Японии землетрясением нанесен действительно сильный удар, необходимы многие годы, прежде чем Япония восстановит свое положение... Прежде всего, разрушена внешняя торговля Японии... Чтобы восстановить свое положение в этом отношении, предстоит большая, продолжительная работа. Но главный удар землетрясение нанесло японским финансам... В связи с восстановлением японский ввоз должен будет очень сильно увеличиться»⁵²⁸. Л.М. Карахан особо отмечал стратегическую важность Северного Сахалина: «При решении сахалинского вопроса соглашения по другим вопросам будут без труда достижимы... Северный Сахалин имеет исключительное военное значение для нас и интересы нашего престижа (мы не распродаем России)»⁵²⁹. Однако впоследствии позиция СССР неоднократно менялась, когда Япония предлагала выкупить Северный Сахалин, но все переговоры по этому вопросу упирались в цену. Сумма, которую предлагала Япония, была несоизмерима мала, т.к. Северный Сахалин являлся не только важнейшим военным плацдармом СССР на случай военной угрозы, но и торгово-экономической базой, где в достатке добывались уголь, нефть, располагались лесные богатства и был развит рыболовный промысел. Цена, установленная советским правительством, была чрезмерно высокой для Японии, чья экономика переживала не лучшие времена: «Комиссия о Сахалине предлагает поэтому Политбюро в дополнение к прежнему его решению о продаже Северного Сахалина за 1 млрд руб. золотом принять следующее постановление, относящееся к тактике переговоров: «При определении стоимости Северного Сахалина может быть обоснована сумма в 1500 млн зол[отых] рублей»⁵³⁰.

⁵²⁸ Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 247–248.

⁵²⁹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 158.

⁵³⁰ Там же. С. 211.

Таким образом, мы выделяем несколько факторов, которые препятствовали урегулированию спорных вопросов и заключению дипломатического соглашения с Японией:

1) Николаевский инцидент (март 1920 г.), в ходе которого советские партизаны убили японских военнослужащих и мирных жителей. Николаевские события служили главным аргументом японской стороны, с помощью которого они оправдывали оккупацию Северного Сахалина.

2) Финансовые обязательства советского правительства по царским долгам. По разным расчетам, японское правительство называло цифру в размере 400 миллионов золота. В свою очередь, СССР приводил не меньшие цифры, выдвигая претензии по экономическому ущербу, который был нанесен Японией и другими западными державами в ходе военной интервенции в России с 1918 по 1920 гг.

3) Декларация соглашения между СССР и Японией. Признание СССР де-юре повлекло бы за собой возможные политические санкции со стороны международного сообщества и Лиги Наций.

4) Каннская резолюция. В начале января 1922 г. страны – участницы Антанты подписали резолюцию Верховного совета Антанты, согласно которой РСФСР, а следовательно, с декабря 1922 г. и СССР, обязан был признать государственные долги царского правительства, не распространять коммунистическую идеологию в другие государства, возместить конфискованную иностранную собственность и пр.

Эти выводы подтверждаются и в мемуарах Того Сигэнори – министра колоний, позднее – министра Великой Восточной Азии и министра иностранных дел: «Было очевидно, что, поскольку японские войска оккупировали Северный Сахалин и обращенное к нему континентальное побережье, Японии было необходимо вести переговоры с советским режимом в целях гарантирования компенсации за инцидент в Николаевске. Было также необходимо обеспечить возврат правительственного кредита, предоставленного России во время войны,

и защиту прав частной собственности. Наконец, Японии надо было предотвратить деятельность коммунистов на своей территории»⁵³¹.

Немаловажную роль в переговорах с советскими представителями по урегулированию советско-японских отношений сыграл Гото Симпэй (1857–1929 гг.) – министр внутренних дел Японии, возглавивший переговоры с СССР. 10 августа 1923 г. в письме к Г.В. Чичерину Гото Симпэй призывает СССР к мирным переговорам, объясняя это тем, что «добрые взаимоотношения между Японией и Россией не только служат счастьем обоим народам, но также способствуют стабилизации соседнего государства – Китая и его культурному существованию; они служат также основой мира на Востоке Азии и, наконец, дальнейшим последствием этих добрых взаимоотношений должно быть то, что вместе с Америкой они способствуют установлению мира на Тихом океане и тем самым во всем мире»⁵³². Этот призыв к всеобщему миру был по достоинству оценен НКВД СССР. Ответ готовился почти 2 месяца. 7 октября 1923 г. Л.М. Карахан из Пекина дает обстоятельный ответ: «Самым целесообразным решением русско-японской проблемы было бы заключение такого договора, который определяет и решает вопросы, имеющие основное жизненное значение для обоих народов, такое решение вопроса, которое служит живому народу, а не мертвым формулам и сомнительным обязанностям международной солидарности. С этой точки зрения договор, который должен быть заключен между нами и Японией, мне кажется, должен быть типа Рапалльского договора... Все старое позади, а будущее обоих народов должно строиться на новых, ясных началах, которые не носили бы на себе следов прошлых обид и ненужных расчетов. Это принцип, который я мог бы назвать принципом «взаимной амнистии»... Чтобы идти вперед, нужно сбросить балласт старых предрассудков, нужна решимость твердо прокладывать путь там, где жизненные интересы народа этого требуют. Мертвыми формулами о старых обязательствах

⁵³¹ *Того Сигэнори*. Воспоминания японского дипломата. С. 118.

⁵³² *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. С. 144–145.

пусть пользуются те страны, которые достаточно экономически самодовлеющи, чтобы не чувствовать острой необходимости дружбы с новой Россией»⁵³³.

Важно отметить, что с февраля 1923 г. до конца июля 1923 г. переговоры о нормализации советско-японских отношений между СССР и представителем Японии Гото Симпэем вел А.А. Иоффе – советский дипломат и партийный деятель. Стороны не достигли консенсуса по вопросу установления дипломатических отношений и рыболовства в советских водах. Поэтому 16 июля 1923 г. вышло постановление Политбюро ЦК РКП(б) «о замене тов. Иоффе»: «Поручить НКВД послать т. Иоффе письмо с точным указанием на то, что ход переговоров с Японией показал, что мы в этих переговорах запутаны японцами и что дальнейшее пребывание т. Иоффе в Японии облегчает вредную для нас игру японцев, демонстрирующих перед общественным мнением своей страны наличие действительных переговоров, которых на деле нет»⁵³⁴. Именно поэтому ответ японскому представителю – Гото Симпэю – был отправлен Л.М. Караханом. Таким образом, НКВД СССР продемонстрировал, что все дипломатические неудачи позади, а переговоры с Японией будет вести Л.М. Карахан – официальный представитель СССР в разрешении дальневосточных вопросов. Кроме того, вести переговоры в Токио или Москве было политически невыгодно, т.к. на стороны оказывалось давление правительства и общественности. Пекин, куда Л.М. Карахан с 1923 г. был официально назначен полпредом СССР в Китае, представлялся СССР и Японии более выгодной дипломатической площадкой⁵³⁵, т.к. обе страны могли бы иметь там равные и прочные политические позиции⁵³⁶.

⁵³³ ДВП СССР. Т.6. М., 1962. С. 471–472.

⁵³⁴ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 215.

⁵³⁵ Переговоры будут продолжены в Пекине после смены состава правительства в Японии в 1924 г., куда Гото Симпэй не вошел.

⁵³⁶ Подробнее см.: *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. С. 147–148.

Иосидзава приехал в Пекин в феврале 1924 г., а уже в марте он встретился с Л.М. Караханом для предварительных консультаций. 22 марта 1924 г. огласил предварительные условия японцев для начала дипломатических переговоров:

- 1) Строгая секретность.
- 2) Переговоры никак не называются, ни официальными, ни частными, – ведутся между двумя дипломатами – Иосидзавой и Л.М. Караханом.
- 3) СССР должен разрешить владивостокские инциденты: освобождает арестованных японских офицеров, обвиненных в шпионаже, Ватанабэ – японский консул – будет официально признан советским правительством⁵³⁷, будут восстановлены почтовые сообщения⁵³⁸.

27 марта 1924 г. Л.М. Карахан получил первое предложение Японии о восстановлении дипломатических отношений, однако Политбюро ЦК РКП(б) выдвинуло ряд требований относительно предложения японской стороны: «Согласиться на официальные переговоры с Японией через официальных лиц, но лишь на условиях:

- 1) Признания нас Японией де-юре.
- 2) Согласия Японии на эвакуацию Северного Сахалина.
- 3) Отказа Японии от претензий по николаевским событиям, причем мы согласны выразить сожаление (официально) по поводу этих событий.
- 4) Признания с нашей стороны предоставления льготных (но не безвозмездных) концессий для японцев.
- 5) Урегулирования вопросов о частных претензиях и государственных долгах при прочих равных условиях на тех же основаниях, что и с другими государствами»⁵³⁹.

⁵³⁷ Ватанабэ будет официально признан 2 апреля 1925 г. после подписания советско-японской конвенции 20 января 1925 г.

⁵³⁸ Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 263.

⁵³⁹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 240.

Необходимость восстановления дипломатических отношений была обусловлена различными факторами: необходимостью налаживания взаимовыгодных торгово-экономических отношений, накопившимися спорными территориальными и финансовыми вопросами после окончания Первой мировой войны, вопросом о рыболовном промысле и японских концессиях на Северном Сахалине. Общим благоприятным фоном послужили признание СССР на мировой арене 1 февраля 1924 г. Великобританией («прорыв дипломатической блокады СССР») и подготовленная общественность Японии и СССР, постоянно разогреваемая официальной прессой. Этот благоприятный момент понимали и в НКВД СССР. 26 ноября 1924 г. Л.М. Карахан сообщал наркому иностранных дел СССР Г.В. Чичерину: «Хотя общая объективная обстановка должна была бы толкать Японию к немедленному восстановлению сношений с нами и во всяком случае к немедленному открытию конференции, есть какие-то факторы, которых мы не могли прощупать, но которые все время сдерживали Японию в отношении нас»⁵⁴⁰.

14 мая 1924 года в Пекине начались официальные переговоры между Иосидзавой⁵⁴¹ и Л.М. Караханом. Их основная повестка включала дискуссии о планах эвакуации японских войск с Северного Сахалина и экономические вопросы, в первую очередь условия концессий Японии в этом регионе. Японская сторона настаивала на этих уступках как своеобразной форме компенсации за вывод своих войск с советской территории. Переговоры осложнялись тем, что в японском правительстве существовали разногласия о целесообразности советско-японских переговоров. В письме к Г.В. Чичерину Л.М. Карахан сетовал: «Из различных источников мы получили подробности о положении Иосидзавы. Между ним и Мининделом очень серьезные разногласия по русскому вопросу. Иосидзава стоит за то, чтобы принять наше предложение,

⁵⁴⁰ Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 254.

⁵⁴¹ В литературе также встречается транслитерация «Ёсидзава».

Сидэхара⁵⁴² – против. И так как Иосидзава проявлял все время настойчивость, требуя, чтобы японское правительство пошло на уступки, то отношения между ним и Сидэхарой очень натянутые и Сидэхара хочет как-нибудь избавиться от Иосидзавы как делегата по ведению переговоров»⁵⁴³.

Затяжные и сложные советско-японские переговоры завершились подписанием 20 января 1925 г. «Конвенции об основных принципах взаимоотношений с Японией»⁵⁴⁴. Согласно договору, между Японией и СССР устанавливались дипломатические и консульские отношения, что являлось безусловной победой советской дипломатии, т. к. СССР укрепил свое положение в Азии: заключив договор с Японией, НКВД СССР создал себе необходимые условия для активного проникновения в Китай и дальнейшего распространения коммунистических идей на восток.

Советский Союз был вынужден признать, что Портсмутский мирный договор, подписанный 5 сентября 1905 г. С.Ю. Витте и положивший конец русско-японской войне 1904–1905 годов, останется в силе. Однако в ходе переговоров СССР смог добиться включения двух важных положений: «Условлено, что договоры, конвенции и соглашения, кроме сказанного Портсмутского договора, заключенные между Японией и Россией до 7 ноября 1917 года, будут пересмотрены на конференции, которая должна состояться впоследствии между Правительствами Договаривающихся Сторон, и что они могут быть изменены или отменены, как того потребуют изменившиеся обстоятельства... признание его Правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что Правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора»⁵⁴⁵. Таким образом, СССР оставлял за собой право на

⁵⁴² Сидэхара Кидзуро (1872–1951) – в 1924–1927 и в 1929–1931 гг. министр иностранных дел Японии.

⁵⁴³ Торкунов А.В., Иокибэ М. Российско-японские отношения в формате параллельной истории. С. 331.

⁵⁴⁴ Также известный как Пекинский договор.

⁵⁴⁵ ДВП СССР. Том VIII. 1925 г. М., 1963. С. 70–77.

дальнейший пересмотр основных положений Портсмутского договора на конференции, которая должна была быть созвана в ближайшее время. Важно отметить, что признание действительности Портсмутского соглашения от 5 сентября 1905 года вовсе не означало, что СССР разделяет политическую ответственность с бывшим царским правительством за заключение этого соглашения⁵⁴⁶.

Не менее важной являлась статья о пересмотре Рыболовной Конвенции 1907 г. ввиду того, что между СССР и Японией были достигнуты новые договоренности: «До заключения пересмотренной таким образом конвенции Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет придерживаться практики, установленной в 1924 году в отношении сдачи в аренду рыболовных участков японским подданным»⁵⁴⁷.

Отдельно обсуждались принципы торговли и мореплавания между Японией и СССР. Кроме прочего, граждане Советского Союза и подданные Японии обладали полной свободой въезда, передвижения и пребывания на территории другого государства, а также полностью обладали правом на занятия торговлей, рыбным промыслом и другими мирными занятиями, а правительства обоих государств брали на себя обязательства по защите и безопасности их жизни и имущества. Более того, стороны обязывались впоследствии (если будет на то необходимость) вступать в переговоры о заключении специальных соглашений, относящихся к торговле и мореплаванию, для урегулирования и упрочения экономических отношений между обеими странами⁵⁴⁸.

Советско-японская конвенция 1925 года подтвердила желания и намерения двух народов сосуществовать в мире и дружбе, уважая неоспоримое суверенное право государства определять свою судьбу без внешнего влияния и защищаться

⁵⁴⁶ Подробнее см.: Внешняя политика СССР: 1925–1934 гг. Сборник документов. Т. 3 / Сост.: Тисминец А.С.; Отв. ред.: Лозовский С.А.; Ред. и прим.: Штейн Б.Е. М., 1945. С. 3–9.

⁵⁴⁷ ДВП СССР. Том VIII. 1925 г. М., 1963. С. 71.

⁵⁴⁸ ДВП СССР. Том VIII. 1925 г. М., 1963. С. 72.

от любых действий, которые могут поставить под угрозу порядок в этой стране и безопасность двух народов. К договору прилагалась два протокола – «А» и «Б».

В протоколе «А» были зафиксированы важнейшие решения по ряду проблемных вопросов, которые касались советско-японских отношений:

1) Вопрос о долгах. Все казначейские обязательства, долги и государственные займы, обязательства за которые на себя взяли Российская империя и Временное правительство, следует оставить для корректировки на последующих переговорах.

2) Вопрос о территориальной принадлежности Северного Сахалина. Японское правительство согласилось на полный вывод своих войск с Северного Сахалина к 15 мая 1925 года, как только позволят климатические условия.

3) Вопрос о военном союзе. СССР и Япония официально заявляли, что не состоят в каком-либо военном союзе с другими государствами, который мог бы нарушить суверенные права, территориальную целостность и безопасность одного из государств⁵⁴⁹.

В протоколе «Б» обговаривались и закреплялись важнейшие торгово-экономические вопросы, в частности концессионных контрактов:

1) Японским концернам предоставлялась концессия на эксплуатацию 50% площади каждого из нефтяных месторождений на Северном Сахалине. Что касалось не сданных в аренду участков нефтяных месторождений, японским концернам также могут быть предоставлены равные возможности в отношении концессии.

2) На период от пяти до десяти лет японской стороне предоставлялось право на производство разведок нефтяных месторождений на восточном побережье Северного Сахалина на площади в одну тысячу квадратных верст.

3) Протокол также предусматривал уступки японской стороне, касающиеся угольных месторождений. Японским концернам предоставлялась концессия на

⁵⁴⁹ ДВП СССР. Том VIII. 1925 г. М., 1963. С. 74.

угольные месторождения в округе Дуэ на определенной площади, подлежащей установлению в концессионных контрактах⁵⁵⁰.

В добавлении к конвенции советская сторона официально принесла извинения за Николаевский инцидент 1920 года: «Приступая сего числа к подписанию конвенции, охватывающей основные правила отношений между Японией и Союзом ССР, нижеподписавшийся уполномоченный Союза ССР настоящим имеет честь принести правительству Японии выражение искренних сожалений своего правительства за инцидент, заключавшийся в зверских и преступных актах, имевших место в 1920 году в г. Николаевск-на-Амуре»⁵⁵¹.

По своим потенциальным возможностям конвенция между СССР и Японией стала одним из самых драматичных политических событий за последние годы⁵⁵². Таким образом, подписание советско-японской конвенции имело следующие внешнеполитические последствия:

1) Япония официально признала восточные границы СССР, закрепив их на условиях Портсмутского мирного договора 1905 г., СССР в свою очередь добился сохранения статус-кво – преемственности между царской Россией и Советским государством.

2) Договор 1925 г. не только увеличивал авторитет СССР на международной арене, но и завершал международно-правовое признание («полосу признания») основными капиталистическими державами.

3) Начало официальных советско-японских дипломатических отношений было широко поддержано общественностью и политическими элитами обоих государств. СССР упрочил свои позиции на Дальнем Востоке, Япония же открыла для себя потенциально выгодного партнера в торговом плане.

4) Заключение конвенции позволило СССР настоять на том, чтобы Япония не ратифицировала Бессарабский протокол 1920 г., согласно которому страны, подписавшие Парижский договор, признавали Бессарабию – бывшую

⁵⁵⁰ Там же. С. 75–76.

⁵⁵¹ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 293.

⁵⁵² *Lensen George Alexander*. Japanese Recognition of the U.S.S.R. P. 197.

территорию Российской империи – частью Румынии⁵⁵³. Италия отказывалась ратифицировать этот договор до марта 1927 г., когда Бенито Муссолини все-таки уступил нажиму Парижа и Лондона, а Япония заявила, что сделает это последней⁵⁵⁴: «пока сказанный договор не будет ратифицирован всеми подписавшими его европейскими державами, японское правительство не имеет намерения предпринимать шаги, требуемые для его ратификации, считая, что договор этот касается вопроса по существу своему чисто европейского»⁵⁵⁵.

Того Сигэнори (1882–1950 гг.) – известный японский политик и дипломат, участвовавший в переговорах и установлении дипломатических отношений с СССР, так характеризовал международное положение советского правительства: «...на мой взгляд, советская власть была отнюдь не столь беспомощной, военная интервенция была не только в высшей степени непопулярной, но и не имела шансов на успех, и поэтому Японии следовало вывести свои войска из Сибири и попытаться решить имевшиеся вопросы путем переговоров с Советами»⁵⁵⁶.

В.Э. Молодяков отмечает, что «были в Японии недовольные признанием «Советов»: они устраивали хулиганские выходки и даже покушения. Полпредство исправно протестовало, намекая на покровительство властей и полиции. Это едва ли справедливо, поскольку власти были заинтересованы в нормальном развитии отношений, прежде всего экономических, а Советский Союз мог ответить на политические демарши экономическими санкциями»⁵⁵⁷. Однако общий фон советско-японских отношений НКВД СССР оценивал положительно. 27 июня 1927 г. В.С. Довгалецкий (1885–1934 гг.) – полпред СССР в Японии – выступил с речью на общем собрании общества в Токио. Кроме прочего, он констатировал: «Два года, протекшие со времени восстановления государственных отношений между двумя великими странами, принесли,

⁵⁵³ Подробнее см.: Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 321–322.

⁵⁵⁴ Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 277.

⁵⁵⁵ Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931. С. 322.

⁵⁵⁶ Того Сигэнори. Воспоминания японского дипломата. С. 117–118.

⁵⁵⁷ Молодяков В.Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 287.

несмотря на малый срок, обильные плоды и полностью оправдали благородные усилия инициаторов и творцов того акта, который положил начало сближению между обоими государствами. За этот короткий промежуток времени заложены прочные основы для дальнейшего углубления дружбы между народами-соседями и развития их экономических, культурных и политических связей»⁵⁵⁸.

В 1927 году к власти в Японии пришло правительство Танака Гиити (1864–1929 гг.). Во многом именно назначение Танака Гиити премьер-министром в дальнейшем предопределило внешнеполитическую повестку японского государства. А.В. Шишов подчеркивал, что «...мировоззрение отставного генерала полностью соответствовало самурайским традициям, принципам «Кодо» – политике захвата чужих земель, как далеких, так и близких, и «Хакко Итио» – восемь углов под одной крышей, то есть политике мирового господства расы Ямато, которую проповедовал еще легендарный японский император Дзимму. Был Гиити Танака фанатически верен и «Бусидо» – кодексу самурайской чести»⁵⁵⁹.

Именно Танака Гиити предписывают так называемый меморандум, опубликованный 7 июля 1927 года⁵⁶⁰. Основные положения его можно свести к следующим пунктам:

1) Территориальная целостность Китая недопустима и опасна для Японии, т.к. может помешать экономическому и политическому проникновению Японии в Маньчжурию и Монголию.

2) Экономическое проникновение Японии в Китай должно со временем перерасти в вооруженный конфликт во всей юго-восточной Азии.

⁵⁵⁸ ДВП СССР. Том X. 1927 г. М., 1965. С. 322.

⁵⁵⁹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 421–422.

⁵⁶⁰ Подробнее см.: Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 342–343.

3) Предусматривалась возможная война с СССР за обладание Северной Маньчжурией и из-за возможных конфликтов на КВЖД⁵⁶¹.

В современной японской и российской историографии меморандум Танаки Гиити расценивается как фальшивка и признается достоверным только некоторыми китайскими историками⁵⁶². Современные исследователи считают, что «меморандум» происходит из окружения тогдашнего правителя Маньчжурии, «молодого маршала» Чжан Сюэляна, настроенного резко антияпонски⁵⁶³.

В 1927 г. советско-японские отношения получили новый импульс в связи с началом переговоров о рыболовных промыслах: торгов на участки, с которых производятся ловля сельди и сбор крабов: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик, идя навстречу этому желанию, готово немедленно назначить торги на сдачу в аренду этих участков»⁵⁶⁴. Однако переговоры шли напряженно и долго. 23 марта 1927 г. Л.М. Карахан сообщал поверенному в делах СССР в Японии, что Танака Гиити намеренно затягивает переговоры с СССР⁵⁶⁵. Л.М. Карахан, получив официальное разрешение в НКВД СССР, предложил японской стороне значительные уступки, касающиеся проекта конвенции о рыболовных промыслах:

1) Японскому государству предоставлялось право на постройку и эксплуатацию неограниченного⁵⁶⁶ числа заводов на тот же срок аренды, что и рыболовные участки.

2) Японские концессионеры получали свободы и привилегии при наборе рабочих на заводы и предприятия.

⁵⁶¹ Подробнее см.: *Потемкин В.П.* История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.). М., 2015. С. 472–473.

⁵⁶² Подробнее см.: *Черевко К.Е. Кириченко А.А.* Советско-японская война (9 августа – 2 сентября 1945 г.). С. 10–21.

⁵⁶³ *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). С. 317.

⁵⁶⁴ ДВП СССР. Том X. 1927 г. М., 1965. С. 121.

⁵⁶⁵ Там же. С. 122.

⁵⁶⁶ Японские требования были значительно мягче: постройка и эксплуатация не более 25 заводов.

3) Предоставлялись дополнительные льготы японским предпринимателям, т.к. долевые отчисления с японских концессий значительно снижались⁵⁶⁷.

После обсуждения различных деталей и условий договора 23 января 1928 г. конвенция была подписана и вскоре ратифицирована, сохранив свою юрисдикцию до 1936 г.

По условиям договора «СССР предоставлял японским подданным право ловить, собирать и обрабатывать все виды рыбы и продуктов моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий владений Союза Советских Социалистических Республик»⁵⁶⁸. Японские моряки получали ряд привилегий:

1) Сумма промыслового налога, подлежащего взысканию с японских подданных, обладающих правами рыболовства, не будет превышать трех процентов стоимости в местах рыболовства рыб и продуктов моря, там ими выловленных или собранных, а также обработанных.

2) Эти японские подданные должны быть освобождены от всякого рода пошлин, налогов и сборов, за исключением промыслового налога и пошлин.

3) Не будут взиматься налоги или сборы с дохода японских рабочих и служащих, имеющих свое постоянное местожительство в Японии и занятых сезонной работой в местах рыболовства, сданных в аренду японским подданным⁵⁶⁹.

Важно отметить, что Л.М. Карахан не всегда согласовывал все тонкости переговоров с НКВД, проявляя личную инициативу, а потому НКВД несвоевременно сообщал о решениях и результатах переговоров полпреду СССР в Японии А.А. Трояновскому: «Одновременно с этим письмом посылаю письмо т. Карахану с изложением своих соображений о ближайших наших задачах в отношении Японии. Очень прошу Вас поинтересоваться этим письмом. Должен сказать, что я прихожу в полное отчаяние по поводу отсутствия какой бы то ни было информации из НКВД относительно текущей нашей политики в

⁵⁶⁷ ДВП СССР. Том X. 1927 г. М., 1965. С. 326.

⁵⁶⁸ ДВП СССР. Том XI. 1928 г. М., 1966. С. 43.

⁵⁶⁹ Подробнее см.: ДВП СССР. Том XI. 1928 г. М., 1966. С. 43–44.

отношении Японии. Здешнее министерство иностранных дел хорошо осведомлено о всем, что происходит в Москве, нам же сюда буквально ничего ни о чем не сообщают. О подписании рыболовной конвенции 2 я узнал от премьера Танаки»⁵⁷⁰.

Таким образом, конвенция о рыболовстве стала логическим продолжением договора 1925 г., договор позволил урегулировать спорные вопросы между Японией и СССР, касающиеся торговли и промысла у Японского, Охотского и Берингова морей, а также определяла конкретные реки и бухты для судоходства. Однако экономически она была невыгодна для СССР и стала одним из главных раздражителей в советско-японских отношениях уже в 1930-е гг. В 1928 г. стартовала первая пятилетка, и потому Советское государство было заинтересовано в развитии собственного производства по переработке морепродуктов, что могло бы стимулировать отечественные предприятия. Но отсутствие рабочих мест и квалифицированного труда вынудило СССР брать на работу японских служащих.

Подводя итоги, следует отметить, что советско-японские отношения менее чем за 10 лет пережили падения и взлеты: от интервенции и военных действий на Дальнем Востоке до дипломатического признания СССР Японией в 1925 г. и взаимных уступок в 1928 г. Однако сохранялись нерешенные проблемы между двумя государствами – конфликт интересов, касающийся торговли и промысла, но особенно это касалось территории Маньчжурии – богатого экономическими ресурсами и стратегически важного плацдарма для продвижения на материке. Маньчжурский вопрос был особенно актуален ввиду политической слабости Китая, который раздирали внутренние противоречия.

Особая роль в стабилизации отношений с Японией принадлежала Л.М. Карахану, который вел дипломатические переговоры с Японией, сначала находясь в Пекине в качестве полпреда, а с 1927 г. в СССР, будучи уже заместителем наркома иностранных дел. Л.М. Карахан смог воплотить в жизнь

⁵⁷⁰ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. С. 20.

цели и задачи НКВД СССР, когда советско-японские отношения находились в кризисе. Хотя между СССР и Японией сохранялись стабильные отношения вплоть до вторжения Японии в Китай в 1931 г., военно-политического равновесия на Дальнем Востоке достичь не удалось. После конфликта СССР и Китая в 1929 г. произойдет эскалация советско-японских отношений. Фактор КВЖД катализирует основные проблемы между СССР, Японией и Китаем и создаст дальневосточный узел противоречий.

4.2. Деятельность Л.М. Карахана в период Маньчжурского кризиса (1931–1932 гг.)⁵⁷¹

Сентябрь 1931 г. по праву можно считать одним из поворотных моментов в истории XX века в преддверии Второй мировой войны. Именно тогда начался распад Версальско-Вашингтонской системы в Азии.

Начав оккупацию Маньчжурии, Япония ускорила приближение величайшей катастрофы XX века – Второй мировой войны. Хорошо спланированная операция вторжения Японии в Китай и дальнейшая его оккупация были вызовом для всех мировых держав. От того, как отреагируют ведущие державы мира на японскую агрессию, во многом зависело дальнейшее обустройство мира.

Советское военное руководство на Дальнем Востоке следило за происходившими действиями и маневрами Японии, прогнозируя активизацию империи на материке (еще до Маньчжурского инцидента 1931 г.). Так, в военно-политической сводке от 30 декабря 1930 г., подготовленной четвертым отделом ОКДВА специально по Китаю и Японии для командарма В.К. Блюхера, говорилось, что экономический кризис Японии и стремление Китая, в частности Мукденской группировки, вести независимую от Японии политику толкает

⁵⁷¹ Подробнее см.: Герасимов Д.И. Деятельность Л.М. Карахана в период Маньчжурского кризиса (1931–1932 гг.). // Клио. 2022. Т. 1. № 6. С. 93–100.

японское правительство на усиление вооруженных сил, направленных как против Китая, так и против Советской России⁵⁷².

Как и раньше, на Дальнем Востоке чрезвычайно опасались агрессивных действий со стороны японских вооруженных сил, направленных против СССР. Во всех значительных пунктах по линии КВЖД японцы усиливали свою разведывательную работу и увеличивали сеть своих агентов. Советские разведчики получали донесения о подготовке Японией какой-то «грандиозной провокации» в Маньчжурии, в результате которой советские консульства принуждены будут покинуть пределы Китая. Назывались даже точные цифры – 50.000 йен на организацию взрывов туннелей восточной ветки КВЖД с целью затормозить движение грузов на Владивосток и привлечь их на ЮМЖД⁵⁷³.

Тем временем, именно в августе – сентябре 1931 г. тайная подготовка японской Квантунской армии к оккупации Маньчжурии вступила в решающую стадию. Было создано специальное диверсионное подразделение, которое должно было обеспечить исполнение провокации, служившей сигналом к началу вторжения. Диверсия на ЮМЖД, по плану Итагаки и Исивары, намечалась на 28 сентября 1931 г. В середине этого месяца в Маньчжурии должны были пройти армейские маневры, с помощью которых разработчики акции рассчитывали в полевых условиях проверить слаженность и взаимодействие войск в ходе захвата важнейших узлов гоминьдановской обороны⁵⁷⁴.

Следует отметить, что японским планам по интервенции сопутствовала внутривосточная нестабильность Китайской Республики. Обострившиеся с 1927 г. противоречия между Гоминьданом и коммунистической партией привели к ряду коммунистических восстаний и вооруженных столкновений противоборствующих сторон. Находившийся к 1931 г. в ситуации гражданской войны Китай вынужден был сосредоточиться на решении внутривосточных

⁵⁷² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 2–23.

⁵⁷³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 2–23.

⁵⁷⁴ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. М., 2001.

проблем, что учитывалось японским правительством, планировавшим оккупацию Маньчжурии.

9 сентября 1931 г. с помощью военных самолетов над крупными городами Японии были сброшены листовки, агитировавшие местное население в пользу поддержки интервенции в северо-восточные области Китая. Примерно в то же время в Мукден из Японии морем была переправлена тяжелая артиллерия, и незадолго до 10 сентября совершенно незаметно для китайских войск была завершена установка орудий⁵⁷⁵. Впоследствии этим практически полным достижением эффекта неожиданности при нападении особенно гордился полковник Итагаки, позднее поведавший своему коллеге, что применил военную хитрость, приказав своим подчиненным на все вопросы любопытствующих о проводимых солдатами работах отвечать, что они-де копают колодец⁵⁷⁶.

Вскоре опасения оправдались, и после всех подготовительных акций 18 сентября 1931 г. около 22 часов в местечке Лютяогоу вблизи Мукдена уже на следующий день Квантунская армия начала вторжение. В то время как Квантунская армия занимала китайские города Мукден⁵⁷⁷ и Гирин⁵⁷⁸, СССР не стремился к эскалации внешнеполитических отношений.

Таким образом, Маньчжурские события 1931 г. стали первым значительным кризисом Версальско-Вашингтонской системы. Для СССР как главного соперника Японии в Дальневосточном регионе в силу его географического положения и стратегических интересов было важно вести хорошо продуманную, «умную» политику и принимать взвешенные решения, но при этом действовать быстро и хладнокровно.

Уже 19 сентября 1931 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан, которому НКВД поручил вести переговоры с Японией, встретился с

⁵⁷⁵ *Ferrell R.H.* The Mukden Incident: September 18-19, 1931. // *The Journal of Modern history*. Vol. 27. No. 1 (Mar. 1955).

⁵⁷⁶ Там же. Vol. 27. No. 1 (Mar. 1955).

⁵⁷⁷ 19 сентября 1931 г.

⁵⁷⁸ 22 сентября 1931 г.

японским послом в СССР Хиротой. Главный вопрос, который предстояло обсудить, – агрессия Японии в Северо-Восточном Китае. Однако К. Хирота не дал какого-либо информативного ответа, ссылаясь на то, что телеграмма о событиях в Мукдене, которую он получил, не позволяет оценить положение дел. Все, что удалось узнать в ходе беседы, можно свести к следующему:

18 сентября 1931 г. в 10 часов вечера к северу от Мукдена китайские части направились на железнодорожную линию и разрушили полотно железной дороги. Охрана ЮМЖД защищала линию от разрушения со стороны китайских солдат, в результате чего между китайцами и японцами произошло сражение.

В Мукдене никакие сражения не имели места. Там нет никакой анархии, наблюдается полный порядок, жизнь и имущество иностранцев защищены.

19 сентября 1931 г. Совет министров в Токио принял решение: командующим японскими частями всячески стараться, чтобы столкновения в районе Мукдена не расширялись⁵⁷⁹.

Л.М. Карахан, заметив как бы между прочим, что, по сути, ничего принципиально нового он от посла не узнал, подчеркнул самое серьезное значение, придаваемое советской стороной происходящему в Мукдене хотя бы потому, что все события разворачиваются вблизи КВЖД, а стало быть, так или иначе могут повлиять не только на нормальную работу самой линии, но и на ситуацию в полосе отчуждения дороги. Замнаркома обратился к К. Хироте с просьбой впоследствии предоставить более подробную информацию в связи с положением в Маньчжурии и ко всему прочему прояснить факт занятия японской армией Куаньчэнцзы, являвшегося конечной точкой южного участка КВЖД⁵⁸⁰.

Однако после заявлений японского посла в СССР Хироты, что японская сторона будет держать советскую сторону в курсе дела, никаких сообщений в НКВД не поступало. Добиться ясности о реальном положении в Маньчжурии не

⁵⁷⁹ Ф. 05. Оп. 11. П. 80. Д. 122. Л. 2–3.

⁵⁸⁰ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 80. Д. 122. Л. 2–3.

удалось и наркому по иностранным делам М.М. Литвинову, который также провел встречу с К. Хиротой⁵⁸¹. Особенно интересовало советское правительство положение на пограничной станции Куаньчэнцзы, которая входила в сферу интересов СССР. Только 26 сентября К. Хирота подтвердил, что в результате вооруженного столкновения с китайцами японские войска захватили железнодорожную станцию и часть города Куанчэнцзы, но затем покинули их, оставив лишь небольшой отряд для предотвращения контратак китайцев.

Такую же выжидательную позицию занял и ПБ ЦК ВКП(б). В постановлении от 20 сентября 1931 г. сообщается:

«а) Отложить принятие решений о дипломатических шагах в связи с оккупацией японскими войсками Южной Маньчжурии и Мукдена до получения дополнительной информации. Поручить т. Карахану срочно добиться дополнительных сведений и сообщить в Политбюро.

б) Поручить комиссии в составе тт. Молотова, Кагановича, Литвинова и Карахана предварительно просмотреть комментарии в печати, в связи с этим вопросом»⁵⁸².

Сам же Молотов, с 1930 г. занимавший должность председателя Совета народных комиссаров СССР, 21 сентября 1931 г. сообщал Сталину, отдыхавшему в Сочи: «Дела в Маньчжурии еще, видимо, не развернулись. Мы заняли выжидательную позицию. От дипломатических выступлений (в защиту КВЖД, отдельных граждан и т. п.) пока не выступаем. Сделаем это, выяснив обстановку получше. В печати в спокойных тонах освещаем империалистический характер японской интервенции и разоблачаем последствия политики Гоминьдана и генеральско-помещичьих клик в Китае»⁵⁸³.

Лишь 22 сентября 1931 г. Л.М. Карахан отправляет шифровку дипагенту НКВД СССР в Хабаровске Спильванеку о событиях в Северо-Восточном Китае, в которой дает первые «координаты» местному населению и газетам: «Снеситесь

⁵⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. 14 (1931 г.). М., 1968. С. 532.

⁵⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.

⁵⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.

с местными организациями, чтобы не допускать никаких демонстраций или выступлений в связи с событиями в Маньчжурии. Комментарии газет должны равняться по комментариям Известий и Правды»⁵⁸⁴.

23 сентября И.В. Сталин дает первые комментарии относительно японской агрессии в личном письме Л.М. Кагановичу, заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР:

«1) Вероятнее всего, что интервенция Японии проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае.

2) Не исключено, но маловероятно, чтобы Америка подняла серьезную бучу в защиту Чансуеляна⁵⁸⁵ против Японии, ибо при нынешнем положении она может обеспечить себе «свою долю» в Китае и без конфликта с Японией, даже с согласия самих китайцев.

3) Не исключено, и даже вероятно, что японцы имеют согласие на интервенцию со стороны некоторых влиятельных милитаристских групп Китая, вроде группы Фына⁵⁸⁶ или Енсишана⁵⁸⁷ или старомукденцев типа Чандзосяна⁵⁸⁸, или всех этих групп вместе»⁵⁸⁹.

Таким образом, позиция И.В. Сталина по Маньчжурскому вопросу, фактически определившая дальнейшую линию поведения в отношении «Маньчжурского инцидента», свидетельствует о том, что первоначально Советское правительство, как впрочем, и правительства западных стран, не придавало серьезного значения действиям японской Квантунской армии и считало, что Япония осуществляет военную акцию, близкую по содержанию к советской

⁵⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.

⁵⁸⁵ Чжан Сюэлян.

⁵⁸⁶ Фэн Юйсян.

⁵⁸⁷ Янь Сишань.

⁵⁸⁸ Вероятно, имеется в виду Чжан Цзосян.

⁵⁸⁹ Хлевнюк О.В. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 116.

1929 г., направленную на то, чтобы заставить китайское правительство выполнять существующие договоренности⁵⁹⁰.

Почти сразу же после маньчжурского инцидента, в сентябре 1931 г., по инициативе Л.М. Карахана открывается предусмотренная Хабаровским протоколом советско-китайская конференция для обсуждения внешнеполитической ситуации, которая сложилась на Дальнем Востоке. В рамках переговоров Мо Дэгуэй, глава делегации Китайской Республики, сообщил Л.М. Карахану, что японцы уже заняли важнейшие стратегические пункты: Мукден, Гирин, Инкоу, Аньдун, а также арсеналы, казармы, банки и пр.⁵⁹¹ Л.М. Карахан использовал критическое положение, в котором оказалось китайское правительство, и упомянул о том, что Советское правительство не может располагать полной информацией о характере японо-китайских отношений, так как между СССР и Китаем отсутствуют какие-либо дипломатические отношения, и потому советская сторона не может увидеть всестороннюю картину событий и правильно оценить позиции обеих участвующих в конфликте сторон.

Конечно, полное и даже местами «показательное» отсутствие интереса советского дипломата к китайским проблемам было понятно китайской стороне ввиду отсутствия дипломатических отношений с СССР после конфликта на КВЖД в 1929 г. В связи с этим Мо Дэгуэй опирался на Парижский пакт, или так называемый пакт Бриана-Келлога от 27 августа 1928 г., в числе подписавших этот договор был и СССР. Договор вступил в силу для СССР 27 апреля 1929 г. Согласно ст. 1, а также ст. 2. пакта Бриана-Келлога, все договаривающиеся стороны заявляют, что они осуждают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от таковой в своих взаимных

⁵⁹⁰ Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиции СССР (1927–1933 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 91–130.

⁵⁹¹ Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 г. – сентябрь 1937 г. М., 2010. С. 46.

отношениях, в качестве орудия национальной политики, а также то, что урегулирование или разрешение всех могущих возникнуть между ними споров или конфликтов, какого бы характера или какого бы происхождения они ни были, должно всегда изыскиваться только в мирных средствах⁵⁹². Однако, не нарушая положений данного пакта, СССР не готов был и признать агрессором Японию.

Таким образом, советские представители не собирались оказывать на Японию какое-либо дипломатическое давление и высказывали всего лишь ни к чему не обязывающие «недоумение» и «обеспокоенность». На подобную реакцию со стороны СССР надеялось, и, как оказалось, не напрасно, японское правительство, используя в качестве метода убеждения аргумент в виде японского нейтралитета во время советско-китайского конфликта 1929 г.

Трудно в чем-либо упрекать Л.М. Карахана и вообще НКВД СССР: внешнеполитическое ведомство было целиком и полностью подчинено вертикали власти и действовало строго в соответствии с указанием партии и лично И.В. Сталина. НКВД СССР было категорически запрещено предпринимать какие-то самостоятельные шаги в переговорах с Китайской Республикой – заседание ПБ ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1931 г. постановило: «а) Дать печати указания в соответствии с указаниями тов. Сталина. б) Поручить НКВД дать еще раз категорические указания дипломатическим представителям СССР в Китае, Японии, что они обязаны 1) аккуратно информировать Москву о происходящих событиях; 2) не предпринимать никаких шагов и не давать никаких разъяснений без указания из Москвы»⁵⁹³.

Уже 26 сентября 1931 г. состоялась беседа заместителя наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахана с главой делегации Китайской Республики Мо Дэгуем

⁵⁹² Протокол о введении в действие пари́жского договора от 27 августа 1928 года об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Москва, 9 февраля 1929 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1930. Вып. V. ВКП (б), Коминтерн и Япония. Док. № 58. С. 8–10.

⁵⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 12.

в рамках советско-китайской конференции, которая уже упоминалась выше. На конференции китайская сторона поднимала «старые» проблемы, касающиеся политического и экономического положения Китая, а также японской агрессии. Однако впервые после Кантонского (Гуанчжоуского) восстания 11–13 декабря 1927 г. и разрыва всех дипломатических отношений между двумя странами, глава китайской делегации в личной беседе с Л.М. Караханом высказывает соображения о проблеме восстановления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой.

26 октября 1931 г., через месяц после проведения советско-китайской конференции, Л.М. Карахан подготовил докладную записку И.В. Сталину, в которой чётко изложил стратегическое положение СССР. В ней ясно указывалось, что Китай будет не только пытаться вовлечь в международную игру СССР, но также постарается создать впечатление и у Японии, и у держав во главе с Америкой, что мы в шаге от подписания двустороннего договора. В отношении Японии такая политика будет ставить своей целью обострить наши отношения с японцами, в отношении Америки — шантажирование и запугивание.

Удивительно, но именно по такому сценарию и стало действовать китайское правительство. В конце октября 1931 г. в Китае и в Японии получили широкое распространение слухи о том, что одному из сподвижников Чжан Сюэляна, генералу Ма Чжаньшаню, возглавившему в провинции Хэйлунцзян сопротивление японским войскам и их китайским союзникам из СССР⁵⁹⁴, якобы была поставлена партия оружия из советской России. Есть мнение, что эти слухи были инспирированы самим генералом Ма с целью укрепить собственные позиции и также втянуть Советский Союз в военно-политическую игру, заодно повысив боевой дух своих войск⁵⁹⁵.

⁵⁹⁴ Интересно, что впоследствии, Ма Чжаньшань поддержал создание Маньчжоу-Го, хотя затем вновь поднял восстание против японцев.

⁵⁹⁵ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. С. 64.

Таким образом, первый этап советско-китайских переговоров, который проходил с сентября по ноябрь 1931 г., можно охарактеризовать как режим осторожного выжидания и накопления информации как о дальнейших планах Японии в отношении Маньчжурии, так и о дальнейших действиях китайского дипломатического ведомства. Дальнейшее продвижение японской квантунской военной группировки на территории северо-восточного Китая существенным образом затрагивало интересы СССР по вопросу владения КВЖД и могло вызвать эскалацию внешнеполитических отношений в Дальневосточном регионе. Именно поэтому в ноябре-декабре 1931 г. НКВД СССР обратится к Японии с инициативой по заключению договора о ненападении, а вопрос о восстановлении советско-китайских отношений повиснет в воздухе.

Таким образом, СССР начинает постепенно осознавать опасность, которую таит в себе дальнейшее продвижение Японии на территории северо-восточного Китая. Стремление обеспечить себе преимущество во времени для принятия неотложных мер по предотвращению угрозы вынудило советское правительство обратиться к Японии с инициативой по заключению договора о ненападении, отказ от подписания которого со стороны империи последовал лишь в декабре 1932 г.

Правительство Японии было изрядно шокировано, если не сказать напугано подобными новостями, поскольку оно действительно опасалось вмешательства СССР в случае продвижения японских войск на север Маньчжурии⁵⁹⁶. Тому свидетельство – визит посла К. Хироты к Л.М. Карахану 28 октября 1931 г., который в своем обращении буквально потребовал разъяснений у руководства СССР, всячески напирая на то, что «...если будут посланы войска СССР на КВЖД, это будет ухудшать атмосферу и обострять положение и японское

⁵⁹⁶ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. С. 64.

правительство вынуждено было бы для охраны своих резидентов и для охраны железной дороги»⁵⁹⁷.

На следующий день, действуя согласно постановлению Политбюро⁵⁹⁸, Л.М. Карахан сделал заявление, в котором утверждалось, что запрос, сделанный К. Хиротой накануне, ссылается «на лишённые всякой почвы измышления и слухи, исходящие от безответственных лиц из японских или китайских кругов, почему-либо заинтересованных при нынешнем положении Маньчжурии в распространении провокационных слухов»⁵⁹⁹.

Скорее всего, Л.М. Карахан дал абсолютно правдивый ответ, поскольку советское руководство весьма опасалось какого-либо участия в маньчжурских событиях, что мы неоднократно подчеркивали выше. СССР обязал своих представителей в Маньчжурии проявлять сугубую осторожность в отношениях с китайскими властями, дабы не оказаться втянутым в конфликт и не попасть под подозрение в любой попытке сближения с генералом Ма, никак не реагировать на просьбы и предложения, постоянно подчеркивая при этом невмешательство Советского Союза в дела других стран⁶⁰⁰. Больше того, уже в мае 1932 г. сам генерал Ма опубликовал документ, в котором опровергались утверждения о поставках оружия из СССР⁶⁰¹.

На первых порах Советский Союз проводил осторожную, выжидательную политику, не демонстрируя в дипломатических отношениях протеста, и только после того, как на повестку дня в Лиге Наций была вынесена проблема японской агрессии в Маньчжурии⁶⁰², он открыто обозначил свою позицию по маньчжурской проблеме как строгий нейтралитет. Необходимо также понимать,

⁵⁹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 14 (1931 г.). М., 1968. С. 625–626.

⁵⁹⁸ Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиции СССР (1927–1933 гг.). С. 68.

⁵⁹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 14 (1931 г.). М., 1968. С. 627.

⁶⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 94.

⁶⁰¹ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. С. 363.

⁶⁰² 24 октября Совет Лиги Наций вынес на голосование резолюцию, в которой предложил Японии в трехнедельный срок вывести войска из Маньчжурии. Япония проголосовала против, резолюция не была принята.

что данное заявление Советского правительства представляло собой реакцию на выпад Японии, которая обвинила СССР в негласной поддержке правительства Гоминьдана (Советский Союз действительно посылал в Китай военных специалистов и вооружение). Это позволяет сделать вывод о том, что изначально выступления СССР по маньчжурской проблеме внешне имели исключительно защитный характер, хотя не приходится сомневаться, что на самом деле СССР не упускал возможности оказать активное воздействие на ситуацию в Китае поставкой войск, организацией сопротивления через Коминтерн и другими доступными способами.

Надо отметить, что СССР продолжит вести свою внешнеполитическую линию вплоть до окончательного поглощения Маньчжурии. Когда японские войска 19 ноября 1931 г. завершили оккупацию г. Цицикар (второго после г. Харбин центра Северной Маньчжурии), СССР высказался против использования КВЖД Квантунской армией. Однако после того, как власти нового марионеточного государства Маньчжоу-го, совместно с которыми Советский Союз осуществлял управление этой дорогой, согласились на перевозку по ней японских военных грузов и японских войск, Советский Союз в течение некоторого времени воздерживался от возражений против этого, сохраняя в целом неизменной свою политику невмешательства в отношении японской агрессии на новом этапе ее эскалации⁶⁰³.

Таким образом, к декабрю 1931 г. стало очевидно, что Маньчжурские события разрешаются в пользу Японии и вопрос о создании марионеточного государства Маньчжоу-го – военного плацдарма – стал лишь вопросом времени, в связи с чем перед советским правительством наряду с «показной», официальной политикой встала необходимость выстраивания плана реальных действий по предотвращению военных конфликтов на советско-маньчжурской границе, тем более что сведения, предоставляемые официальным послом Японии в СССР

⁶⁰³ Черевко К.Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). С. 438.

Хиротой, мягко говоря, не отражали тогдашние настроения и дальнейшие планы Японии. Поэтому СССР всеми силами и любыми методами через неофициальные каналы пытается получить необходимую информацию.

После захвата практически всего Северо-Восточного Китая Японией баланс сил в Азии был нарушен. Японское вторжение в Маньчжурию определило вектор развития взаимоотношений на Дальнем Востоке. «Маньчжурский инцидент» активизировал и ускорил налаживание отношений СССР и Китая, заставил «трещать по швам» Версальско-Вашингтонскую систему, а также определил дальневосточное направление для СССР как наиболее приоритетное во внешней политике на целых пять лет. Для СССР самой главной задачей на первых порах была «правильная реакция», которая позволила бы не только сохранить свои позиции в рассматриваемом регионе, но и решить проблему в свою пользу.

Безусловно, евразийское расположение СССР исторически определяло долговременные интересы нашей страны в Дальневосточном регионе, и в частности в Маньчжурии.

Необходимо отметить, что императорская Япония выбрала благоприятный для активизации военных действий момент: основные военные силы Гоминьдана вели борьбу с вооруженными соединениями Коммунистической партии Китая, которых, в свою очередь, «скрытно» поддерживало советское правительство. Правительство Чан Кайши исходило из того, что его режим слишком слаб, чтобы быть втянутым в вооруженный конфликт с Японией: в стране сохранялась политическая нестабильность и продолжались военные операции против советских районов Китая. В свою очередь, СССР также не спешил с активными действиями, стараясь контролировать ситуацию «сверху», боясь нарушить сложившийся баланс сил после вторжения Японии в Маньчжурии. Предпочитая остаться в стороне, СССР хотел выступить в роли «арбитра» по международным конфликтам и тем самым упрочить свои взаимоотношения как с Китайской Республикой, так и с Японией – непосредственными участниками очага противоречий на Дальнем Востоке, а также укрепить свой международный

авторитет в Западной Европе и в США⁶⁰⁴. Прямое влияние Маньчжурского инцидента состояло в том, что Советский Союз оказался в непосредственном соприкосновении с Японией в обширном пограничном районе, который до этого, в общем-то, не принимался во внимание с точки зрения национальной безопасности. Другими словами, возникла новая, непростая для СССР ситуация⁶⁰⁵.

4.3. Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях (1932–1934 гг.)⁶⁰⁶

Уже к 1929 г. в штабе японской Квантунской армии – воинского подразделения, которое будет задействовано для осуществления интервенции в Маньчжурии в 1931 г., – был учрежден научно-исследовательский отдел, которому предписывалось проработать наиболее функциональный подход, а также разработать методику управления для контроля будущих приобретенных территорий – в том числе и Северо-восточных территорий Китая. К 1930 г. научно-исследовательский отдел подготовил несколько проектов, среди которых – «Доклад по вопросу управления оккупированной Маньчжурией». В этом документе планировалось создать некий центральный военный орган, который был бы целиком и полностью подчинен Японии, – Центральное военное правительство, в которое входили бы не только представители военной элиты Японии, но и государственные служащие, чиновники из местного самоуправления. Проект был доработан к осени 1931 г. и подтвержден еще двумя докладами: «Основная политика урегулирования маньчжурского вопроса» и «Проект общих принципов, касающихся учреждения монголо-маньчжурского свободного государства». В этих двух документах особая роль отводилась

⁶⁰⁴ Тихвинский С.Л. Русско-китайские отношения в XX. С. 5.

⁶⁰⁵ Зорге Р. Тюремные записки // Новая и новейшая история. 1994, № 4–5. С. 141–176.

⁶⁰⁶ Подробнее см.: Герасимов Д.И. Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях в 1931–1935 гг. // Человеческий капитал. 2023. № 4. С. 36–47.

местному самоуправлению, которое «прикрывало» бы реальное положение дел и создавало бы видимую демократизацию и самостоятельность в принятии решений созданного марионеточного государства: «...китайцы – это нация с многовековой историей, с ярко выраженным ощущением собственного достоинства, поэтому нельзя явно показывать, что они напрямую подчиняются японскому руководству, иначе положение государства будет шатким, а управление неэффективным»⁶⁰⁷.

Япония выбрала удачный момент для вторжения на территорию Маньчжурии: Китай раздирали на части гражданская война между правительством юга, с 1919 г. располагавшимся в Кантоне, во главе которого стояла консервативная политическая партия Гомиьндан, и так называемым «Бэйянским правительством», которое формально управляло Китайской Республикой (КР) с 1916 г. из Пекина. В результате «Северного похода» (1926–1928 гг.) Национально-революционная армия Китая под руководством Чан Кайши разгромила «Бэйянскую клику» и объединила раздробленный Китай. Чан Кайши перенес столицу в Нанкин и сам возглавил правительство. Однако присоединенные территории пока не являлись прочными политическими образованиями – во многом из-за социально-экономического кризиса, который стал результатом завершения Гражданской войны в Китае. К 1931 г. Маньчжурия была удобной и выгодной целью для Японии, в самом Китае возобладали с новой силой монархические настроения, поговаривали о возвращении Цинской династии на ее законное место.

Таким образом, на момент начала японского вторжения сложилась благоприятная международная обстановка, которая и позволила впоследствии реализовать планы японской Квантунской военной группировки. 18 сентября 1931 г. японцы подорвали железную дорогу возле города Мукден, инициировав китайскую провокацию, после чего начали полномасштабное вторжение. Это

⁶⁰⁷ *Mitter R. The Manchurian Myth: Nationalism, Resistance and Collaboration in Modern China. Berkeley, Los Angeles, London, 2000. P. 82.*

событие стало поворотным моментом в истории китайско-японских отношений – конец периода дипломатической борьбы Китая и Японии за контроль над Маньчжурией и переход Японии к силовым действиям в достижении своих целей в Китае.

Чан Кайши – лидер партии национальной буржуазии Гоминьдан – был вынужден временно отказаться от борьбы за пересмотр или отмену неравноправных договоров, переключив внимание дипломатии Китайской Республики на военные действия. Напрасно правительство Нанкина отправляло ноты протеста в Токио с требованием вывести японские войска с китайской территории. В ситуации внутреннего разрыва Китай мог лишь осудить действия Японии и просить помощи, которой не поступало.

Советское правительство самым серьезным образом следило за ситуацией в Маньчжурии. Уже через день после Мукденского инцидента, 19 сентября 1931 г., заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан встретился с послом Японии в СССР К. Хиротой и высказал свои опасения по поводу случившегося: «Событиям в Мукдене мы придаем самое серьезное значение и хотели бы иметь более подробную и глубокую информацию, а также мы хотели бы иметь разъяснения со стороны японского правительства в связи с Мукденскими событиями, которые нельзя рассматривать как изолирование от целого ряда трений, недоразумений и переговоров, которые предшествовали событиям 18 сентября 1931 г.⁶⁰⁸», «вторжение Японии в Маньчжурию в сентябре 1931 г. означало нарастание реальной военной угрозы на дальневосточных границах. СССР, однако, был еще слаб, чтобы противостоять этой угрозе»⁶⁰⁹.

Уже в октябре 1931 г. НКВД СССР ясно сформулировал внешнеполитическую линию, которая в основном сводилась к избеганию всех обстоятельств и решений, которые могли бы втянуть СССР в конфликт или, как метко выразился заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан в письме временному

⁶⁰⁸ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. *С.Л. Тихвинский*. М., 2010. С. 30.

⁶⁰⁹ *Хлевнюк О.В.* Указ. соч. С. 142.

поверенному в делах Японии Б.Н. Мельникову, «...избегать всего того... что могло бы вывести нас из положения внимательного наблюдателя, ограничивающегося защитой своих интересов»⁶¹⁰. Судя по всему, эта позиция СССР вполне устраивала и японское правительство, которое старалось всячески избегать любых возможных конфликтов в районе КВЖД. 28 октября 1931 г. посол Японии в СССР К. Хирота в личной беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР Л.М. Караханом был особенно обеспокоен железнодорожным узлом Таонань-Кокоэ (Таонань-Цицикарской дорогой), который был построен на японские деньги⁶¹¹.

Таким образом, выжидательную и крайне осторожную тактику СССР после японского вторжения в Маньчжурию в 1931 г. можно объяснить следующими обстоятельствами:

1) Уязвимость международного положения СССР и отсутствие политических союзников: дипломатические отношения с Китаем были разорваны после конфликта на КВЖД в 1929 г. США – главный соперник Японии в Тихоокеанском регионе – в 1931 г. еще официально не признали СССР как государство. Оставалась только Монгольская Народная Республика (МНР), которая хотя и являлась потенциальным союзником СССР, но была еще слабым, неустойчивым политическим организмом, переживала период идеологического становления и социально-экономических реформ⁶¹² и потому не могла стать серьезным подспорьем в борьбе с Японией как в экономическом, так и в военном смысле.

2) Слабая информированность Советского государства: в начале 1930-х гг. СССР столкнулся с угрозой военной агрессии со стороны грозного, но малоизученного соперника⁶¹³. У Советского Союза не было достаточного опыта

⁶¹⁰ Там же. С. 43.

⁶¹¹ Там же. С. 54.

⁶¹² Яскина Г.С. История Монголии. XX век. М., 2007. С. 97.

⁶¹³ *Streltsov D.V., Shimotomai Nobuo, A history of Russo-Japanese relations: over two centuries of cooperation and competition, 2019. P. 219.*

в проведении крупномасштабных военных операций против серьезной державы. Хотя недавний военный конфликт с правителем Маньчжурии Чжан Сюэляном (1901–2001 гг.) в 1929 г. за КВЖД закончился успешно, необходимо иметь в виду, что Китай был в то время слабым политическим образованием, который никак не мог сравниться с модернизированной амбициозной Японией ни в экономическом, ни в военном плане.

3) Преобразования внутри СССР: на момент японского вторжения в Маньчжурию в СССР проводились системные изменения в социальной и экономической структурах государства – первая пятилетка (1928–1932 гг.) с ее масштабными планами индустриализации страны, коллективизация, создание и укрепление военно-оборонительного комплекса. Программы модернизации находились в стадии начального развития, это во многом и повлияло на нейтральную позицию СССР в разворачивающемся кризисе на Дальнем Востоке⁶¹⁴. Этот вывод подтверждается и архивными материалами. 27 декабря 1932 г. генконсул СССР в Харбине М.М. Славуцкий в письме к заместителю наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахану говорит о необходимости укрепить материально-техническую базу в ходе индустриализации, которая позволит «заглядывать» в будущее. Для этой цели СССР вынужден был отказываться от реагирования на ущемление государственных интересов⁶¹⁵.

После японского вторжения в Китай в 1931 г. советско-японские отношения были практически заморожены: японское правительство было занято военными действиями на материке, СССР же старался всеми силами отстраниться от конфликта. Однако уже в марте 1932 г. советско-японские отношения ждал новый кризис.

Уже в 1931 г. японское правительство планировало создать на территории Маньчжурии не только военно-стратегический плацдарм для дальнейшего продвижения в глубь Китая, но и политический. Император Хирохито (1926–

⁶¹⁴ Кошкин А.А. Россия и Япония. С. 148.

⁶¹⁵ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. Д. 6. Л. 107.

1989 гг.) и его ближайшее окружение были хорошо осведомлены о внутренних противоречиях Китая. Наилучшим вариантом оформления военных успехов в Маньчжурии Япония сочла создание по японскому образцу марионеточного государства, внешне обладающего атрибутами конституционной монархии, а фактически не имевшего ни силы, ни власти, ни тем более веса в международных делах⁶¹⁶. Кроме выгодного стратегического положения, Маньчжурия обладала огромной сырьевой базой. Поэтому японское правительство выделяло большие деньги для развития региона. Велось в широких масштабах строительство авиабаз, аэродромов и посадочных площадок. Создавая военный плацдарм на территории Маньчжурии, японцы также интенсивно развивали связь, быстрыми темпами строили здесь военные городки, казармы, госпитали, склады и другие помещения. В военном отношении правительство Гоминьдана, которое возглавлял Чан Кайши, заняло позицию пассивного сопротивления японской агрессии. Однако, несмотря на все усилия китайской дипломатии, Нанкинскому правительству не удалось добиться вывода японской армии с территории Северо-Восточного Китая. Япония быстро и с малыми потерями захватила Северо-Восточный Китай⁶¹⁷. Необходимость создания марионеточного государства объяснялась очень просто: так, в одном из дипломатических документов военного штаба Квантунской армии декларировалось, что никакие договоры, в том числе Устав Лиги Наций⁶¹⁸, не должны останавливать Японию в применении военной силы для отделения Маньчжурской территории от Китая, если этого требует история и если этого желает сам китайский народ.

Таким образом, в основу создания будущего государства была положена идея «народной воли», что повлекло за собой организацию структур, нацеленных на формирование национальной идентичности нового государства. 29 февраля 1932 г. по указанию четвертого отдела штаба японской Квантунской армии в Мукдене

⁶¹⁶ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. С. 3.

⁶¹⁷ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. 7.: Китайская Республика (1912–1949). М., 2013. С. 271–272.

⁶¹⁸ Статут Лиги Наций: Версальский мирный договор. М., 1925. 198 с.

собрался Всеманьчжурский объединенный съезд по созданию государства. На нем было принято решение о создании на территории Маньчжурии «государства» Маньчжоу-Го и назначении Пу И (1906–1967 гг.) его верховным правителем, а через два года, в 1934 г., – императором. Государственным флагом Маньчжоу-Го был избран штандарт Цинской Империи (желтое поле с красной, голубой, белой и черной полосами), девиз правления получил название Кандэ («цветущая мораль»), столицей государства стал г. Чанчунь, переименованный в Синьцзин⁶¹⁹. Нельзя сказать, что Пу И заставляли насильно переехать в Маньчжурию, скорее, это случилось по обоюдному желанию как самого последнего китайского императора, так и маньчжурской общественности: «Услышав о начале событий, я каждую минуту думал о том, как бы уехать на Северо-Восток, однако я понимал, что без согласия японцев сделать это было невозможно. Чжэн Сяо-суй сказал мне, что в Фэнтяне положение еще не вполне ясное и не стоит слишком торопиться. Японцы сами рано или поздно пригласят меня»⁶²⁰.

9 марта 1932 г. произошла официальная церемония в честь провозглашения Пу И «Верховным правителем» нового государства Маньчжоу-Го. 9 марта 1932 г. он официально вступил в должность правителя. Уже 12 марта 1932 г. Пу И направляет государствам телеграммы схожего содержания, в которых ставит весь мир перед свершившимся фактом: появилось новое, сильное, «самостоятельное» государство. Такую телеграмму получил и нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов, ее ему вручил новоиспеченный министр иностранных дел Маньчжоу-Го Се Цзешу. Телеграмма была следующего содержания: «Я имею честь уведомить Вас о том, что провинции Фэнтянь, Гиринь, Хэйлунцзянь и Жэхэ, Дуншэнский особый район и монгольские мэны (союзы) под различными знаменами объединились для учреждения

⁶¹⁹ *Караева К.А.* Маньчжоу-Го (1931–1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке. Екатеринбург, 2005. – Вып. 1. С. 74.

⁶²⁰ *Пу И.* Последний император. М., 2006. С. 281.

независимого правительства, порвав свои связи с Китайской Республикой и создав Маньчжоу-Го 1 марта 1932 г.»⁶²¹.

15 марта 1932 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан встретился с послом Японии в СССР и ждал разъяснений японского правительства относительно образования нового государства в Маньчжурии, однако посол Японии в СССР К. Хирота не сообщил никакой информации, кроме той, что уже и так была известна НКВД СССР из ноты Се Цзешу от 12 марта 1932 г.: «Японскому правительству ничего не остается, как наблюдать за ходом событий»⁶²². Более того, К. Хирота сообщил, что даже если бы и знал более подробную информацию о смысле и целях создания нового государства, то не стал бы делиться ей с советским правительством, которое так же тщательно скрывало ситуацию во Внешней Монголии: «У нас нет никакой информации в отношении Внешней Монголии... У вас есть консулы в Маньчжурии, через которых можно получать информацию... Вы могли бы дать нам информацию о Внешней Монголии»⁶²³.

Этот аргумент был явно заранее подготовлен японской стороной, потому что проблема Внешней Монголии не поднималась в переговорах японской стороной с сентября 1931 г. Стоит отметить, что аналогия была едва ли подходящей. Внешняя Монголия существовала уже длительный срок, на ее территории не было ни одного иностранного солдата, тем временем Маньчжурия была уже полностью занята японской Квантунской армией.

Руководство Маньчжоу-Го было полностью подконтрольно японскому правительству, и, хотя большинство постов в новом государстве занимали китайцы, основные рычаги власти принадлежали их японским заместителям. Япония контролировала и была «дирижером» внешней политики: так, все

⁶²¹ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). С. 72.

⁶²² Документы внешней политики СССР. Т. 15. М., 1969. С. 179–180.

⁶²³ Документы внешней политики СССР. Т. 15. М., 1969. С. 180.

важнейшие решения принимал командующий Квантунской армии, который по совместительству занимал должность полномочного посла.

В Маньчжоу-Го формой правления провозглашалась конституционная монархия. На бумаге Пу И – верховный правитель Маньчжоу-Го – обладал широкими полномочиями, на деле же – сил не имела ни конституция, ни императорская власть: «Первая глава «Организационного статута Маньчжоу-Го», озаглавленная «Верховный правитель», состояла из тринадцати статей, каждая из которых утверждала мои права. Первая статья гласила: «Верховный правитель правит Маньчжоу-Го». Вторая, третья и четвертая статьи определяли мою законодательную, исполнительную и судебную власти. Согласно остальным статьям, я имел право «издавать экстренные приказы, имевшие силу закона», «устанавливать систему чиновничьих званий и их назначение», «возглавлять сухопутные, морские и воздушные силы», а также обладал правом «амнистии, смягчения наказания и восстановления в правах» и т. д. На самом же деле я даже не имел права выходить за пределы своей резиденции»⁶²⁴.

В этих условиях лидер партии Гоминьдан Чан Кайши обратился за помощью в Лигу Наций с целью оказать давление на Японию и прекратить военные действия на территории Маньчжурии. Однако имевшие в этой международной организации преобладающее влияние Англия, Франция и США рассчитывали, что захваченный Японией Северо-Восток Китая станет плацдармом для нападения Японии на Советский Союз, и не желали принимать кардинальных мер для пресечения японской агрессии. В декабре 1931 г. Лига Наций вынесла решение о направлении в Китай комиссии во главе с лордом Литтоном – главой международной комиссии для изучения обстоятельств маньчжурского инцидента 1931 г. В сентябре 1932 г. Литтон выступил в Лиге Наций с докладом, в котором действия Японии признавались агрессией, однако этот доклад имел скорее формальный характер, т.к. все важнейшие военно-стратегические

⁶²⁴ Пу И. Последний император. С. 334.

решения уже были реализованы Японией: захват всего маньчжурского региона и создание марионеточного государства Маньчжоу-Го⁶²⁵.

Несомненно, в силу своего географического расположения и исторического возникновения наиболее важными партнерами для Маньчжоу-Го были Япония, Китай и СССР. И если дальнейшее сближение СССР и Китая было продиктовано логикой исторических событий, происходивших на Дальнем Востоке, то с появлением государства Маньчжоу-Го – нового участника международных отношений – взаимоотношения с Японией приходилось выстраивать практически с нуля.

Все это обусловило политику СССР по отношению к Маньчжоу-Го и вынуждало его сохранять дипломатические консульства на территории Маньчжурии, более того, на территории СССР также открывались консульства Маньчжоу-Го: так, уже через 5 месяцев после возникновения Маньчжоу-Го в сентябре 1932 г. было открыто консульство в Благовещенске, который граничил с городом Хэйхэ. В марте 1933 г. заместитель наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахан встретился с послом КР в СССР Янь Хойцином, где в личной беседе объяснил решение СССР открыть консульства на своей территории так: «Мы не признали Маньчжоу-Го, и, насколько я понимаю, у нас такого намерения нет... Мы действительно разрешили консулам Маньчжоу-Го открыть свои консульства в ряде пунктов на территории СССР. Их консулы уже имеются в Благовещенске и Чите... Мы разрешили Маньчжоу-Го открыть 5 консульств на нашей территории – такое же количество, какое имеется и у нас в Маньчжурии. В том числе мы дали согласие на открытие консульства в Москве»⁶²⁶. Это решение СССР было обусловлено несколькими факторами:

1) Практическая необходимость поддерживать фактические отношения с той властью, которая существовала в Маньчжурии с 1932 г.

⁶²⁵ Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999. С. 50.

⁶²⁶ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). С. 155.

2) Наличие железной дороги, на которой проживало десятки тысяч советских граждан.

3) Отсутствие на территории Маньчжурии любой другой легитимной власти, с которой можно было вести дипломатические переговоры.

После возникновения марионеточного государства Маньчжоу-Го в 1932 г. СССР активно искал мира с Японией, это была уже не первая попытка со стороны СССР заключить пакт о ненападении. Первая реальная попытка заключить соглашение была предпринята уже в середине 1927 г., незадолго до вручения «меморандума Танаки» (стратегии завоевания мира) императору Хирохито, это предложение было отвергнуто японским правительством.

Поэтому в марте 1932 г. СССР возобновил переговоры с Японией по заключению пакта о ненападении. Однако Япония сознательно затягивала с решением по этому вопросу. Японское правительство неслучайно долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить между двумя государствами договор о ненападении: некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае. Однако было понятно, что заключение советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами⁶²⁷.

⁶²⁷ Кошкин А.А. Японский козырь Сталина. С. 480.

В 1932 г. завершалось строительство второй линии Транссиба, город Владивосток стал городом-крепостью с усиленным флотом, были укреплены военные гарнизоны в ключевых пунктах дальневосточных рубежей. Военное столкновение с Японией становилось маловероятным, хотя и возможным. 31 марта 1932 г. полпред СССР в Японии А.А. Трояновский в письме к заместителю наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахану так характеризовал положение СССР и внешнеполитическую стратегию Японии после завершения первого этапа агрессии на Дальнем Востоке: «Вооруженный конфликт с СССР потребует огромнейших жертв и, несомненно, поднимет против Японии Китай, даже против воли Чан Кайши, Чжан Сюэляна и компании. Все это грозит Японии катастрофой. К этому надо добавить непрекращающиеся выступления «бандитов» в Маньчжурии, ухудшение отношений с Соединенными Штатами (которые, между прочим, делают все, чтобы избежать войны или, по крайней мере, оттянуть ее возможно дольше), тяжелое финансовое и экономическое положение внутри Японии наряду с все более широким распространением «опасных мыслей»... Какое-нибудь незначительное изменение международной ситуации легко может создать военную обстановку, тем более что охотников втянуть нас в войну найдется сколько угодно. Из этого следует, что мы должны быть настороже»⁶²⁸.

Таким образом:

1) Существование государства Маньчжоу-Го, граничившего с СССР, кратно увеличивало возможность войны с Японией.

2) Сам факт возникновения нового государства на границах с СССР вынуждал советскую дипломатию к быстрым и решительным действиям. Трудность выстраивания отношений с Маньчжоу-Го заключалась и в том, что СССР, как и многие державы, не мог признать де-юре Маньчжоу-Го, так как это бы полностью изменило конфигурацию сил на Дальнем Востоке. НКВД СССР,

⁶²⁸ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). С. 82–83.

который поступательно реализовал выжидательную политику в отношении японской агрессии в Китае в 1931 г., был не готов к таким радикальным мерам. Это могло бы привести к политическим санкциям и внешнеполитической изоляции от многих стран Запада. Но в силу военной опасности СССР не мог не признать Маньчжоу-Го де-факто, хотя и понимал его марионеточный характер.

3) Япония получила дополнительный рычаг давления на НКВД СССР по всем спорным вопросам: рыболовным конвенциям, территориальным претензиям, пакту о ненападении.

Огромную стратегическую роль во взаимоотношениях государств Дальневосточного региона играла сфера деятельности, связанная с поставками, снабжением, контролем и организацией транспортировки различных грузов (военной техники, продовольствия и т. д.) и людских резервов. В этом смысле Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая с недавних пор пролегла и через территорию Маньчжоу-Го, во многом определяла политические взаимоотношения СССР и Японии. С самой своей постройки КВЖД стала камнем преткновения в Дальневосточном регионе. В 1929 г. произошел один из самых известных в истории советско-китайских отношений конфликтов. В 1929 г. Чжан Сюэлян – сын главы фэнтъянской клики Чжан Цзолиня и правитель Маньчжурии – без объявления войны захватил большой участок КВЖД, который находился под совместным управлением Китая и СССР. В результате столкновения китайские войска были разбиты, и 22 декабря был составлен Хабаровский протокол, который положил конец конфликту, а управление КВЖД стало осуществляться на тех же основаниях, что и до столкновения. После разрыва дипломатических отношений с Китаем агентам дороги было предписано уволиться со службы. Судя по спискам служащих и рабочих КВЖД, депортированных и по собственному желанию выехавших в

СССР, большинство высших агентов дороги, командированных из СССР, в этот период уволились по собственному желанию⁶²⁹.

После японского вторжения в Маньчжурию КВЖД оказалась в плачевном состоянии. Это подтверждается источниками. Так, 3 января 1933 г. Л.М. Карахан – заместитель наркома иностранных дел СССР – подготовил докладную записку И.В. Сталину по вопросу об экономической политике в зоне КВЖД, в которой сообщалось, что трудности по привлечению грузов на рельсы КВЖД усугубились в результате огромного падения курса иены, делающего неизмеримо более выгодной перевозку по японским железным дорогам, чем по КВЖД, а также еще целый ряд мероприятий, которые должны были, по словам заместителя наркома иностранных дел СССР Л.М. Карахана, «свести концы с концами» в 1933 г.⁶³⁰. В письме к Сталину член Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович также описывал состояние КВЖД как критическое: «В связи с тяжелым финансовым положением дороги комиссия Рудзутака разработала ряд предложений, идущих по линии упорядочения финансового хоз[яйства] дороги, но среди них есть пункты, которые могут вызвать осложнение с китайцами»⁶³¹.

Окончательное решение продать КВЖД СССР принял весной 1933 г., однако японо-советские переговоры о продаже КВЖД продвигались с трудом. В первую очередь стороны никак не могли договориться о цене. По мнению советского руководства, Япония запрашивала нереально малую цену для покупки КВЖД: «Трояновский настаивает, чтобы мы дали ему директивы по существу переговоров с Фудзиварой, в частности, чтобы назвали приблизительную цену на КВЖД. Он считает, что в его переговорах с Фудзиварой он должен

⁶²⁹ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е — 1950-е гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2014. С. 226.

⁶³⁰ Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. С. 139.

⁶³¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рус, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 54.

договориться о КВЖД полностью, а затем это будет оформлено официально с Манчжуго»⁶³².

Существовал целый ряд факторов, которые тормозили переговоры с Японией:

1) Обострение положения на дороге, в том числе и путем искусственного создания конфликтов по отдельным вопросам.

2) Маньчжурские власти захватили перевалочную пристань КВЖД. Этот захват был произведен, как было сообщено японскому правительству, под непосредственным руководством японских подданных, находящихся на службе Маньчжоу-Го.

3) Массовые аресты советских граждан, многие из которых больше года содержатся без суда в неслыханно тяжелых условиях и подвергаются истязаниям и пыткам, в которых непосредственное участие принимают японские жандармы и японские подданные, находящиеся на службе Маньчжоу-Го⁶³³.

⁶³² Там же. С. 216.

⁶³³ Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. С. 241–243.

Заключение

Тема дипломатической деятельности Л.М. Карахана на дальневосточном направлении в 1918 – начале 1930-х гг. имеет научную значимость и актуальность, что обусловлено важным стратегическим и геополитическим значением Дальнего Востока в международных отношениях. Успехи или неудачи в достижении стратегических целей в обеспечении национальных интересов Советского государства определяется вкладом личности в развитие дипломатических отношений России с соседними государствами – Китаем и Японией.

Развитие советско-китайско-японских отношений в работе рассматривается в контексте дипломатической деятельности Л.М. Карахана – заместителя Наркома иностранных дел Советского государства. Автор показывает, в каких сферах возможно было развивать конструктивное сотрудничество с дальневосточными государствами, а в каких сферах сотрудничество было затруднено. Все это закономерно ведет к повышению исследовательского интереса к истории межгосударственных связей между ведущими государствами Дальневосточного региона, и осознанию причин их возможного осложнения на современном этапе.

Предметом исследования являлась дипломатическая деятельность Л.М. Карахана в контексте советско-китайских и советско-японских отношений в 1918 – начале 1930-х гг., что определяло цель исследования – выявление роли и вклада дипломатической деятельности Л.М. Карахана во внешней политике Советского государства на дальневосточном направлении в 1918 – начале 1930-х гг.

Для достижения поставленной цели были рассмотрены ряд проблем, касающихся дипломатической деятельности Л.М. Карахана на фоне развивающихся советско-японских и советско-китайских отношений в 1920–1930-е гг.: узловые проблемы внешней политики Советского государства на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг., дипломатическая деятельности Л.М. Карахана на китайском направлении в 1920-е гг., фактор КВЖД в развитии

дальневосточных отношений с Китаем и Японией, а также дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на японском направлении в 1920–1930-е гг.

Для раскрытия характера, динамики и итогов этих отношений в 1920-е – начале 1930-х гг. автор настоящей работы исследует дипломатическую деятельность Л.М. Карахана, основываясь на анализе огромного массива документальных материалов, в том числе новых архивных материалов из фондов РГАСПИ и АВП РФ. Многие архивные материалы, впервые введенные автором в научный оборот, дают представление о выработке внешнеполитических решений советским руководством, а также о том, как они соотносились с решениями китайских и японских государственных деятелей, позволили вскрыть подлинные цели и характер исследуемых процессов, проследить формирование и суть проблемы, провести объективный целостный и доказательный анализ проблемы, а также выделить самостоятельный и оригинальный аспект для ее углубленного исследования.

В историографической части Введения показано, что различные аспекты истории дипломатической деятельности Л.М. Карахана в 1920-е – начале 1930-х гг. не получили отражения в отечественной и зарубежной историографии, ввиду недостаточного внимания, проявленного исследователями к указанной проблеме и засекреченности архивов. В литературе Л.М. Карахан упоминался в исторических работах не напрямую, а косвенным образом.

Начиная с конца XVII в. и по сегодняшний день Дальневосточный регион был в центре политического и экономического внимания России, Японии и Китая, чьи государственные интересы на протяжении более чем 300 лет сталкивались. Это обусловило необходимость соседних государств к постоянному взаимодействию. Это взаимодействие далеко не всегда было мирным, что объясняется стратегической и геополитической важностью

«Занятость» великих держав послевоенным переделом и устройством мира, крайнее недоверие, неприятие и страх правительств и народов по отношению к большевикам в сочетании со снижением активности и эффективности советской

внешней политики заставили Советское правительство полагаться на пропаганду и дипломатические маневры для достижения своих внешнеполитических целей. Ярким примером этого были решительные попытки Советской России установить официальные дипломатические отношения с Китаем между 1918 и 1924 гг.

К совместному сотрудничеству Советского государства и Китая, подталкивала сложившаяся международная система после Первой мировой войны, Версальско-Вашингтонская система установила новый порядок мироустройства, который не смог учесть интересы всех стран. С одной стороны, если бы Версальский мирный договор был подписан на иных условиях и китайская делегация добилась приемлемых результатов, то, конечно, установление более тесных связей с большевиками, возможно, никогда бы не потребовалось. Но, с другой стороны, для мировых на Парижской конференции это стало бы пренебрежением не менее чем шестью международными договорами и, тем самым ставило бы под сомнение саму легитимность этих соглашений.

Роль «настоящего» друга призваны были сыграть большевики. Советское правительство быстро взяло на себя эту роль, начав пропагандистскую кампанию, направленную на установление более тесных дипломатических и политических связей с Китаем.

Одним из важнейших аспектов стратегии НКВД РСФСР в 1920–1921 гг. заключался в том, чтобы создать видимость того, что ДВР была полностью независимым от Советского правительства государственным образованием и ведет самостоятельную внешнюю политику.

Таким образом, с 1918 по 1922 гг. советско-японские отношения переживали один из самых сложных периодов в своей истории. Главной трудностью для Советского государства в этот период была гражданская война, нарушающая экономические и политические связи между городом и деревней. Ситуация осложнялась присутствием военных интервентов на территории Советского государства. Японское правительство поддерживало антибольшевистские силы

на Дальнем Востоке, рассчитывая реализовать свои стратегические и геополитические планы по продвижению на материке. Однако большевистский режим продемонстрировал свою жизнеспособность и силу, а Япония вскоре осознала необходимость политического диалога с новым правительством

В работе исследуется важная и актуальная проблема – установление советско-китайских дипломатических связей и возникший в результате комплекс противоречий, оказавших непосредственное влияние на складывающуюся в тот период Версальско-Вашингтонскую систему международных отношений.

После Первой мировой войны СССР и Китай оказались в международной изоляции. СССР – молодое государство с радикальной коммунистической идеологией, не признаваемое европейскими державами, и Китай – раздираемый внутренними противоречиями и слабый экономически, были вынуждены искать точки соприкосновения, не будучи включенными в Версальско-Вашингтонскую систему.

Тактика Советского правительства в Китае в 1920-е годы предвосхитила политику в Европе после Второй мировой войны, почти четверть века спустя. Тот простой факт, что методы, которые СССР использовал для втягивания Внешней Монголии в возглавляемый Советским Союзом коммунистический блок, предшествовали аналогичным методам, применявшимся во всей Восточной Европе после Второй мировой войны, убедительно свидетельствует о том, что некоторые, если не все, дипломатические характеристики, которые позже стали ассоциироваться с холодной войной, уже использовались в 1920-е годы.

В 1923 г. для переговоров с правительством Китая об установлении дипломатических отношений был направлен Л.М. Карахан, имя которого было хорошо известно в Китае. Л.М. Карахан и другие члены делегации встречались с представителями различных кругов, выступали с речами, публиковали статьи в китайской печати.

Л.М. Карахан воспользовался улучшением общей внутренней ситуации в Советском Союзе, относительным спокойствием на международной арене, а также настроением китайского общества, чтобы возобновить официальные дипломатические отношения, а затем обсудить конкретные рассматриваемые проблемы в ходе конференции. В свою очередь, представитель Пекинского правительства Ван Чжэнтин предложил «разрешать споры путем переговоров до возобновления дипломатических отношений»⁶³⁴. Он настаивал на том, что договор следует заключать только после того, как Советское правительство выполнит все условия, которые были обещаны Китаю в двух нотах советского внешнеполитического ведомства.

Существовали серьезные разногласия по поводу суверенитета и интересов Китая. В основном они сводились к проблеме о собственности КВЖД и выводе советских войск из Монголии. Л.М. Карахан признал суверенитет Китайского правительства над Монголией, но отказался от аннулирования соглашения с местными властями Монголии в 1921 г. и не соглашался на немедленный вывод войск из Монголии, в свою очередь, выдвигая свои условия для вывода советских войск.

Наконец, между двумя сторонами возникало определенное недопонимание, перераставшее в напряженность. В ходе переговоров Л.М. Карахан занимал жесткую позицию и пытался оказывать давление на китайских партнеров. Сначала он заявлял, что, если Пекинское правительство не примет его точку зрения, он будет вынужден спланировать отъезд в Японию, для установления дипломатических отношений с «опасным соседом Китая». Это усилило атмосферу недоверия в советско-китайских переговорах.

В результате 31 мая 1924 г. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой»⁶³⁵ было

⁶³⁴ Подробнее см.: *Elleman Bruce. Diplomacy and Deception.*

⁶³⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу

подписано: нормализация советско-китайских отношений способствовала расширению контактов, обмену культурными достижениями, облегчению взаимопонимания между двумя странами⁶³⁶.

В Китае Л.М. Карахан также занимался реализацией поручений и приказов ВКП(б) и Коминтерна, включая финансовую поддержку и обучение революционных кадров в высших учебных заведениях СССР, способствовала становлению КПК как политической партии. Советское правительство при содействии Коминтерна создало объединенный фронт Гоминьдана и КПК, для регулирования общественного мнения Китая, которое существенно повлияло и ускорило ход советско-китайских переговоров.

Непрекращающаяся борьба советской части управления КВЖД и китайских властей привела к перманентным нарушениям советско-китайских договоров 1924 г., обесценивая и нарушая эти соглашения, стороны всё чаще находили возможным применить методы физического воздействия и даже военную силу. В 1929 г. после конфликта на КВЖД дипломатические отношения с Китаем были разорваны⁶³⁷. Несмотря на то, что Л.М. Карахан с 1927 г. больше не являлся полпредом СССР в Китае, а занимал должность заместителя Наркома иностранных дел СССР, он продолжал заниматься «азиатским вопросом», давая поручения и разъяснения советским дипломатам в Китае и Японии. Это событие подводило черту внешнеполитической деятельности Л.М. Карахана в Китае.

В работе анализируется политика Советского государства в Китае с момента установления первых контактов советского правительства с китайским революционером Сунь Ятсеном и правительством Кантона в 1918 г. до Кантонского восстания в Китае в 1927 г. Подробно освещается процесс создания объединенного фронта Гоминьдана и Коммунистической партии Китая. Союз между КПК и Гоминьданом, как инструмент внешней политики Советского

между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года / Народ. комиссариат по иностр. делам СССР; Сост. А.В. Сабанин, А.П. Евецкий. М., 1925.

⁶³⁶ Подробнее см.: Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта.

⁶³⁷ Документы внешней политики СССР (далее ДВП) Т. 12.: 1929 г. М., 1967. С. 673–676.

государства, должен был возглавить китайскую националистическую революцию, а также воплотить идеи Коминтерна по распространению коммунистического влияния в Азии. Сравнив пропагандистские меры и дипломатические шаги СССР в Китае, делается вывод, что внешняя политика, проводимая СССР носила двойственный характер и не всегда соответствовала заявлениям советских дипломатов. Осуждая «империалистическую» политику Запада, СССР продолжал продвигать свою внешнеполитическую линию, которая, хотя и расходилась с публичными заявлениями Коминтерна, на деле была четко скоординирована с его деятельностью и служила выполнению общих внешнеполитических задач.

Другим направлением деятельности Л.М. Карахана были отношения с Японией. После провалившейся Дайренской (1921–1922 гг.) и Чанчуньской конференций (1922 г.), Советское государство находилось в состоянии необходимости восстановления дипломатических отношений с Японией, что было обусловлено различными факторами – необходимостью налаживания взаимовыгодных торгово-экономических отношений, накопившиеся спорные территориальные и финансовые вопросы после окончания Первой мировой войны, вопрос о рыболовном промысле и японских концессиях на Северном Сахалине.

После изнурительных переговоров с японским дипломатом Иосидзавой в 1924–1925 гг., Л.М. Карахану удалось в 1925 г. подписать двустороннее официальное соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и Японией⁶³⁸. Япония официально признала восточные границы СССР, закрепив их на условиях Портсмутского мирного договора 1905 г., СССР в свою очередь добился сохранения статус-кво – преемственности между царской Россией и Советским государством. Договор 1925 г. не только увеличивал авторитет СССР на международной арене, но и завершал международно-

⁶³⁸ ДВП СССР. Т. 8.: 1925 г. М., 1963. С. 70–77.

правовое признание («полоса признания») основными капиталистическими державами.

Важным успехом Л.М. Карахана можно считать договоренности по Бессарабскому протоколу. Заключение конвенции с Японией 1925 г., позволило СССР настоять на том, чтобы Япония не ратифицировала Бессарабский протокол 1920 г., согласно которому, страны, подписавшие Парижский договор, признавали Бессарабию – бывшую территорию Российской империи, частью Румынии.

Советско-японские отношения менее чем за 10 лет пережили падения и взлеты – от интервенции и военных действий на Дальнем Востоке до дипломатического признания СССР Японией в 1925 г. и взаимных уступок в 1928 г. по рыболовной конвенции⁶³⁹. Однако сохранялись нерешенные проблемы между двумя государствами – конфликт интересов, касающийся торговли и промысла, но особенно это касалось территории Маньчжурии – богатого экономическими ресурсами и стратегически важного плацдарма для продвижения на материке. Маньчжурский вопрос был особенно актуален ввиду политической слабости Китая, который раздирали внутренние противоречия.

Особую роль в стабилизации отношений с Японией принадлежала Л.М. Карахану, который вел дипломатические переговоры с Японией, сначала находясь в Пекине в качестве полпреда, а с 1927 г. в СССР, будучи уже заместителем наркома иностранных дел. Л.М. Карахан смог воплотить в жизнь цели и задачи НКВД СССР.

В 1930-е годы отношения СССР с Китаем и Японией развивались в условиях обострения международной обстановки, кризиса Версальско-вашингтонской системы международных отношений. Вторжение японских войск в Северо-Восточные провинции Китая 18 сентября 1931 г. обоснованно считается

⁶³⁹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 февраля 1928 года и 1 июня 1929 года. Сост. А.В. Сабанин, В.Ф. Орлов-Ермак. М., 1930.

событием, ознаменовавшим возникновение очага новой мировой войны. Советско-японо-китайские отношения на протяжении целого десятилетия развивались на фоне японской агрессии в Китае и на Дальнем Востоке в целом, борьбы региональных китайских военно-политических группировок против Нанкинского правительства и продолжения гражданской войны в Китае.

С 1932 г. в системе международных отношений появилось еще одно звено, которое фактически подчинялось Японии, но с которым так или иначе пришлось считаться всему миру, – марионеточное государство Маньчжоу-Го. Фактор Маньчжоу-Го стал решающим в развитии взаимоотношений СССР и Японии⁶⁴⁰.

СССР старался избежать открытого военного конфликта с Японией и потому вынужден был продать КВЖД в 1935 г.⁶⁴¹, часть территории которой с 1932 г. пролегла через территорию Маньчжоу-Го средства, полученные с продажи КВЖД послужили дальнейшему укреплению дальневосточных рубежей СССР, который с тех пор стал намного более прохладно смотреть на перспективу заключения некогда столь желаемого пакта о ненападении. Впоследствии инициатива мирного урегулирования перешла к Японии.

В работе исследуется проблема создания марионеточного государства Маньчжоу-Го. Показано, какое влияние фактор Маньчжоу-Го оказал на развитие советско-японских дипломатических отношений. Выявлено, какое воздействие на внешнюю политику СССР в Дальневосточном регионе в 1931–1935 гг. оказал возникший в результате японской интервенции в Маньчжурии клубок противоречий.

Япония еще с начала 1920-х гг. вынашивала планы вторжения в Китай, когда она стала постепенно закрепляться в экономическом и политическом плане в Северо-Восточном Китае, создавая тем самым, плацдарм для дальнейшего вторжения в Маньчжурию (сентябрь 1931 г.). Выгодное стратегическое положение Маньчжурии имело важное геополитическое значение как для СССР,

⁶⁴⁰ Герасимов Д.И. Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях в 1931–1935 гг.

⁶⁴¹ ДВП СССР. Т. 18.: 1935 г. М., 1973. С. 204–213.

так и для Японии. Кроме того, Маньчжурия обладала огромной сырьевой базой. Именно здесь сталкивались интересы СССР и Японии. Китай, охваченный внутривластической борьбой и будучи крайне ослабленным, служил местом разрешения советско-японских противоречий. В результате, в 1932 г. при активном содействии японского правительства было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, которое должно было служить не только военно-стратегическим плацдармом для продвижения вглубь Китая, но и стать исходным пунктом для подготовки вторжения на территорию СССР. Тем самым Япония стремилась усилить свое политическое и стратегическое значение в Дальневосточном регионе: создав нового игрока на международной арене – марионеточное государство Маньчжоу-Го, – Япония смогла закрепится в Маньчжурии и продолжать развивать экспансию на Дальнем Востоке.

Маньчжурское государство в свою очередь стало неким посредником между двумя сильнейшими державами на Дальнем Востоке. Монгольская Народная Республика и государство Маньчжоу-Го образовали своеобразную систему сдержек и противовесов, тем самым законсервировав отношения СССР и Японии в неизменном положении с 1935 г., что позволило СССР как избежать войны с Японией, так и предотвратить войну на два фронта во время Второй мировой войны.

С момента вторжения Японии в Маньчжурию Советский Союз был верен принципам сдерживания Японии и укрепления своих дальневосточных границ, что заставляло его постоянно идти на компромиссы с Японией во избежание эскалации военных противоречий. СССР выдерживал курс на примирение даже тогда, когда Япония переходила на неприкрытый шантаж. Так, продажа Маньчжоу-Го КВЖД стала центральным звеном в череде уступок Японии.

Захватив Маньчжурию, Япония стремилась развивать инфраструктуру на контролируемых ей территориях, которые, как она надеялась, послужат военно-экономической базой для дальнейших военных акций на Западе или в Тихоокеанском регионе.

Таким образом, ряд факторов – недостаточность экономических ресурсов, проведение первой пятилетки и коллективизации; «холодные» отношения с правительством Гоминьдана; слабость ОКДВА; нерешенные внешнеполитические проблемы с Польшей, Персией, Румынией, Чехословакией, США и др. обусловили то, что НКВД СССР придерживался осторожной политики в Дальневосточном регионе и старался уклониться от открытой эскалации конфликта с Японией.

Во многом это стало возможно благодаря дипломатической деятельности Л.М. Карахана – он строго следовал внешнеполитическому курсу Советского правительства по урегулированию конфликта с Японией и направлял ход переговоров в необходимое для СССР русло. Не отвергая высказанной в рамках советско-китайской конференции возможности возобновления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой, Л.М. Карахан оперативно реагировал на заявления японского правительства, подчеркивая нейтральную позицию СССР, не оказывавшего официальной поддержки китайской стороне. Важно отметить и то, что Л.М. Карахан, верно прогнозируя возможные действия сторон возникшего конфликта, оперативно отразил их планы в своих сообщениях советскому руководству, что позволило реализовать поставленные перед дипломатическим ведомством цели, сводившиеся к необходимости избежать открытых противоречий с Японией и эскалации конфликта на Дальнем Востоке.

С момента вторжения Японии в Маньчжурию Советский Союз был верен принципам сдерживания Японии и укрепления своих дальневосточных границ, что заставляло его постоянно идти на компромиссы с Японией во избежание эскалации военных противоречий. СССР выдерживал курс на примирение даже тогда, когда Япония переходила на неприкрытый шантаж. Так, продажа Маньчжоу-Го КВЖД стала центральным звеном в череде уступок Японии.

Захватив Маньчжурию, Япония стремилась развивать инфраструктуру на контролируемых ей территориях, которые, как она надеялась, послужат военно-

экономической базой для дальнейших военных акций на Западе или в Тихоокеанском регионе.

Для СССР, активно разрабатывающего стройки второй пятилетки, наращивающего военно-экономический потенциал и развивающего тяжелую промышленность, продажа КВЖД могла одновременно послужить и источником безопасности дальневосточных границ, и источником материальных средств для обеспечения этой безопасности. Это усугублялось явной убыточностью дороги, которая, с одной стороны, пришла в упадок в связи с экономическим кризисом и вторжением Японии в Маньчжурию, а с другой – подвергалась постоянным нападениям и грабежам со стороны деклассированных элементов из местного населения – хунхузов, число которых после японского вторжения значительно выросло.

Советско-японские переговоры то прекращались, то возобновлялись, а в январе 1934 г. и вовсе оказались на грани срыва. СССР настаивал на том, что переговоры могут продолжиться лишь в том случае, если Маньчжоу-Го освободит арестованных советских железнодорожников⁶⁴². Япония, в свою очередь, старалась как можно сильнее накалить обстановку и обращалась к своему общественному мнению, говоря о том, что СССР сознательно тормозит переговоры, торгуясь за каждый рубль (якобы, предложенная цена в 170 млн иен не удовлетворяет советское правительство). Однако все было как раз наоборот: СССР как можно скорее хотел избавиться от лишних проблем, связанных с КВЖД, и постоянно шел на уступки в цене: ««Сов[етское] пра[вительство] полагает, что после 15-месячных переговоров не следует становиться на путь мелкого и длительного торга и что пора уже действительно закончить переговоры. Хотя цена в 160 млн, предложенная сов[етского] пра[вительства] 30 июля, и представляет уже большую жертву с его стороны, поскольку она значительно ниже действительной стоимости дороги, сов[етского] пра[вительства] готово, – при условии прекращения торга и немедленного

⁶⁴² Документы внешней политики СССР. Т. 17. М., 1971. С. 33–34.

согласия яп[онского] пра[вительства] на это предложение, – договориться на средней цене посредством разделения пополам разницы, оставшейся между советским предложением в 160 млн иен и японским предложением в 130 млн иен»⁶⁴³.

С февраля 1934 г. началась активно обсуждаться цена на КВЖД. Принципиальное согласие между сторонами было достигнуто лишь в декабре. После согласования оставшихся деталей договор купли-продажи между СССР и Маньчжоу-Го был официально подписан 23 марта 1935 г. В день подписания соглашения в Харбине вице-председатель правления КВЖД П.А. Бандура и министр связи Маньчжоу-Го Тин Чэньсю выполнили все формальности по передаче прав СССР на дорогу, а генеральный консул Славущкий, выступая в Железнодорожном собрании в присутствии Ли Шаогэна, объявил об окончании переговоров. М.М. Литвинов и К. Хирота обменялись приличествующими случаю заявлениями о «плодотворном сотрудничестве» и «неутомимых усилиях» друг друга, похоже, искренне радуясь тому, что дело наконец-то сделано. КВЖД волилась в железнодорожную систему Маньчжоу-Го, полностью контролируруемую японцами⁶⁴⁴.

После достижения компромисса по цене оставалось решить незначительные вопросы, связанные с редакцией и ратификацией договора. СССР ускорял переговоры по редактированию договора, а возникающие мелкие вопросы с маньчжурской стороны предоставлялось решать самой делегации, которая должна была бы запрашивать позицию НКВД СССР лишь в случаях серьезных разногласий с японцами⁶⁴⁵. Уже после отъезда Л.М. Карахана в Турцию, в марте 1935 г. КВЖД официально была продана Маньчжоу-Го, это ознаменовало новый этап в советско-японских отношениях.

⁶⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17. Л. 39.

⁶⁴⁴ Молодяков В.Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. Ежегодник. Япония. 2009. С. 309.

⁶⁴⁵ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 / Сост. Г. М. Адибеков, Ж. Г. Адибекова, Х. Вада, Ю. В. Георгиев, С. Иокотэ, Н. Исии, Т. Томита, К. К. Ширия. М., 2001. С. 157.

Возникновение марионеточного государства Маньчжоу-Го вызвало бурную реакцию во всем мире, однако жестких контрмер со стороны Западного блока стран так и не последовало, за исключением некоторых санкций со стороны Лиги Наций: публичное осуждения японской интервенции, непризнание суверенитета Маньчжоу-Го, призыв к эвакуации японских войск из района Южно-Маньчжурской железной дороги и требование установления мира. СССР не поддержал постановление Лиги Наций, сославшись на отсутствие каких-либо дипломатических отношений с государствами, которые вошли в Совещательный Комитет по «Маньчжурскому вопросу».

Вместе с тем продажа КВЖД нарушала принципы международного права. До Маньчжурского конфликта (1931 г.) железная дорога являлась совместным владением России и Китая. Поэтому СССР не имел права в одностороннем порядке допустить транспортировку враждебных Китаю японских войск, ни, разумеется, единолично решать вопрос о продаже КВЖД государству, изначально враждебному Китаю.

Главным выводом настоящего исследования является утверждение, что несмотря на существенный дипломатический вклад Л.М. Карахана в советскую внешнеполитическую деятельность на Дальнем Востоке, советско-китайские и советско-японские отношения в тех условиях объективно не могли развиваться иначе. Хотя очевидно также и то, что Советское государство учитывало сдерживающий фактор Китая в выстраивании советско-японских отношений и, в результате, смогло предотвратить нападение милитаристской Японии на Советский Союз, а значит, избежать открытия второго фронта в Азии во Второй мировой войне.

Приложение № 1

Л.М. Карахан: путь дипломата⁶⁴⁶

Л.М. Карахан родился в Тифлисе 2 февраля 1889 г. в семье известного на Кавказе адвоката Михаила Караханяна. Учился он в 3-й Тифлисской гимназии. В 1904 г. включился в революционное движение, принимал участие в подпольных марксистских кружках. В 1905 г. из-за преследования властей переехал с семьей в Харбин, а затем во Владивосток, где принял участие в организации типографии. Осенью 1910 г. переезжает в Петербург, где продолжает свою деятельность в социал-демократической организации (его псевдоним Карахан стал партийной кличкой).

1 сентября 1915 г. Л.М. Карахан за революционную деятельность был арестован и выслан в Сибирь, где продолжил свою работу в подпольных организациях социал-демократов.

После Февральской революции 21 апреля 1917 г. Л.М. Карахан возвратился в Петроград, в июне стал членом ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, в августе – членом Президиума и секретарем Петроградского совета, на VI съезде РСДРП(б) (8–16 августа 1917 г.) был принят в партию. Являясь членом Военно-революционного комитета, принимал участие в подготовке и проведении вооруженного восстания. После Октябрьской революции Л.М. Карахан в составе делегации принял участие в Брестских переговорах, что явилось началом его дипломатической деятельности.

В марте 1918 г. Л.М. Карахан был утвержден заместителем наркома иностранных дел. В этот период Л.М. Карахан занимается подбором и расстановкой кадров, обеспечением охраны служебных помещений НКВД, протоколом и др.

⁶⁴⁶ При работе над биографической справкой были использованы следующие материалы: *Капица М.С.* Лев Карахан (1899–1937) // Видные советские коммунисты – участники китайской революции; *Соколов В.В.* На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана.

Решением коллегии НКВД от 25 апреля 1919 г. на Л.М. Карахана было возложено руководство Восточным отделом, в котором Л.М. Карахан разработал в 1919–1920 гг. ряд обращений к народам Востока, где подробно излагались отличия политики Советского государства по отношению к восточным государствам. 25 июля 1919 г. было опубликовано обращение правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая.

27 сентября 1919 г. в Москве (в период пребывания китайской военно-дипломатической миссии) Чжан Сылиню была вручена нота НКВД РСФСР, в которой излагались предложения Советского правительства о вариантах нормализации отношений с Китаем⁶⁴⁷.

В 1923 г. для переговоров с правительством Китая об установлении дипломатических отношений был направлен Л.М. Карахан, имя которого было хорошо известно в Китае. Л.М. Карахан и другие члены делегации встречались с представителями различных кругов, выступали с речами, публиковали статьи в китайской печати.

В результате 31 мая 1924 г. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой» было подписано: нормализация советско-китайских отношений способствовала расширению контактов, обмену культурными достижениями, облегчению взаимопонимания между двумя странами.

В конце августа 1925 г. в связи с болезнью Г.В. Чичерина, Л.М. Карахан выехал в Россию. В этот период он занимается вопросами помощи населению Ирана, Афганистана и др. В ноябре 1925 г. Л.М. Карахан ненадолго возвращается в Пекин, где его дипломатическая миссия в Китае будет окончательно завершена в августе 1926 г.

После вторжения Японии в Маньчжурию в сентябре 1931 г., Л.М. Карахан, руководствуясь решениями ЦК ВКП(Б) и Советского правительства,

⁶⁴⁷ В зарубежной историографии нота Л.М. Карахана 1919 г. известна как «Манифест Карахана».

предпринимает усилия для сохранения мирных отношений с Японией. Отношения с Японией оставались сложными. На встречах с японскими полпредами в СССР Л.М. Карахан обсуждал различные проблемы двусторонних отношений: заключение новой рыболовной конвенции, вопрос о заключении пакта о ненападении, вопрос о продаже КВЖД, признания Маньчжоу-го и др.

29 июня 1934 г. Л.М. Карахан был назначен полпредом СССР в Турции: назначением авторитетного дипломата на пост полпреда СССР в Турции Советское правительство стремилось не только сохранить высокий уровень развития советско-турецких отношений, но и добиться того, чтобы Турция стала союзником на южных границах СССР.

Назначение или скорее «почётная ссылка» Л.М. Карахана в Турцию была вызвана слабостью его позиций в НКВД и личным конфликтом между Л.М. Караханом и М.М. Литвиновым. Кроме того, Г.В. Чичерин, бывший нарком иностранных дел СССР, поддержавший Л.М. Карахана, с 1930 г. находился на пенсии. Потому, как только представился удобный случай М.М. Литвинов сменил опытного Л.М. Карахана на не самого выдающегося, но лично преданного М.М. Литвинову человека. В мае 1933 г. Л.М. Карахан был переведен с дальневосточного отдела (где его ненадолго сменил Г.Я. Сокольников) на Ближний Восток, а уже в мае 1934 г. заместителем наркомом иностранных дел был назначен Б.С. Стомоняков, который теперь курировал дальневосточные дела. Г.В. Чичерин, так характеризовал это назначение: «Когда угнали т. Карахана, все увидели, что выгоднее держаться т. Литвинова; так и стали поступать Копп, Стомоняков и т. д. Я считаю т. Карахана очень тонким, блестящим, талантливым политиком. Наоборот, т. Стомоняков сухой формалист, без гибкости, без политического чутья, драчливый, неприятный, портящий отношения. Для маленьких балтов это еще ничего, но для Польши нужно бы нечто иное»⁶⁴⁸.

⁶⁴⁸ Цит. По: [44. С. 17.].

Л.М. Карахан успешно работает по решению вопросов советско-турецких отношений, результатом его работы стало:

- подписание Протокола о продлении действия Конвенции о порядке рассмотрения и разрешения конфликтов, возникающих на границе между СССР и Турцией (октябрь 1934 г.);
- участие в заседании Совета Балканской Антанты (вопросы сближения Турции и Германии) (октябрь 1934 г.);
- участие в беседе с министром экономики Шукрю Каем (декабрь 1934 г.);
- встреча Л.М. Карахана с президентом Турции Кемалем Ататюрком (14 марта 1935 г.).

Заметным событием, подчеркивающим значительное улучшение советско-турецких отношений, а также личный вклад Л.М. Карахана в развитие взаимоотношений двух государств стало подписание в Анкаре 7 ноября 1935 г. протокола о продлении на десять лет срока действия договоров между СССР и Турцией о нейтралитете и ненападении от 17 декабря 1925 г.

Важнейшей проблемой, занимавшей центральное место в советско-турецких отношениях того периода, была проблема безопасности черноморских проливов – Босфора и Дарданелл. В апреле 1936 г. встал вопрос о пересмотре Лозаннской Конвенции, регулировавшей режим черноморских проливов (исходя из интересов Советского Союза как черноморской державы, Л.М. Карахан считал необходимым создать такие условия прохода через проливы, которые, не мешая международному судоходству, все же ставили бы препятствия для прохода через проливы военных судов нечерноморских стран). В этой связи Л.М. Карахану пришлось неоднократно вести переговоры с представителями турецкого правительства, чтобы устранить разногласия, возникшие в Швейцарском городе Монтрё в ходе конференции по выработке новой Конвенции о режиме черноморских проливов (Л.М. Карахан в конференции не участвовал, вместе с тем проводил важную работу не только по разъяснению позиции СССР, но и информировал турецкое правительство о ходе конференции и позиции

Советского Союза, критически высказывался о непоследовательности турецкой стороны, которая систематически и совместно с англичанами выступала против СССР).

30 июля 1936 г. Конференция в Монтрё закончилась подписанием новой Конвенции о режиме проливов. Несмотря на определенные недостатки новой Конвенции, это стало дипломатическим успехом Советского Союза, определенную долю в который внес Л.М. Карахан.

3 мая 1937 г. отозван в Москву и арестован по обвинению в участии в профашистском заговоре⁶⁴⁹ с целью свержения советской власти. 20 сентября 1937 г. приговорен к смертной казни. Расстрелян в тот же день. В 1956 г. посмертно реабилитирован⁶⁵⁰.

⁶⁴⁹ Спецсообщение Н.И. Ежова И.В. Сталину с приложением протокола допроса Л.М. Карахана 19.06.1937 № 57951.

https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D1%82%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA:%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D0%B0

⁶⁵⁰ Подробнее см.: Вермахт на советско-германском фронте. Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных. 1944–1952 / Ин-т рос. истории РАН, Центр. арх. ФСБ России; Отв. ред. В. С. Христофоров. М.: Книжница; Русский путь, 2011;

Залесский К. А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва.: Вече, 2000;

Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. — М.: Советская энциклопедия. 1973—1982. Том 7. Каракеев – Кошакер. 1965.

Библиографический список

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП).

1. Ф. 05. Оп. 11. П. 80. Д. 122.
2. Ф. 0100. Оп. Д. 6.
3. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 7.
4. Ф. 0179. Оп. 8. П. 6. Д. 9.
5. Ф. 0179. Оп. 9. П. 10. Д. 6.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

6. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.
7. Ф. 17. Оп. 162. Д. 17.
8. Ф. 495. Оп. 127, д. 1.
9. Ф. 495. Оп. 127, д. 24.
10. Ф. 495. Оп. 127, д. 25.
11. Ф. 495. Оп. 127, д. 37.
12. Ф. 495. Оп. 127, д. 69.
13. Ф. 495. Оп. 127, д. 70.
14. Ф. 495. Оп. 127, д. 71.
15. Ф. 495. Оп. 127, д. 72.
16. Ф. 495. Оп. 127, д. 73.
17. Ф. 495. Оп. 127, д. 117.
18. Ф. 495. Оп. 127, д. 165.
19. Ф. 495. Оп. 127, д. 234.
20. Ф. 495. Оп. 127, д. 302.
21. Ф. 495. Оп. 127, д. 303.
22. Ф. 514. Оп. 1, д. 56.
23. Ф. 514. Оп. 1, д. 82.
24. Ф. 514 Оп. 1, д. 102.

25. Ф. 514. Оп. 1, д. 180.
26. Ф. 514 Оп. 1, д. 247
27. Ф. 514. Оп. 1, д. 702.
28. Ф. 514. Оп. 1, д. 985.
29. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185
30. Ф. 627. Оп. 3, д. 3.
31. Ф. 627. Оп. 3, д. 4.
32. Ф. 627. Оп. 3, д. 6.
33. Ф. 627. Оп. 3, д. 9.
34. Ф. 627. Оп. 3, д. 10.
35. Ф. 627. Оп. 3, д. 12.
36. Ф. 627. Оп. 3, д. 13.
37. Ф. 627. Оп. 3, д. 15.
38. Ф. 627. Оп. 3, д. 17.
39. Ф. 627. Оп. 3, д. 25.
40. Ф. 627. Оп. 3, д. 26.
41. Ф. 627. Оп. 3, д. 30.

Опубликованные источники

Документы внешней политики СССР

1. Том I. 7 ноября 1917 г. - 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат, 1957.
2. Том II. 1 января 1919 г. - 30 июня 1920 г. М.: Госполитиздат, 1958.
3. Том III. 1 июля 1920 г. - 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959.
4. Том IV. 19 марта 1921 г. - 31 декабря 1921 г. М.: Госполитиздат, 1960.
5. Том V. 1 января 1922 г. - 19 ноября 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961.
6. Том VI. 20 ноября 1922 г. - 31 декабря 1923 г. М.: Госполитиздат, 1962.
7. Том VII. 1924 г. М.: Госполитиздат, 1963.
8. Том VIII. 1925 г. М.: Госполитиздат, 1963.
9. Том IX. 1926 г. М.: Политиздат, 1964.
10. Том X. 1927 г. М.: Политиздат, 1965.

11. Том XI. 1928 г. М.: Политиздат, 1966.
12. Том XII. 1929 г. М.: Политиздат, 1967.
13. Том XIII. 1930 г. М.: Политиздат, 1967.
14. Том XIV. 1931 г. М.: Политиздат, 1968.
15. Том XV. 1932 г. М.: Политиздат, 1969.
16. Том XVI. 1933 г. М.: Политиздат, 1970.
17. Том XVII. 1934 г. М.: Политиздат, 1971.
18. Том XVIII. 1935 г. М.: Политиздат, 1973.
19. Советско-китайские отношения 1917–1957 гг. Сборник документов. М.: Издательство восточной литературы, 1959.
20. Большеви́стское руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
21. Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам, 1921–1922, полный перевод актов и документов А.В. Сабанина. М.: НКВД, 1924.
22. Вермахт на советско-германском фронте. Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных. 1944–1952 / Ин-т рос. истории РАН, Центр. арх. ФСБ России; Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Книжница; Русский путь, 2011.
23. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы в 5 т.:
 - 1) ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. 1994 г.
 - 2) ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926-1927 Ч. 1. 1996 г.
 - 3) ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926-1927 Ч. 2. 1996 г.
24. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Фонд японских историков, отв. ред.

25. Внешняя политика СССР: 1925–1934 гг. Сборник документов. Т. 3 / Сост. Тисминец А.С.; Отв. ред. Лозовский С.А.; Ред. и прим. Штейн Б.Е. М., 1945.
26. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР: Документы и материалы / Мин-во обороны РФ, Ин-т воен. истории МО РФ, Федер. архив. агентство. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006–2009.
27. *Ден Чжун-ся*. «Китайская коммунистическая партия в Кантонском восстании» М., Л.: Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов, 1929.
28. Движение 4 мая 1919 г. в Китае. Документы и материалы. М.: Наука, 1969.
29. Декреты Советской власти. — М.: Политиздат, 1959. Т. II.
30. Декреты Советской власти. Т. I–VI. 25 октября 1917 г. – 9 декабря 1919 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории СССР АН СССР. М.: Политиздат, 1957–1973.
31. Документы международных отношений (1917–1945 гг.) / Моск. гос. ин-т международ. отношений (ун-т) МИД РФ; Сост. И.А. Ахтамзян. М.: МГИМО, 1999.
32. Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы / Ин-т Дальнего Востока АН СССР; Отв. ред. М.Л. Титаренко. М.: «Наука», 1986.
33. Образование СССР. 1917–1924: Сб. док. / Ин-т истории АН СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
34. Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г. – 1926 г. М.: Наталис, 2008.
35. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. (Сборник документов) М.: Россия молодая, 1996.
36. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. В 3-х т. Т. I. 1919—1929. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000.

37. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. В 3-х т. Т. II. 1930—1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
38. Протокол о введении в действие парижского договора от 27 августа 1928 года об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Москва, 9 февраля 1929 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1930. Вып. V. ВКП (б), Коминтерн и Япония. Док. № 58.
39. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 г. М.: Народ. комиссариат по иностр. делам СССР, 1924.
40. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. М.: Народ. комиссариат по иностр. делам СССР, 1924.
41. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 февраля 1928 года и 1 июня 1929 года. М.: Народ. комиссариат по иностр. делам СССР, 1930.
42. Собрание важнейших трактатов и конвенций заключённых Россией с иностранными державами (1774—1906). Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1906.
43. Советско-германские отношения. От Бреста до Рапалло. 1918—1922 гг. М.: Издательство политической литературы, 1968.
44. Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М.: РОССПЭН, 1999.
45. Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
46. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М.: АИРО-XX, 1995.

47. Статут Лиги Наций: Версальский мирный договор. М., 1925.
48. Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
49. *Сунь Ятсен*. Избранные произведения. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1985.
50. Советско-китайский конфликт 1929 г.: Сб. документов. М., 1930.
51. Советы в Китае: Сборник материалов и документов: Пер. с нем.; Науч.-иссл. ин-т по Китаю. М., 1934.
52. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом. Под ред. Шрейдер. СПб: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1906.

Дневники и мемуары

53. *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции в 1925–1927 гг. М., 1975.
54. *Казанин М.А.* В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М., 1966.
55. *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924–1927 гг.). М., 1964.
56. *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1940. М., 1971.
57. *Пу И*. Последний император. М.: Вагриус, 2006.
58. *Цзян Чжунчжэн*. Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: Посев, 2009.

Пресса

59. «Амурская правда». 1926. Сентябрь.
60. «Известия». 1925. Март, июнь.
61. «Красный архив». Том 18. М.-Л.: Государственное издательство РСФСР, 1926 г.
62. «Правда». 1925. Июнь.
63. The Daily Telegraph. 1926. September.
64. New York Times. 1919. August.

Справочные издания

65. Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. М.: Советская энциклопедия, 1973—1982. Том 7. Каракеев – Кошакер. 1965.
66. *Грант Адибеков, Харуки Вада*. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.

Литература

На русском языке

1. *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн.: БГУ, 1999.
2. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Рус. панорама, 2005.
3. *Аварин В.Я.* Империализм в Маньчжурии. М.: «Соцэкгиз», 1934.
4. *Адамов Е.А., Козьменко И.В.* Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952.
5. *Акатова Т.Н.* Рабочее движение в гоминьдановском Китае, 1927–1937 гг. М.: Наука, 1983.
6. *Алексеев И.* Что происходит на КВЖД. Хабаровск: Книжное дело, 1929.
7. *Антонов К.В.* Некоторые итоги конфликта на КВЖД. Советское государство и революция права. М.: Ком. Акад, 1930.
8. *Бадмаев П.А.* Россия и Китай: к вопросу о политико-экономическом влиянии. М.: ЛЕНАНД, 2016.
9. *Благодатов А.В.* Записки о китайской революции в 1925–1927 гг. М.: Наука, 1975.
10. *Бондаренко О.Я.* Неизвестные Курилы. Серьёзные размышления о статусе Курильских островов. М.: Дейта-пресс, 1992.
11. *Борох Л.Н.* Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века). М.: Наука, 1984.
12. *Будницкий О.В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. М.: НЛО, 2008.

13. *Бутлицкий Е., Теплов Д.* Военная угроза на Дальнем Востоке. Что происходит на советско-китайской границе. М.: Саратов, Государственное изд-во, 1929.
14. *Виленский-Сибиряков В.Д.* Где корни предательства Чан-Кай-Ши: о китайской революции. М.: Изд-во о-ва Политкаторжан, 1927.
15. *Виленский-Сибиряков В.Д.* Китай и Советская Россия: из вопросов нашей дальневосточной политики. М.: Государственное изд-во, 1919.
16. *Виленский-Сибиряков В.Д.* Чжан-Цзо-Лин: Маньчжурская проблема. М-Л.: Государственное издательство, 1925.
17. *Витте С.Ю.* Воспоминания. Л.: Государственное издательство, 1924.
18. *Войтинский Г.Н.* КВЖД и политика империалистов в Китае. М.: изд-во Коммунистической академии, 1930.
19. *Войтинский Г.Н.* Торговая экспансия Японии. М.: Соцэкгиз, 1936.
20. *Войтинский Г.Н., Гальперин А.Л., Губер А.А., Дубинский А.М., Жуков Е.М., Зубок Л.И., Нарочницкий А.Л.,* под ред. Жуков Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) М.: Госполитиздат, 1951.
21. *Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонопарта. М.: Политиздат, 1989.
22. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений М.: Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т Дальнего Востока РАН; центр «Россия-Китай», 1999.
23. *Воскресенский А.Д.* Эволюция международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (1900–1920-е гг. XX в.) М.: Памятники исторической мысли, 2001.
24. *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «болевые точки» в истории советско-китайских отношений (1917–1991 гг.). В 2-х тт. М.: ИДВ, 1992.
25. *Галенович Ю.М.* Россия – Китай: шесть договоров. М.: Муравей, 2000.
26. *Галенович Ю.М.* Россия и Китай в XX веке. М.: Изограф, 2001.
27. *Галенович Ю.М.* Сталин и Мао. Два вождя. М.: Восточная книга, 2009.
28. *Галенович Ю.М.* Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000.

29. *Гарушняц Ю.М.* Движение 4 мая 1919 г. в Китае. М.: Соцэкгиз, 1959.
30. *Герасимов Д.И.* Деятельность Л.М. Карахана в период Маньчжурского кризиса (1931–1932 гг.). СПб.: Клио, 2022. Т. 1. № 6.
31. *Герасимов Д.И.* Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.). М.: Человеческий капитал, 2022. Т. 1. № 5.
32. *Герасимов Д.И.* Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий. М.: Человеческий капитал. 2022. Т. 1. № 7.
33. *Герасимов Д.И.* Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях в 1931–1935 гг. М.: Человеческий капитал. 2023. № 4.
34. *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства): в 2-х томах. Пекин: Типолитография Русской духовной миссии, 1921.
35. *Го Ян.* Роль Советского Союза в противостоянии коммунистической партии Китая и Гоминьдана: 1920–1940-е годы: автореф. дис. к.и.н.: Ростов-на-Дону, 2019. С. 4.
36. *Гольдберг Д.И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. – декабрь 1941 г.). М.: Восточная литература, 1959.
37. *Горбунов Е.А.* Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М.: Вече, 2010.
38. *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М.: Вече, 2002.
39. *Горшенин И.С.* Маньчжурия и угроза японо-американской войны. М.: Партийное издательство, 1933.
40. *Григорьев А.М.* Борьба в ВКП (б) и Коминтерне по вопросам политики в Китае (1926–1927 гг.) М.: Проблемы Дальнего Востока, 1993. №2, 3.
41. *Григорьев А.М.* Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг.: (Проблемы стратегии и тактики). М.: Наука, 1980.

42. *Григорьев А.М.* Революционное движение в Китае под лозунгом Советов. М.: Наука. 1980.
43. *Гришаева Л.Е.* Границы государств и международные региональные конфликты в межвоенный период (1919–1939). М.: Вестник ученых-международников, 2022. №2 (20).
44. *Гришаева Л.Е.* Долгое эхо советско-японской войны 1945 г. М.: Дипломатическая служба, 2020. № 4 (91).
45. *Гришаева Л.Е.* Институты войны и мира. М.: Дипломатическая служба, 2022. Т. 18. №5 (104).
46. *Гришаева Л.Е.* Историческая роль ООН в современном мире. М.: Дипломатическая служба, 2021. Т. 17. № 1 (94).
47. *Гришаева Л.Е.* Начало и итоги Второй мировой войны: спорные вопросы. М.: Дипломатическая служба, 2019. № 6 (87).
48. *Гришаева Л.Е.* О виновниках и победителях во Второй мировой войне. М.: Дипломатическая служба, 2020. № 2 (89).
49. *Гришаева Л.Е.* ООН: 75 лет после Второй мировой войны. М.: Дипломатическая служба, 2020. № 5 (92).
50. *Гришаева Л.Е.* От Версаля к войне... О роли «буферных» государств. М.: Дипломатическая служба, 2019. № 2 (83).
51. *Гришаева Л.Е.* Черчилль о Второй мировой войне: спорные вопросы истории. М.: Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2020. № 2 (24).
52. *Гришаева Л.Е.* Черчилль о разделе сфер влияния и новом устройстве мира. М.: Вопросы истории, 2020. № 8.
53. *Гутман А.Я.* Гибель Николаевска-на-Амуре: страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин: Русский экономист, 1924.
54. *Дацышен В.Г.* «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов. М.: Проблемы Дальнего Востока, 2012. № 3.

55. *Дацышен В.Г.* Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД. М.: Российская история, 2011.
56. *Дацышен В.Г.* Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. М.: Проблемы Дальнего Востока, 2013. № 5.
57. *Делюсин Л.П.* Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК. (1921–1928). Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1972.
58. *Делюсин Л.П.* Революция 1925–1927 гг. в Китае: проблемы и оценки. М.: Наука, 1985.
59. *Дубинский А.М.* Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке. М.: Мысль, 1966.
60. *Дубинский А.М.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны 1937–1945. М.: Мысль, 1980.
61. *Дьячков В.Л.* История Отечества. Краткое изложение основных проблем / В.Л. Дьячков; М-во обр. и науки РФ, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011.
62. *Ефимов Г.В.* Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914–1922. М., 1981.
63. *Жигалов Б.С.* «О характере и целях Дальневосточной политики советского государства в 1920–1924 гг.». Томск: Вестник Томского государственного университета, 2010. № 4 (12).
64. *Жуков А.Е.* История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 г. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
65. *Жуков А.Е.* История Японии. Т. II. 1868–1998 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.
66. *Загорский А.В.* Российско-японские отношения: Б.Н. Ельцин перед драматическим выбором // Знакомьтесь Япония: к визиту Б.Н. Ельцина. М., 1992.
67. *Зайцев Ю.М.* Базовое строительство и оборона Дальнего Востока СССР в 1932–1945 гг. Владивосток: ТОВМИ им. С.О. Макарова, 2009.

68. *Зайцев Ю.М.* Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР (1930-е гг.). М.: Россия и АТР, 2008. № 2 (60).
69. *Залесский К.А.* Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. Москва.: Вече, 2000.
70. *Захарова Г.Ф.* Политика Японии в Маньчжурии 1932–1945 гг. М.: Наука, 1990.
71. *Зиланов В.К., Кошкин А.А., Плютников А.Ю., Пономарев С.А.* Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М.: Алгоритм, 2015.
72. *Зиновьев, Г.Е.* Всемирно-историческое значение шанхайских событий. Правда. № 150. 7 июня 1925.
73. *Зорге Р.* Тюремные записки. М.: Новая и новейшая история, 1994. № 4–5.
74. *Иоффе А.Е.* Внешняя политика Советского Союза. 1928–1932 гг. М.: Наука, 1968.
75. *Ипатов А.С.* История российско-китайских отношений в документах и материалах. М.: Новая и новейшая история, 2013. № 2.
76. Исторический обзор КВЖД. 1896–1923 / сост. Е.Х. Нилус. Харбин.: Т.И. 1923.
77. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Том VII. Китайская Республика (1912–1949). М.: Восточная литература, 2013.
78. История российско-японских отношений: XVIII — начало XXI века: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. С.В. Гришачёва. М.: Аспект Пресс, 2015.
79. История Тувы: В 2 т. – Т. I. Под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001.
80. *Казанин М.А.* В штабе Блюхера. Воспоминания о китайской революции 1925–1927 годов. М.: Наука, 1966.
81. *Капистка В.В.* Деятельность военной разведки Японии в Советском Союзе в 1930-е годы. М.: Военно-исторический журнал, 2006. № 8.

82. *Капистка В.В.* Организация и особенности деятельности военной разведки Японии против СССР в 1930-е гг. (Продолжение). М.: Вестник академии военных наук, 2007. № 1(18).
83. *Капистка В.В.* Организация и особенности деятельности военной разведки Японии против СССР в 1930-е гг. М.: Вестник академии военных наук, 2006. № 4(17).
84. *Капистка В.В.* Особенности тайного противостояния советских и японских спецслужб. М.: Военно-исторический журнал, 2006, № 2.
85. *Капица М.С.* Советско-китайские отношения. М.: Госполитиздат, 1958.
86. *Капица М.С.* Три десятилетия – три политики. М.: Политиздат, 1959.
87. *Капица М.С.* Лев Карахан (1899–1937) // Видные советские коммунисты – участники китайской революции М.: 1970.
88. *Кара-Мурза Г.С.* Кантонское восстание. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1933.
89. *Кара-Мурза Г.С.* Кантонская коммуна. М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1933.
90. *Кара-Мурза Г.С.* Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая: Сборник документов. М.: Ин-т МХ и МП, 1934.
91. *Караева К.А.* Маньчжоу-Го (1931–1945): «марионеточное» государство в системе международных отношений на Дальнем Востоке. Екатеринбург: Уральское востоковедение, 2005. Вып. 1.
92. *Каретина Г.С.* Военно-политические группировки Северного Китая (Эволюция китайского милитаризма в 20-е–30-е гг. XX. в.). Владивосток: «Дальнаука», 2001 г.
93. *Каретина Г.С.* Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 20-е годы XX в. М.: Наука, 1984.
94. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. 1924–1927 гг. Документированный очерк. М.: Наука, 1979.
95. *Картунова А.И.* Вопрос о КВЖД в письмах Г.В. Чичерина Л.М. Карахану // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России. Тезисы докладов VII международной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир.

- История, современность, перспективы». (Москва 25–27 сентября 1996 г.) Ч. 2. М., 1996.
96. *Картунова А.И.* Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации Гоминьдана // Коминтерн и Восток. М.: 1969.
97. *Картунова А.И.* Китайский вопрос в переписке Г.В. Чичерина и Л.М. Карахана в 1924–1926-х // НИНИ, 1998. № 6.
98. *Картунова А.И.* Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 – июль 1927). М., 2000, 2001.
99. *Картунова А.И.* Коминтерн и некоторые вопросы реорганизации Гоминьдана // Коминтерн и Восток. М.: 1969.
100. *Картунова А.И.* Политика компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925–1927 гг. М.: Наука, 1983.
101. Китай в новое и новейшее время: история и историография. М.: Наука, 1981.
102. *Кошкин А.А.* «Кантокуэн» - «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М.: Вече, 2011.
103. *Кошкин А.А.* «Русские Курилы. История и современность». Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. Издание 3-е, расширенное и дополненное. М.: Алгоритм, 2015.
104. *Кошкин А.А.* Кантокуэн – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР». М.: Вече, 2011.
105. *Кошкин А.А.* Крах стратегии спелой хурмы. Военная политика Японии в отношении СССР 1931–1945 гг. М.: Мысль, 1989.
106. *Кошкин А.А.* Россия и Япония: Узлы противоречий. М.: Вече, 2010.
107. *Кошкин А.А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М.: Вече, 2012.
108. *Кошкин А.А.* Японский фронт маршала Сталина. Тень Цусимы длиной в век. М.: Олма-Пресс. 2004.

109. *Кротова М.В.* Советско-китайское управление на КВЖД в 1924–1935 гг. Хабаровск: Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2011. № 4.
110. *Кротова М.В.* Советское присутствие на КВЖД в 1924–1935 гг. М.: Проблемы Дальнего Востока, 2013. № 1.
111. *Кротова М.В.* Конфликт на КВЖД 1929 г.: информационная война и политические настроения русских в Маньчжурии М.: Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России», 2013. № 10.
112. *Кротова М.В.* СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е — 1950-е гг.). СПб.: Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, 2014.
113. *Крушанов А.И.* Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1920), кн. 1. Владивосток, 1972.
114. *Крюков В.М., Крюков М.В.* КВЖД 1929: Взрыв и эхо. М.: ИВ РАН, 2017.
115. *Крюков М.В.* Была ли миссия Чжан Сылиня в Москву «странным эпизодом» советско-китайских отношений начала 20-х годов? М.: Проблемы Дальнего Востока, 1997. №1, № 6.
116. *Кунадзе Г.Ф., Саркисов К.О.* Размышляя о советско-японских отношениях. М.: Мировая экономика и международные отношения, 1989. №5.
117. *Кутаков Л.Н.* Внешняя политика и дипломатия Японии. М.: Международные отношения, 1964.
118. *Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М.: Институт международных отношений, 1962.
119. *Кутаков Л.Н.* Портсмутский мирный договор. Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг. М.: Соцэкгиз, 1961.
120. *Кутаков Л.Н.* Россия и Япония. М.: Наука, 1988.
121. *Латышев И.А.* Покушение на Курилы. Южносахалинск: Изд. Пресса», 1992.
122. *Ленин И.В.* Биографическая хроника. М.: Политиздат, 1974. Т. 5.

123. *Ленский А.* Захват и освоение Маньчжурии японским империализмом. Хабаровск: Дальпартиздат, 1934.
124. *Лившиц С.Г.* Политика Японии в Сибири в 1918–1920 гг. Барнаул: гос. пед. ин-т, 1991.
125. *Линдер И., Абин Н.* Операция «Восточный ветер». М.: Витязь-Братишка, 2003.
126. *Ложкина А.С.* ...Два огромных зуба, торчащих изо рта: формирование образа Японии в советской периодической печати. М.: Родина, 2010. № 9.
127. *Ложкина А.С.* Представления советской военной элиты о Японии в 30-е гг. XX в. М.: Моск. Ун-т, 2008. Историки размышляют. Сб. Статей. Вып. 6.
128. *Ложкина А.С.* Формирование образа врага: Япония в советской пропаганде 1930-х гг. М.: Государственное управление. Электронный вестник, 2007. № 13.
129. *Ложкина А.С.* Формирование образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. М.: Вестник МГУ, 2008. Серия 21. Управление. № 4.
130. *Ложкина А.С.* Япония в представлениях высшего советского руководства 1930-х гг.: мифотворчество и прагматизм. М.: АИРО-XXI, 2008. Япония. Ежегодник.
131. *Ложкина А.С.* Япония в представлениях советского военного руководства 1930-х гг. Известия Алтайского госуниверситета, 2008. № 4–5.
132. *Лузянин С.Г.* Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000.
133. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007.
134. *Лукьянова М.И.* Японские монополии во время второй мировой войны. М.: Академия Наук СССР, 1953.

135. *Майский И.М.* Воспоминания советского посла. В 2-х книгах. М.: Наука, 1964.
136. *Майский И.М.* Воспоминания Советского Посла. Война 1939—1943. М.: Наука, 1965.
137. *Майский И.М.* Дневник дипломата, Лондон, 1934—1943. В 2-х книгах. М.: Наука, 2006.
138. *Малых К.С.* Тарифы Китайской Восточной дороги и их практическое применение. Харбин: Типография КВЖД, 1926 г.
139. *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.
140. *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае (1927–1929 гг.). М.: Наука, 1977.
141. *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае 1927—1949 гг.: Автореферат дис. на соискание учёной степени доктора исторических наук. МГИМО МИД СССР. М., 1975.
142. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1923). М.: Русский путь; Викмо-М, 2007.
143. *Мицу И.И.* Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах. М.: Центрархив, 1934.
144. *Мировицкая Р.А.* Михаил Бородин (1884–1951) // Видные советские коммунисты – участники китайской революции. М.: Наука, 1970.
145. *Мировицкая Р.А.* Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века). М.: Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2012. Вып. XVII.
146. *Мировицкая Р.А.* Первое десятилетие // Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968.
147. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20-30-е годы). М.: Наука, 1990.

148. *Мировицкая Р.А.* Советский Союз и КПК (конец 20-х – начало 30-х годов). Опыт и уроки истории КПК (к 60-летию образования партии). М.: 1981.
149. *Молодяков В.Э.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. М.: АИРО-XXI. 2006.
150. *Молодяков В.Э.* История Японии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
151. *Молодяков В.Э. Молодяков В. Э.* Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. Япония. Ежегодник, 2009. №38/2009.
152. *Молодяков В.Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М.: Вече, 2004.
153. *Молодяков В.Э.* Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения. Ежегодник. Япония, 2009.
154. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012.
155. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929—1948). М.: Астрель, 2005.
156. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899—1929). М.: Астрель, 2005.
157. *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891—1945). М.: Астрель, 2006.
158. *Молодяков В.Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007.
159. Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля, 1921–1931: сборник документов: в 2 книгах. Севостьянов Г.Н., Киевская Л.П., Кондакова И.А. М.: Наука, 2007.
160. *Мясников В.С.* Договорными статьями утвердили: Дипломатическая история русско-китайской границы. XVII–XX вв. М.: РИО Мособлупрполиграфиздата, 1996.

161. *Мясников В.С.* Русско-Китайский банк и его роль в истории международных отношений в Восточной Азии. М.: Наука, 1998.
162. *Мясников В.С., Степанов Е.Д.* Границы Китая : История формирования. М.: Памятники исторической мысли, 2001.
163. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов / Общая редакция д-ра ист. наук Б.Г. Сапожникова. М.: Прогресс, 1983.
164. *Нарочницкий А.Л.* и др. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. АН СССР. Ин-т Дальнего Востока. М.: Мысль, 1973–1978.
165. *Непомнин О.Е.* История Китая. XX век. Институт востоковедения РАН. М.: Крафт, 2011.
166. *Никифоров В.Н.* Китай в годы пробуждения Азии. М.: Наука, 1982.
167. *О'Коннор Т.Э.* Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 (перевод с английского). М. 1991.
168. *Окороков А.В.* В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013.
169. *Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект, 2012.
170. *Панин Е.В.* Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2-2.
171. *Панцов А.В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.
172. *Панцов А.В.* Чан Кайши и национально-освободительное движение в Китае. М.: Посев, 2009.
173. *Персиц М.А.* Дальневосточная республика и Китай: Роль ДВР в борьбе Советской власти за дружбу с Китаем в 1920–1922 гг. М.: Изд-во восточной литры, 1962.
174. *Пескова Г.Н.* Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 гг. М.: Новая и новейшая история, 1988. № 1.

175. *Пескова Г.Н.* Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 гг. М.: Новая и новейшая история, 1988. № 2.
176. *Пескова Г.Н.* Становление дипломатических отношений между советской Россией и Китаем. 1917–1924 гг. М.: Новая и новейшая история, 1997. № 4.
177. *Пергамент Н.Я.* Новейший обмен мнений по вопросу об экстерриториальности в Китае. Харбин.: Типография КВЖД, 1925.
178. *Пин Хуан.* Кантонское восстание и его подготовка (воспоминания) // Кантонская коммуна. Сб. ст. и мат-лов. М. – Л., 1929 г.
179. *Писарев А.А.* Советско-китайский конфликт 1929 г.: причины и последствия // Синьхайская революция и республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сб. статей. М., 2013.
180. *Попов Н.В.* Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М.: Политиздат, 1989.
181. *Попова Е.И.* Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922). М.: Наука, 1967.
182. *Потемкин В.П.* История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.). М.: Директ-Медиа, 2015.
183. *Прохоров А.К.* вопросу о советско-китайской границе. М.: Международные отношения, 1975.
184. *Раскольников Ф.Ф.* На боевых постах. М.: Воениздат, 1964.
185. *Рахманин О.В.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М.: Памятники исторической мысли, 2002.
186. *Торкунов А.В., Иокибэ М.* Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Иокибэ; [науч. ред.: проф. Д.В. Стрельцов и доц. С.В. Гришачёв]. М.: МГИМО-Университет, 2015.
187. *Сапожников Б.Г.* Китай в огне войны (1931–1950). М.: Наука. 1977.
188. *Сапожников Б.Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1941). М.: Наука. 1970.

189. *Сафронов В.П.* СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931–1945 гг. М: Ин-т рос. истории РАН, 2001.
190. *Севостьянов П.П.* Перед великим испытанием: внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М.: Политиздат, 1981.
191. *Сидоров А.Ю.* Внешняя политика советской России на Дальнем Востоке (1917–1922). М.: МГИМО, 1997.
192. *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1979.
193. *Сироткин В.Б.* Зарубежное золото России. М.: ОЛМАПресс, 2000.
194. *Славинский Б.Н.* Изменчивые образы безопасности Японии // Япония и глобальные проблемы человечества. М.: Восточная литература РАН, 1999.
195. *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999.
196. *Славинский Д.Б.* Советский Союз и Китай: история дипломатических отношений. 1917–1937. М.: ЗАО «Япония сегодня», 2003.
197. *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем, 1917–1974. М.: Наука, 1977.
198. *Сладковский М.И.* Китай и Япония. М.: Наука, 1971.
199. *Смирнов С.В.* Буяков А.М. Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-Го (1938–1945). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015.
200. *Соколов В.В.* На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М.: Издательство политической литературы, 1983.
201. *Соловьёв Ф.В.* Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 1973.
202. *Терентьев Н.* Очаг войны на Дальнем Востоке. М.: Партийное издательство. 1934.
203. *Титаренко М.Л.* Россия лицом к Азии. М., 1993.

204. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока: Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
205. *Титаренко М.Л.* Россия и Восточная Азия: Вопросы международных и межкультурных отношений. М.: ООО «Фабула», 1994.
206. *Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М.: Наука, 1976.
207. *Тихвинский С.Л.* Россия-Япония. Обречены на добрососедство. М.: Памятники исторической мысли, 1996.
208. *Тихвинский С.Л.* Русско-китайские отношения в XX. Т. III: Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2010.
209. *Ткаченко Б.И.* Россия-Китай: Восточная граница в документах и фактах. Владивосток: Уссури, 1999.
210. *Того Сигэнори.* Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.
211. *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
212. *Усов В.Н.* Последний император Китая. Пу И (1906–1967 гг.). М.: Олма-Пресс, 2003.
213. *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае. 20-е гг. XX века. М.: Олма-Пресс, 2002.
214. *Файнберг Э.Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
215. *Федоров Н.* Героическая борьба Маньчжурских партизан. М.: Соцэкгиз, 1937.
216. *Хахалкина Е.В., Б.С. Жигалов Б.С. И.М. Майский и советско-японские отношения в 1927–1929 гг.* М.: Проблемы Дальнего Востока № 3, 2019 г.
217. *Хейфец А.Н.* Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927. М.: Наука, 1968.
218. *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

219. *Хохлов А.Н.* Переговоры Фэн Юйсяна в Москве и его вступление в Гоминьдан (неизвестные страницы биографии китайского военного лидера) // Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1996.
220. *Хрулев В.В.* Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М.: Военное издательство Народного Комиссариата Обороны Союза ССР, 1940.
221. *Хуан Пин.* «Кантонское восстание и его подготовка (воспоминания)» // Кантонская коммуна. Сборник статей и материалов. М., Л., 1929.
222. *Чан Кайши.* Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет. М.: Посев, 2009.
223. *Чан Цзюн.* Императрица Цыси. Наложница, изменившая судьбу Китая. 1835–1908. М.: Центрполиграф, 2019.
224. *Черевко К.Е.* Зарождение русско-японских отношений XVII—XIX века. М.: Наука, 1999.
225. *Черевко К.Е.* Кириченко А.А. Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.) Рассекреченные архивы. М.: Бимпа, 2006.
226. *Черевко К.Е.* Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010.
227. *Черевко К.Е.* Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003.
228. *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924–1927). М.: Наука, 1964.
229. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. Изд. 2-е, перераб. М.: Зерцало-М, 2003.
230. *Чистяков О.И.* Конституция СССР 1924 года: Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2004.
231. *Чубаров В.В.* Военные конфликты в Китае и позиции СССР (1927–1933 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992.
232. *Шацилло В.К.* Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

233. *Шинин О.В.* Проведение органами государственной безопасности активных мероприятий в 1922–1941 гг. (на материалах Дальневосточного региона). // Проблемы Дальнего Востока, 2006. № 4.
234. *Шинин О.В.* Роль партийных и государственных органов в создании и совершенствовании контрразведывательных аппаратов на Дальнем Востоке и комплектовании их оперативными кадрами. // Исторические чтения на Лубянке. 2003 г. Власть и органы государственной безопасности. М., 2004.
235. *Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. М.: Вече, 2001.
236. *Эренбург Г.Б.* Национально-освободительное движение в Китае после Великой октябрьской социалистической революции (1918—1924 гг.). М.: Правда, 1950.
237. *Эренбург Г.Б.* Правда о событиях на КВЖД. М.: Госиздат РСФСР, 1929.
238. *Эренбург Г.Б.* Что происходит на Дальнем Востоке. М.: Партиздат, 1932.
239. *Юнхуа Чжао.* Русская пресса в Китае (1898–1956). М., 2017.
240. *Юркевич А.Г.* Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е гг.). // Вестник Российского университета дружбы. 2009.
241. *Ямпольский В.П.* Японская разведка против СССР в 1918–1945 гг. М.: Военно-исторический журнал, 1991. № 11.
242. *Ямпольский В.П.* Роль японских спецслужб в борьбе против СССР (1918–1945 гг.) // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб (ТОИОС). Т. 2. М.: 2006.
243. *Яскина Г.С.* История Монголии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
244. *Яхимович С.Ю.* Большевистская партийная организация внутри советской колонии в Северной Маньчжурии (1924-1931 гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2012. № III-2.

245. *Яинов Е.Е.* Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин.: Типография КВЖД, 1928.

На английском языке

246. *Vamba, Nobuya Mark.* Japanese Diplomacy in Dilemma: A Comparative Analysis of Shidehara Kijuro's and Tanaka Giichi's Policies Toward China, 1924-1929. University of California, Berkeley, Dissertation, 1970.

247. *Barmine, Alexandre.* Memoirs of a Soviet Diplomat. Westport, CT: Hyperion, 1938 reprinted, 1973.

248. *Beasley, William G.* The Meiji Restoration. Redwood City, Stanford University Press, 1972.

249. *Bianco, Lucien.* Origins of the Chinese Revolution. Stanford: Stanford University Press, 1971.

250. Black's Law Dictionary. St. Paul: West Publication Company, 1933.

251. *Bowden, J. C.* Soviet Military Aid to Nationalist China, 1923—1941. In: Sino-Soviet Military Relations. — N. Y.: Frederick A. Praeger Publishers, 1966.

252. *Brandt, Conrad.* Stalin's Failure in China. 1924—1927. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1958.

253. *Brandt, Conrad, Benjamin Schwartz, and John K. Fairbank,* eds. A Documentary History of Chinese Communism. Cambridge: Harvard University Press, 1952.

254. *Browder, R. P.* Soviet Far Eastern Policy and American Recognition 1932—1934. Pacific Historical Review. Vol. 21, No. 3 (Aug. 1952).

255. *Carr, E. H.* The Bolshevik Revolution. London: Penguin Books, 1966.

256. *Chesneaux, Jean, Françoise Le Barbier, and Marie-Claire Bergère.* China From the 1911 Revolution to Liberation. New York: Pantheon, 1977.

257. *Chiang Kai-shek.* China's Destiny. New York: Roy Publishers, 1947.

258. *Chow Tse-tung.* The May 4th Movement: Intellectual Revolution in Modern China. Cambridge: Harvard University Press, 1980.

259. *Chu Pao-chin, V. K. Wellington Koo: A Case Study of China's Diplomat and Diplomacy of Nationalism, 1912—1966*, Hong Kong: Chinese University Press, 1981.
260. *Clubb, O.E. China and Russia. The “Great Game”*. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1971.
261. *Dallin, David J. The Rise of Russia in Asia*. New Haven: Yale University Press, 1949.
262. *Davies, R. W. Soviet Military Expenditure and the Armaments Industry 1929—1933: A Reconsideration. Europe-Asia Studies. Taylor & Francis, Ltd. Vol. 45. 1993, No. 4.*
263. *Dayer, Roberta Allbert. Bankers and Diplomats in China, 1917—1925: The Anglo-American Relationship*. Totowa, NJ: F. Cass, 1981.
264. *Deutscher, Isaac. Stalin: A Political Biography*. New York: Oxford University Press, 1968.
265. *Deutscher, Isaac. The Prophet Armed, Trotsky: 1879—1921*. New York: Oxford University Press, 1980.
266. *Deutscher, Isaac. The Prophet Unarmed, Trotsky: 1921—1929*. New York: Oxford University Press, 1980.
267. *Dirlik, Arif. The Origins of Chinese Communism*. New York: Oxford University Press, 1989.
268. *Duus, Peter, Ramon H. Myers, and Mark R. Peattie, eds. The Japanese Informal Empire in China, 1895—1937*. Princeton: Princeton University Press, 1989.
269. *Elleman, Bruce. Diplomacy and Deception: Secret History of Sino-Soviet Diplomatic Relations, 1917—1927*. Routledge, 2015.
270. *Elleman, Bruce. Manchurian Railways and the Opening of China: An International History*. Armonk, NY, USA: M. E. Sharpe, 2010.
271. *Esherick, Joseph W. The Origins of the Boxer Uprising*. Berkeley: University of California Press, 1987.

272. *Eudin, Xenia Joukoff, and Robert C. North.* Soviet Russia and the East 1920—1927: A Documentary Survey. Stanford: Stanford University Press, 1957.
273. *Evans, Les, and Block, Russell,* eds. Leon Trotsky on China. New York: Monad Press, 1976.
274. *Feigon, Lee.* Chen Duxiu: Founder of the Chinese Communist Party. Princeton: Princeton University Press, 1983.
275. *Ferrell, R. H.* The Mukden Incident: September 18—19, 1931. *The Journal of Modern history.* Vol. 27. No. 1 (Mar. 1955).
276. *Fifield, Russell H.* Woodrow Wilson and the Far East. Archon Books, 1965.
277. *Fischer, L.* Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations 1917—1941. N.Y.: Frederick A. Praeger Publishers, 1969.
278. *Fleming, Denna Frank.* The Cold War and its Origins, 1917—1960. Garden City, NY: Doubleday, 1961.
279. *Friters, G.M.* Outer Mongolia and its international Position. Durham, 1959.
280. *Gaddis, John Lewis.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. New York: Columbia University Press, 1972.
281. *Georgescu, Vlad.* The Romanians: A History. Columbus: Ohio State University Press, 1991.
282. *Glantz, D.M.* The military strategy of the Soviet Union: A history. London: Frank Cass, 1992.
283. *Goldstein, Erik, and John Maurer.* The Washington Conference, 1921—1922: Naval Rivalry, East Asian Stability and the Road to Pearl Harbor. London: Frank Cass, 1994.
284. *Goncharov, Sergei N., and John W. Lewis, Xue Litai,* Uncertain Partners: Stalin, Mao, and the Korean War. Stanford: Stanford University Press, 1993.
285. *Graves, William S.* America's Siberian Adventure, 1918—1920. New York: Peter Smith, 1941.
286. *Great Soviet Encyclopedia.* New York: Macmillan, 1970.

287. *Harrison, M., Davies, R. W.* The Soviet Military — Economic Effort during the Second Five-year Plan (1933—1937). *Euro-Asian Studies*. Vol. 49. 1997, № 3.
288. *Haslam, Jonathan.* Soviet foreign policy 1930—1933: The impact of the depression. London: Macmillan, 1983.
289. *Haslam, Jonathan.* The Soviet Union and the Threat from the East, 1933—1941: Moscow, Tokyo and the Prelude to the Pacific War. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1992.
290. *Hinton, H.C.* An Introduction to Chinese Politics. N. Y.: Praeger, 1973.
291. *Hou, Chi-ming.* Foreign Investment and Economic Development in China, 1840—1937. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
292. *Hsu, Immanuel C. Y.* The Rise of Modern China. New York: Oxford University Press, 1995.
293. *Hull, Cordell.* The Memoirs of Cordell Hull. New York: Macmillan, 1948. Two volumes.
294. *Hunt, Michael H.* Frontier Defense and the Open Door. New Haven: Yale University Press, 1973.
295. *Iriye, Akira.* After Imperialism: The Search for a New Order in the Far East, 1921—1931. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
296. *Iriye, Akira.* The Cold War in Asia: A Historical Introduction. Princeton: Princeton University Press, 1974.
297. *Iriye, Akira.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. London; New York: Longman, 1987.
298. *Isaacs, Harold R.* The Tragedy of the Chinese Revolution. Stanford: Stanford University Press, 1961.
299. *Israel, John.* Student nationalism in China 1927—1937. Stanford Calif.: Stanford University press Publ., 1966.
300. *Iyenaga, Toyokichi.* Iyenaga Decries Shantung Charge, *New York Times*, August 1, 1919.

301. *Jacobs, Dan N.* Borodin: Stalin's Man in China. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
302. *Jansen, Marius B.* The Japanese and Sun Yat-sen. Cambridge: Harvard University Press, 1954.
303. *Jordan, Donald A.* The Northern Expedition: China's National Revolution of 1926-1928. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976.
304. *Kantorovich, A.J.* The Sale of Chinese Eastern Railway. Pacific Affairs. Vol. 8 No. 4 (Dec. 1935).
305. *Kataoka, Tetsuya.* Resistance and Revolution in China: The Communists and the Second United Front. Berkeley: University of California Press, 1974.
306. *Kennan, George F.* American Diplomacy. Chicago: University of Chicago Press, 1984.
307. *Kennan, George F.* Soviet American Relations, 1917—1920: Russia Leaves the War. Princeton: Princeton University Press, 1956.
308. *Kennan, George F.* Soviet American Relations, 1917—1920: The Decision to Intervene. Princeton: Princeton University Press, 1958.
309. *Kitaoka, S.* Diplomacy and the military in Showa Japan. Daedalus. Vol. 119. No. 3 (Sum. 1990).
310. *Koebner, Richard, and Helmut Hans Schmidt.* Imperialism: The Story and Significance of a Political Word, 1840—1960. London: Cambridge University Press, 1964.
311. *LaFeber, Walter.* America, Russia, and the Cold War, 1945—1984. New York: John Wiley and Sons, 1967.
312. *Langer, William L.* The Diplomacy of Imperialism, 1890—1902. New York: Knopf, 1956.
313. *Lensen, George Alexander,* ed. Revelations of a Russian Diplomat: The Memoirs of Dmitri I. Abrikossow. Seattle: University of Washington Press, 1964.
314. *Lensen, George Alexander.* Japanese Recognition of the U. S. S. R. Tokyo: Sophia University Press, 1970.

315. *Lensen, George Alexander.* Russia's eastward expansion. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1964.
316. *Leong, Sow-Theng.* Sino-Soviet diplomatic relations, 1917—1926 [by] S. T. Leong. — Canberra: Australian National University Press; Honolulu, Hawaii: University Press of Hawaii, 1976.
317. *Lerner, Warren.* Karl Radek: The Last Internationalist. Stanford: Stanford University Press, 1970.
318. *Levenson, Joseph R.* Liang-Ch'i-Ch'ao and the Mind of Modern China. Berkeley: University of California Press, 1970.
319. *Loh, Pichon P.-Y.* Sino-Russian diplomatic relations and the effects upon China, 1919—1929. Dissertation submitted the faculty of the division of the social sciences in candidacy for the degree of Master of Arts. Chicago, Illinois, 1951.
320. *Lynch, Allen.* The Cold War is Over — Again. Boulder: University of Colorado Press, 1992.
321. *Malia, Martin.* The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917—1991. New York: Free Press, 1994.
322. *Mao Tse-tung.* Selected Works of Mao Tse-tung. Peking: Foreign Languages Press, 1965.
323. *Mayer, Arno J.* Political Origins of the New Diplomacy, 1917—1918. Yale University Press, 1959.
324. *Medvedev, Roy A.* Let History Judge. New York: Knopf, 1971.
325. *Meisner, Maurice.* Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism. New York: Atheneum, 1977.
326. *Meyer, M.U.* A History of the Far East. N. Y.: Harper, 1972.
327. *Mikhailova, Y.* Japan and Russia: Mutual images (1904—1939). The Japanese and Europe: Images and perceptions. Bert Edstrom (ed.), Japan Library (Curzon Press), 2000.
328. *Mikhailova, Y.* Japan's place in Russian and Soviet national identity: from Port Arthur to Khalkhin-gol. Japanese Slavic and East European Studies. Vol. 23. 2002.

329. *Moore, Barrington Jr.* Soviet Politics — The Dilemma of Power. Cambridge: Harvard University Press, 1951.
330. *Morgenthau, Hans H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Knopf, 1948.
331. *Nathan, Andrew J.* Peking Politics, 1918—1923: Factionalism and the Failure of Constitutionalism. Berkeley: University of California Press, 1976.
332. *Ogata, Sadako N.* Defiance in Manchuria: the making of Japanese foreign policy, 1931—1932. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1964.
333. *Paine, S. C. M.* Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996.
334. *Purcell, Victor.* The Boxer Uprising: A Background Study. Cambridge: Cambridge University Press, 1963.
335. *Quested, R. K.I.* Sino-Russian Relations: A Short History. Winchester, MA: George, Allen, and Unwin, 1984.
336. *Rummel, R.J.* China's Bloody Century: Genocide and Mass Murder Since 1900. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1991.
337. *Schiffrin, Harold Z.* Sun Yat-sen and the Origins of the Chinese Revolution. Berkeley: University of California Press, 1968.
338. *Schwartz, Benjamin.* Chinese Communism and the Rise of Mao. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
339. *Seton-Watson, Hugh.* The Russian Empire, 1801—1917. Oxford: Clarendon, 1967.
340. *Sharman, Lyon.* Sun Yat-Sen: His Life and Its Meaning. Stanford: Stanford University Press, 1968.
341. *Sheridan, James E.* China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912—1949. New York: Free Press; London: Collier Macmillan, Cop. 1975.
342. *Snow, Edgar.* Red Star Over China. London: Gallienz Press, 1938.
343. *Spence, Jonathan.* The Search for Modern China. New York: W. W. Norton, 1990.

344. *Stettinius, Edward R. Jr.* Roosevelt and the Russians. Garden City, NY: Doubleday, 1949.
345. *Sun, Yat-sen.* Memoirs of a Chinese Revolutionary. Taipei, Taiwan: China Cultural Service, 1953.
346. *Tang, Peter S. H.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911—1931. Durham: Duke University Press, 1959.
347. *Taylor, Jay.* The Generalissimo Chiang Kai-shek and the Struggle for Modern China. Cambridge MA: Harvard University Press, 2009.
348. *Tetsuya, S.* The Soviet factor in Japanese foreign policy 1923—1937. *Acta Slavica Iaponica*. 1988, Issue 6.
349. *The Oxford English Dictionary*, 2nd ed. New York: Oxford University Press, 1989.
350. *Thornton, A.P.* Imperialism in the Twentieth Century. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
351. *Tong, H.K.* Facts About the Chinese Eastern Railway Situation (with documents). Harbin, 1929.
352. *Trotsky, Leon.* The Revolution Betrayed: What is the Soviet Union and Where is it Going? New York, Pathfinder, 1972.
353. *Trotsky, Leon.* The Third International After Lenin. New York: Pioneer, 1932.
354. *Tuchman, Barbara W.* Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945. New York: Macmillan, 1971.
355. *Ullman, Richard H.* Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton: Princeton University Press, 1968.
356. *Unterberger, Betty Miller.* America's Siberian Expedition, 1918—1920. Durham: Duke University Press, 1956.
357. *Van de Ven, Hans, J.* The Founding of the Chinese Communist Party and the Search for a New Political Order, 1920—1927. Harvard University Dissertation, 1987.

358. *Vernadsky, George*. A History of Russia. Volume 3: The Mongols and Russia. New Haven: Yale University Press, 1953.
359. *Vishnyakova-Akimova, Vera Vladimirovna*. Two Years in Revolutionary China, 1925—1927, trans. Steven I. Levine. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
360. *Wei, Julie Lee, Ramon H. Myers, and Donald G. Gillin*. Prescriptions for Saving China, Selected Writings of Sun Yat-sen. Stanford: Hoover Institution Press, 1994.
361. *Whiting, Allen S.* Soviet Policies in China, 1917—1924. New York: Columbia University Press, 1954.
362. *Wilbur, C. Martin and Julie Lien-ying How*. Documents on Communism, Nationalism, and Soviet Advisers in China, 1918—1927: Papers Seized in the 1927 Peking Raid. New York: Columbia University Press, 1972.
363. *Young, Marilyn*. The Rhetoric of Empire American China Policy, 1895—1901. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
364. *Zagoria, Donald S.* The Sino-Soviet Conflist: 1956—1961. Princeton: Princeton University Press, 1962.

На китайском языке

365. Гу Вэйцзюнь юй чжунго вайцзяо (*Гу Вэйцзюнь и дипломатия Китая*) Шанхай, 2001.
366. Линь Цзюнь, 1924 нянь Чжун Су фу цзяо шупин (*О восстановлении советско-китайских отношений в 1924 г.*), Шицзе лиши, 1990, №1, 1.
367. Хэ Ханьвэнь. Чжон ге вай дзяо гуан си ши (*История китайско-российских дипломатических отношений*). Шанхай, 1935.
368. Янь Хуэйцин. Йилу, йао йулин йи, ньян бан. (*Воспоминания Янь Хуэйцина*). Тайбэй. 1982.